ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

И. Ф. Куц

Годы в седле

OZON.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гражданская война, Советский Туркестан во вражеском кольце. Связи с Москвой нет, не хватает хлеба, оружия, топлива... Среднеазиатские большевики твердо отстаивают дело революции. Ряды бойцов за власть Советов день ото дня растут. В них вливаются и революционно настроенные военнопленные. Среди бойцов-интернационалистов много мадьяр. Сражаясь против врагов Советской республики в России, они тем самым боролись и против врагов трудовой Венгрии. Автор книги не претендует на широкие исторические обобщения. Как участник и свидетель событий, он правдиво описывает суровые бои и походы в горах и пустынях, на живых примерах показывает могучую силу интернационализма. Начав службу в Красной Армии рядовым бойцом, он вырос до командира корпуса. В годы гражданской войны командовал конным дивизионом, большинство бойцов в котором были венгры. Иван Федорович Куц по достоинству оценивает революционную сознательность, боевую доблесть и душевную красоту своих товарищей по оружию. В период Великой Отечественной войны ему довелось в должности заместителя командира 6-го гвардейского кавалерийского корпуса участвовать в боях за освобождение Венгрии.

- Куц Иван Федорович
  - Держитесь, атаманы!
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
  - Схватка с эмиром
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
  - Наша сотня
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
  - Контрреволюция поднимает голову
    - 1
    - 2

        - 3
        - 4
        - 5
        - 6
    - Зеравшанские тропы
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
    - На помощь восставшим
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
        - 6
    - Конец Бухарского ханства
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
    - В украинских степях
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
        - 6
    - Список иллюстраций
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14

○ 15

Куц Иван Федорович
Годы в седле

Держитесь, атаманы!

1

Ивахненко, дядька лет сорока, причмокивая толстыми губами, долго вертел в руках полученную от меня бумажку. Привыкший без лишних слов выполнять приказы начальства, заведующий хозяйством самаркандского гарнизона на этот раз не знал, как быть.

«Вам надлежит, — перечитывал вслух бывший унтер, — к трем часам дня двадцать четвертого декабря сего года подготовить для отправки с отрядом Красной гвардии, убывающим в район боевых действий, четыре лучших пароконных повозки с опытными повозочными, а также одного кузнеца и одного слесаря-оружейника. Повозочных и мастеровых желательно назначить из числа выразивших желание поехать добровольно...»

И, уже не глядя в листок, Ивахненко закончил:

— Военный комендант города Самарканда Пендо.

Я не понимал, что же тут смутило старого служаку. Кажется, все сказано ясно: срочно нужны добрые лошади, исправные телеги да шесть обозников.

— А ты вникни, — поднял кверху указательный палец Ивахненко. — Вишь как пишет: «Желательно назначить из числа выразивших желание». Будто не знает, что повозочные и мастеровые у меня военнопленные.

— Ну и что? Революция ж освободила их!

— То-то и оно! Какой же дурак теперь сам на фронт попросится? Как ни верти, а в тылу спокойнее.

Повздыхав над листком, Ивахненко вышел из глинобитной мазанки, именовавшейся канцелярией, поднял железный шкворень и трижды стукнул им о подвешенный у входа вагонный буфер. По этому сигналу из кузницы, оружейной мастерской, конюшен на середину двора высыпали работавшие там люди. Завхоз построил свою разношерстную команду и зачитал полученный приказ.

— Вопросы есть? Нету? Ну так вот: кто хочет подсобить Красной гвардии — до обеда сообщить мне. А сейчас р-раз-зайдись!

Ивахненко не был уверен, что добровольцы найдутся. Но его опасения не оправдались. Не успели мы вернуться в канцелярию, как туда пришли слесарь-оружейник Танкушич, кузнец Сабо и повозочный Габриш. А чуть попозже еще трое: повозочные Надь, Немеш и Ролич. Судя по тому, что Ивахненко не опешил их записывать и ждал, когда подойдет еще кто-нибудь, я сообразил,

что люди это хорошие и завхоз не хотел бы их лишиться.

Но мадьяры, видимо, договорились между собой, кому из них ехать. Поэтому-то и явилось ровно столько, сколько нужно. Ивахненко оставалось только оформить им документы, снабдить всем необходимым для дальней дороги. В приказе коменданта ничего не говорилось об оружии. Но бывалый солдат знал: на войне оно полагалось и обозникам. Венгры получили кавалерийские карабины.

После обеда они собрались возле халупы, в которой располагался завхоз. Их было пятеро. Отсутствовал Танкушич. Он что-то доделывал в мастерской. Повозочный Габриш, рослый красивый брюнет, вызвался сбегать за ним. Я вспомнил, что надо бы прихватить в отряд кое-какой слесарный инструмент, и последовал за Габришем.

Танкушич стоял у окна, проверяя лекалом канал ружейного ствола. Роста был он среднего, худощав, строен. Под прямым тонким носом чернели небольшие усики. Волевое смуглое лицо казалось высеченным из камня. Но вот оружейник обернулся, и карие глаза его ожили, весело заблестели, губы расплылись в улыбке.

Габриш что-то тихо сказал ему по-венгерски. Танкушич согласно кивнул и обратился к начальнику мастерской:

— То приятель мой, — показал он на Габриша, — назначен в отряд. Просит саблю.

— Пусть берет. Только к чему она ему на повозке?

— Я есть мадьярский гусар, — вступил в разговор Габриш. — Без сабли не можно в бой.

Открыли небольшую кладовушку. В углу на брезенте лежала груда трофейного оружия. Габриш долго ковырялся в куче, наконец выбрал увесистую венгерскую шашку. Повертел ею над головой, рубанул по воздуху. Начальник мастерской, из старых фельдфебелей, одобрительно хмыкнул:

— Здоров, чертило! Бери, гусар... В самый раз она тебе.

Габриш, довольный, поспешил в казарму. Оказывается, он уже и портупею припас. Быстро пристегнул к ней клинок, собрал нехитрые пожитки. Постоял перед скрипкой, потом бережно завернул ее в полотенце и сунул в мешок.

Ровно в три, напутствуемый добрыми пожеланиями, наш маленький обоз выкатил за ворота. Заехали на артсклад, погрузили в подводы «цинки» — металлические ящики с патронами. Затем добавили к ним несколько мешков с продовольствием и фуражом.

До станции добрались только к вечеру.

Надо было видеть Габриша, когда он подъехал к платформе!

Красная пирожком гусарская шапочка лихо сидела на затылке. Из-под нее выбивались густые черные волосы. Буйные пряди почти скрывали тонкий бледно-розовый шрам, идущий от середины лба через бровь к правой скуле, — память о стычке с казаками в разведке под Бродами в шестнадцатом году. Шрам не портил лица, напротив, придавал ему воинственность. Усы — не очень длинные, холеные, цвета вороньего крыла. Нос — крупный, похожий на перевернутый стручок перца. Широкие плечи туго обтягивала новая защитная гимнастерка русского покроя. За плечами, наискось, карабин. Меж коленей зажата сабля. Медная гарда ее рукоятки ослепительно сверкала в лучах заходящего солнца. Красные кавалерийские брюки «чикчиры» заправлены в черные сапоги с короткими голенищами.

— Никак, воевать собрался? — встретил удалого возницу молоденький красногвардеец Ваня Плеханов, курносый блондин, весь усыпанный веснушками. Не будь у него в руках винтовки, Плеханова можно было бы смело принять за подростка, облачившегося в отцовскую одежку. Все — и черная кожаная куртка, и такие же брюки, и сапоги, и даже фуражка — явно не соответствовало комплекции.

Смерив собеседника ироническим взглядом, Габриш не без гордости ответил:

— Я есть трудовой мадьяр. На бой вместе ехать будем, — и остановил повозку подле группы красногвардейцев.

— Вот это правильно! — поддержал венгра старый деповский рабочий Разумов. — Раз трудовой, значит, наш. Слезай, сынок, со своей коляски, познакомимся.

Габриш привязал вожжи к сиденью, легко спрыгнул на каменистый настил, поздоровался:

— Сервус!

Ему ответили. Старик достал кисет, предложил:

— Попробуй-ка нашего самосаду.

Габриш извлек из кармана огромную трубку с коротким чубуком, всыпал в нее щепоть махорки. Разумов поднес тлеющий фитиль зажигалки.

После первой же глубокой затяжки Габриш поперхнулся. Это вызвало смех среди молодых бойцов.

— Чего ржете? — набросился на них Разумов. — Иш зубы оскалили, будто самим не приходилось слезу пущать. Ить такой крепости курева, почитай, ни у кого нету.

Габриш скоро освоился с разумовским злым табаком. Делая короткие затяжки, он только крякал.

Встретившись взглядом с Танкушичем, который все еще сидел на клади в повозке, Разумов жестом пригласил и его в

общую компанию. Тот вмиг спрыгнул и представился по-военному:

— Танкушич, слесарь-оружейник.

— Выходит, тоже свой брат-рабочий, — оживился старик. — А ну-ка кличьте сюда остальных. Со всеми разом и познакомимся.

Чувствуя к себе доброжелательное отношение, венгры охотно откликнулись на зов. Красногвардейцы наперебой протягивали кисеты, зажигалки. При помощи немногих слов и жестов завязалась общая беседа. Кто-то затянул песню. Габриш достал скрипку, заиграл русскую. Молодежь пустилась в пляс. А потом, когда из-под смычка полились звуки чардаша, в центр круга вышли парами Танкушич и Сабо, Надь и Ролич. Положив друг другу на плечи руки, они закружились в задорном танце. Оставшийся без партнера Немеш подскочил к Плеханову. Тот принял приглашение. Но станцевать ему не пришлось: прозвучал сигнал на посадку.

О чем пела труба, понимали еще не все. Вдоль состава пошел помощник командира отряда Иван Пильщиков. У каждого вагона кричал:

— Приступить к погрузке!..

Грузились недолго. Только у артиллеристов случилась заминка. Они никак не могли завести в вагон норовистого коня. Темно-гнедой тяжеловес не слушался.

Понаблюдав за жеребцом со стороны, Габриш решительно направился к упрямцу. Взялся за повод, потрепал по загривку:

— Стой, стой, глупий Мишка.

Позже мы узнали, что так он называл всех коней. Кобыл же именовал Машками.

— Кусочка хлеб надо, — обратился Габриш к красногвардейцам.

Кто-то бросил ему объедок. Ловко поймав его, Габриш стал кормить коня. Потом прогулялся с ним по платформе и наконец решительно повернул к вагону.

Громко застучали по деревянным сходням тяжелые копыта. Дело было сделано. Гнедой занял свое место рядом с двумя такими же гигантами.

— Ну и ну! Прямо-таки укротитель. Спасибо, друг, — восхищенно благодарил Габриша командир батареи Янушевский...

А уже к эшелону хлынули родные и друзья. Им разрешили проститься с отъезжающими.

Венгров не провожал никто. Однако и они не чувствовали себя одиноко в шумной толпе. Красногвардейцы знакомили их со своей родней, делились подарками. Лишь Танкушич загрустил.

Но, увидев проходившего мимо Андрея Ярошенко, оживился:

— Андрюша, сервус!

— Здравствуй, Шандор. Я не знал, что ты с нами едешь.

— Я тоже не знал. Потому и не мог заскочить к вам домой попрощаться. Нехорошо получается.

— А это мы сейчас поправим. Пиши записку — сбегаю в депо, тут рядом. Передам батькиным друзьям, мигом доставят.

Когда Андрей вернулся, я подсадил его в теплушку. Спросил:

— Откуда Танкушича знаешь?

— Так он чуть не целый год с батькой на заводе работал. В гости часто захаживал...

Андрей говорил еще что-то, но что именно, понять было трудно. Зычно рявкнул паровоз, ему откликнулся второй. Эшелон мягко тронулся. Медленно поплыли пакгаузы. Потом все быстрее замелькали дома, деревья, телеграфные столбы.

2

24 декабря 1917 года выдался на редкость теплый вечер даже для мягкой туркестанской зимы. Бойцы сгрудились у дверных проемов, подставляя лица встречному ветру. Многие уселись, свесили из вагонов ноги.

Но вот тусклым серебром блеснула внизу лента Зеравшана. Из долины потянуло свежестью. Дверь задвинули. Трепетно замерцала в фонаре свеча. Сразу смолк говор. Кто-то затянул:

Горит свеча в вагоне тускло.

Солдаты все тревожно спят...

Песня знакомая. В войну Самарканд был переполнен солдатами, хотя и находился в глубоком тылу. Обнесенная валами и рвом, с башнями по углам и громадными воротами, высилась в самом центре города старая крепость. В ней размещался батальон 7-го запасного Сибирского стрелкового полка. Там готовились и оттуда отправлялись на германский фронт маршевые роты. Все они пели эту песню.

...Один не спит, в тоске глубокой

Сидит, склонив главу на грудь.

Тоска по родине далекой

Никак не даст ему уснуть.

Защемило в груди. Я приоткрыл тяжелую дверь. Уже совсем стемнело. Натруженно пыхтя, старенькие паровозы вытаскивали наш длинный состав на подъем. По выемке, сделанной в отрогах Зеравшанских высот, летели искры, стлался едкий дым. Поезд шел медленно. Расшатанная колея бросала вагоны из стороны в сторону. Редко, почти в такт протяжной мелодии, стучали на стыках колеса...

Сборы в дорогу были столь спешными, что нам не успели даже толком разъяснить задачу. Сообщили лишь, что едем в сторону Оренбурга. Там захватил власть казачий атаман Дутов, и теперь связь Советского Туркестана с центром России прервана.

— Прибудем в Ташкент и все проясним, — сказал на коротком митинге командир нашего отряда Василий Степанович Гуща...

В Ташкенте перед нами выступил один из местных большевиков — рабочий железнодорожных мастерских. Он обстоятельно рассказал о положении в Туркестане. К концу 1917 года Советская власть прочно утвердилась лишь в крупных городах — Ташкенте, Самарканде и некоторых других. В то же время Фергана стала центром контрреволюционных сил. Туда стекались белогвардейское офицерье, главари реакционных

мусульманских партий — Улемы и Шуро-Исламии. В конце ноября в Коканде образовалось буржуазно-националистическое правительство. Оно выступило за «автономию». Конечно, автономия имелась в виду такая, где власть принадлежала бы не трудящимся, а национальной буржуазии, феодалам и реакционному духовенству. Кокандские «автономисты» по отношению к Советской власти были настроены враждебно, но открыто бороться с нею пока не решались. Бухарское и Хивинское ханства, разделившие Советский Туркестан надвое, также не имели достаточной военной силы. В Семиреченокой области верховодили русские колонизаторы и зажиточные казаки. Серьезной угрозой являлись и английские войска, находившиеся в Персии. Они искали только предлога для вооруженной интервенции в Среднюю Азию. Стоило Дутову развить свой успех под Оренбургом, как все эти темные силы пришли бы в движение. Дутова надо было разбить как можно скорее. Вот мы и спешили на помощь красногвардейским отрядам, которые готовились ударить по казачьему атаману со стороны Самары...

За Арысью начались морозы. Задымили в теплушках печи-буржуйки. Возле них и коротали время. Кто латал поистрепавшееся обмундирование, кто возился с винтовкой, кто читал. Вечерами слушали бывалых солдат. Лучшим рассказчиком считался Федоров, кавалер трех «Георгиев». Он знал множество фронтовых историй, из которых следовало, что на войне одной храбрости мало. Нужны еще и сноровка, и хитрость. Чувствовалось, рассказывал не для того, чтобы похвалиться, а учил нас, необстрелянных.

В разговор часто вступал Габриш. Никак не мог примириться с тем, что в стычке с казаками был ранен и пленен. Венгр горячился, доказывал, что это произошло случайно. И приведись-де встретиться с противником сейчас, он себя покажет. Для того и шашку взял.

Танкушич, хоть и владел русским языком лучше других своих соотечественников, говорил мало, больше работал — ремонтировал оружие.

Как-то в теплушку притащили видавший виды станковый пулемет «максим». Его прихватили в Ташкенте. Попробовали — не стреляет. Решили: пусть стоит на открытой платформе для устрашения. А когда узнали, что в эшелоне есть слесарь-оружейник, доставили к нему. Танкушич расстелил брезент, вынул инструмент, начал искать поломку. К нему присоединился Сабо. Когда понадобилось сварить лопнувшую боевую пружину, Сабо на остановке перебежал в вагон артиллеристов — у них имелась походная кузница. Через перегон вернулся, показал

деталь Танкушичу. Тот удовлетворенно мотнул головой, подправил напильником и поставил на место.

На степном полустанке командир отряда Василий Степанович Гуща прошел к паровозам. У нашей теплушки задержался, спросил Плеханова:

— Как чувствуют себя венгерские товарищи? Не обижаете их?

— Что вы! Нас теперь водой не разольешь! Смотрите, какую штучку Танкушич отладил.

Гуща заглянул в вагон и, увидев тупое рыльце пулемета, шутливо отпрянул.

Плеханов довольно заулыбался.

— Вещь нужная, — посерьезнев, заметил Гуща. — А ну-ка давайте ее сюда, товарищ Танкушич. Стоять нам здесь минут сорок. Вот и посмотрим, какой вы есть мастер.

Не раз на таких вот безлюдных полустанках Василий Степанович устраивал занятия. Мы учились ползать, окапываться, подниматься в атаку и, конечно, стрелять.

Тактика определялась тогда характером «эшелонной войны». Боевые действия в Туркестане велись обычно в узкой полосе вдоль железной дороги, лишь изредка захватывая близлежащие города и кишлаки. Поезд был и жильем для отряда, и транспортным средством, и тыловой базой, и лазаретом. Открытую платформу, окаймленную тюками прессованного хлопка, с пушкой, двумя-тремя пулеметами мы называли бронепоездом. А такую же платформу, но без орудия — разведывательной летучкой.

Эшелон чаще всего тянули два паровоза. Если путь был опасен, передний локомотив с платформой-крепостью уходил вперед, выполняя роль авангарда. Второй же на некотором удалении тащил следом все остальное.

При встрече с противником главные силы отряда подтягивались и разворачивались по обе стороны железнодорожного полотна. В бой вступали все — от командира до повара. Врачи, фельдшеры, санитары тоже были вооружены и в трудные минуты становились бойцами.

Вот в такой обстановке и учил нас действовать Гуща.

На этот раз командир ограничился стрельбой из отремонтированного Танкушичем «максима». Сабо выкатил его на пригорок, вставил ленту. Гуща показал на пачку щитов, серевшую возле телеграфного столба:

— Очередь десять патронов. Огонь!

Сабо прицелился, нажал на гашетки. Снежные султанчики взметнулись у самого штабеля. Недолет. Сабо сделал поправку, и пули легли точно в цель.

Гуща, довольный, что в отряде неожиданно оказался еще один «максим», крепко пожал руку Танкушичу. Потом обернулся к Сабо:

— Назначаю вас начальником пулемета. Помощников подберите сами.

«Максим» пока остался в нашем вагоне. Научиться владеть им желали многие. И Сабо никому не отказывал в помощи. Серьезных стычек с белоказаками не было почти до самого Оренбурга. Заставы, которые они оставляли на станциях, рассеивала наша артиллерия.

На одной из станций удалось захватить трофеи — десятка два строевых лошадей. Появилась возможность создать при отряде команду конных разведчиков. В нее вошли бывший драгунский унтер-офицер Пархоменко, старые кавалеристы Дыгус, Жидяев, природные джигиты Азимбеков, Джурабаев, Ашуров, Кахаров, Хабибулаев. Попросились туда и венгры. Лишь Сабо предпочел остаться пулеметчиком.

Я тоже получил коня. Но обращаться с ним не умел. Сказать по правде, даже побаивался его. К таким по распоряжению Гущи прикреплялись «наставники». Я попал под опеку Федорова.

Уже на подступах к Оренбургу командир отряда приказал «всем, кто верхи», обойти белоказаков, которые завалили шпалами полотно дороги, и налететь на них с фланга и тыла. Но маневр почему-то не удался. Пришлось лошадей оставить в балке и вести бой в пешем строю. К счастью, подоспела наша «бронеплощадка». Несколькими шрапнельными выстрелами она сбила противника с его позиций.

Гуща отругал Пархоменко за неумелые действия и особенно за то, что мы не захватили «языка».

Эшелон медленно двинулся к городу, ежеминутно рискуя напороться на засаду. Однако все обошлось благополучно. Местные рабочие-железнодорожники сумели овладеть станцией Оренбург. Это облегчило задачу красногвардейских отрядов, наступавших со стороны Самары. 21 января 1918 года при поддержке подразделений, прибывших из Туркестана, они разбили белоказаков. «Оренбургская пробка» была ликвидирована.

Но полностью уничтожить дутовскую банду не удалось. У нас тогда недоставало сил гоняться за ней по бескрайним степным просторам. К тому же из Ташкента пришел приказ: немедленно возвращаться назад.

3

Январские холода. Метель. Злой ветер. Навстречу эшелону полз невнятный слушок: «Идут с фронта... Скоро Советам крышка...»

Кто именно идет, узнали только в Ташкенте. Перед красногвардейцами выступил председатель Совнаркома Туркестана Федор Иванович Колесов. Он сообщил, что домой возвращается семнадцать эшелонов с казаками, теми самыми, что во время мировой войны под командой генерала Баратова ходили завоевывать под «белого царя» Ближний Восток.

— Советская власть, — разъяснял Колесов, — проводит демобилизацию старой царской армии. Но казаки под влиянием агитации реакционного офицерства отказывались сдать оружие. Выходит, надо разоружить их силой.

От Федора Ивановича мы узнали, что головные составы баратовцев уже миновали Ашхабад, Мерв и подошли к Чарджую. Отсюда почти до Катта-Кургана железная дорога проходила по территории Бухарского ханства. Здесь нечего и пытаться что-либо предпринять: эмир[1] не потерпит действий против войск Баратова. Значит, вся надежда на Самарканд. В Самарканде крепкая организация большевиков, сравнительно многочисленный пролетариат. Еще до Октябрьского переворота на сторону большевиков перешла дислоцировавшаяся там артиллерийская рота. В ее распоряжении четырехдюймовые пушки, большой запас снарядов. Правительство Советского Туркестана спешно стягивало к Самарканду красногвардейские отряды...

На рассвете мы прибыли на станцию Ломакино. Я и Танкушич вышли из вагона. Мимо проходил обер-кондуктор.

— В Джизаке скоро будем?

— Через час.

Трижды звякнул колокол. Мы вскочили в теплушку, задвинули дверь. Поезд тронулся.

Зыбкий язычок свечи освещал лишь середину вагона. Здесь сгрудились бойцы. Многие зябко поеживались.

— Иван, что такой скучный? Домой ведь едем, — попытался расшевелить взгрустнувшего Плеханова Саид Кахаров.

— А чему радоваться? — буркнул Пархоменко. — В Самарканде небось уже казаки.

— Не пугай, пусть они нас боятся! — раздался с нар задорный голос Миши Шишкина. — Артиллерия, которая в

самаркандской крепости, с одной стороны ударит, а мы нажмем с другой...

В разговор включались все новые и новые бойцы. Каждый высказывал что-то свое. Однако истинной обстановки в Самарканде никто не знал.

Лишь в Джизаке стало известно, что там уже казаки, а крепость объявила нейтралитет.

От Джизака до Самарканда — рукой подать. Здесь железная дорога уползала в узкий проход между горными хребтами — Туркестанским и Нура-Тау, — носящий название «Тамерлановы ворота». Паровозники работали изо всех сил, стараясь набрать скорость и с ходу преодолеть длинный подъем. Мокрый снег, шедший всю ночь, наконец прекратился. Редел, поднимаясь, туман. По обе стороны пути стеной высились обрывистые склоны желтокаменных хребтов. На скале справа мелькнул силуэт огромного двуглавого орла.

Подумалось: «Вот уж год, как свергли царя, а следы его то и дело встречаются на пути. Но недолго тебе, чугунное чудище, мозолить глаза людям. Скоро совершишь ты, стервятина, свой последний полет...»

Впереди тревожно загудели паровозы. Лязгнули буфера. Поезд остановился, образовав гигантскую дугу. Перед ним замаячили вооруженные люди. Один размахивал красным сигнальным флажком. Как выяснилось, состав подошел к тому месту, где нам надлежало занять позицию.

Председатель Туркестанского совнаркома Ф. И. Колесов, лично возглавивший наш и ташкентский отряды, принял решение закупорить горловину, через которую казаки должны пробиваться на Ташкент и Фергану.

В тот же день через дымящийся Зеравшан переплыл самаркандский большевик, узбек по национальности. Он доставил важные сведения: к казакам присоединились еще один полк, две отдельные сотни и артиллерийская батарея. Их привел из Хивы полковник Зайцев.

Имя Зайцева было широко известно в Туркестане. После Февральской революции Керенский назначил его комиссаром Временного правительства в Хиве. После Октября ему было приказано демобилизовать войска, находившиеся под его началом. Но Зайцев не подчинился и повел их в Чарджуй на соединение с баратовцами. Полковник пришелся по душе офицерской молодежи. Его избрали «командующим». Новоявленный Бонапарт развил кипучую деятельность, чтобы склонить казаков к открытой борьбе против Советской власти в Туркестане. Но фронтовикам осточертела война, они рвались

домой и жадно присматривались к росткам новой жизни. С каждым днем углублялась трещина, которая отделяла казачьи верхи от бедняцкой и середняцкой массы...

Колесов приказал Гуще выслать в Самарканд конную разведку, чтобы уточнить обстановку, а главное — связаться с крепостью, узнать причину ее странного нейтралитета. В тыл врага направились две небольшие группы. В первой — Кахаров, Джурабаев и за старшего Танкушич. Во второй — Асадов и Надь во главе с Федоровым. Разведчиков переодели в узбекские халаты, лошадей заседлали «по-туземному». В Самарканде предстоял базарный день, и разведчики легко могли сойти за жителей кишлака, едущих в город за покупками. Документов, удостоверяющих личность, коренное население Туркестана не имело. Смуглые и усатые венгры почти не отличались от узбеков. Опасались, правда, насчет Федорова. Но тот заверил, что сумеет выкрутиться.

В ночь на 14 февраля они благополучно вернулись.

Танкушич сообщил, что солдаты 7-го Сибирского полка на стороне Советской власти и готовы поддержать красногвардейцев. Они были сбиты с толку своими бывшими офицерами, поддались их уговорам и согласились пропустить казаков. Но вчера вечером в крепости был митинг. На нем выступил руководитель самаркандских большевиков Степан Чечевичкин, разъяснил, почему казаков надо разоружить.

— Если мы этого не сделаем, — сказал Чечевичкин, — то их используют в своих темных целях силы контрреволюции.

Последовало решение: нейтралитет отменить, выполнять приказы правительства Советского Туркестана.

Подпольная городская партийная организация активно работала и в зайцевском войске. Тот же Чечевичкин, Стефанюк, Галимханов и многие другие большевики смело проникали к казакам и агитировали их за разоружение, разоблачали коварство их атаманов. И результаты уже сказывались: многие рядовые казаки открыто заявляли, что драться с красногвардейцами не будут. Участились случаи убийства офицеров...

Федоров подтвердил сведения Танкушича и добавил, что 7-й Сибирский полк выставил охранение, выслал по городу свои патрули, поддерживает связь с рабочими-железнодорожниками.

Ф. И. Колесов решил форсировать события. Мы снова погрузились в эшелон и двинулись к Самарканду. Рано утром подошли к станции Ростовцево. Там под парами стояли поезда врага.

Отряд ташкентцев высыпал из вагонов и залег по обе стороны дороги. На него двинулись белоказачьи цепи. Захлопали пушки,

затарахтели пулеметы, сухо затрещали винтовочные залпы.

Силы были примерно равны, бой грозил затянуться. Тогда вопреки привычной тактике вперед вырвалась наша «бронеплощадка». Она рассеяла неприятельские цепи и, не сбавляя хода, влетела на станцию Ростовцево. Находившиеся там вражеские составы спешно укатили в Самарканд.

Когда из Ташкента подошли еще два отряда, мы двинулись дальше. Но воевать больше не пришлось. Видя, что дело принимает серьезный оборот, казаки начали сдаваться. Они сами расправлялись с теми, кто пытался утаить оружие, провоцировали беспорядки.

Станичникам мы оставили их личных коней и снаряжение. И без того нам достались огромные трофеи — несколько пушек и десятки пулеметов, много винтовок, снарядов и патронов, артиллерийские и офицерские лошади, повозки. Все это очень пригодилось, когда Туркестан оказался надолго отрезанным от промышленных районов страны.

Часть казачьей голытьбы выразила желание служить в войсках Советского Туркестана. Офицеры подались кто в Бухару к эмиру, кто в Оренбургские степи к атаману Дутову.

Полковник Зайцев пытался бежать в Закаспий. Но в Ашхабаде был опознан и арестован. Следствие по его делу раскрыло, что он находился в связи с Дутовым, туркменской белой гвардией, правительством контрреволюционной «Кокандской автономии», бухарским эмиром. Зайцев действовал и как платный агент иностранного империализма.

На суде Зайцев признал себя во всем виновным. ЦИК Туркестана счел возможным смягчить приговор: расстрел был заменен десятью годами заключения. За эту гуманность позднее пришлось расплачиваться кровью. Зайцев не раскаялся. Он бежал из тюрьмы и немало навредил нам, организуя заговоры и басмаческие налеты.

4

17 февраля 1918 года наш отряд двинулся из Самарканда в Ферганскую долину, чтобы помочь трудящимся этой области[2] в ликвидации скопившихся там контрреволюционных сил.

В Ургенчи, неподалеку от Коканда, эшелон застрял. Мы прикрывали работу восстановителей на разрушенном врагом участке пути. А еще на перегон впереди, у станции Пап, находилась наша караульная команда. Она охраняла железнодорожный мост через Сыр-Дарью. Туда же В. С. Гуща направил и взвод конных разведчиков под командой Танкушича.

Выступили мы вечером. В долине, как в трубе, гудел холодный ветер. Дождь то моросил лениво, то вдруг принимался щедро поливать и без того разбухшую землю. Кони скользили по грязи, спотыкались. Только на рассвете, когда до места назначения оставалось не более десяти верст, потоки воды, хлеставшие сверху, внезапно иссякли и выглянуло солнышко. Воздух стал таким прозрачным, что далекие горы казались совсем рядом: переправься через Сыр-Дарью — и вот они.

Местность была безлюдной. Никого на дорогах, ни души на полях, пусто на улицах кишлаков. Мы догадывались, что людей удерживала под крышами отнюдь не слякоть на дорогах. От проводника узнали, что местное население настроено против «автономистов», но оно еще не знает, как поведут себя красногвардейцы. Потому, видно, и считает за лучшее не попадаться на глаза ни тем ни другим.

В небольшом селении сделали привал. Надо было накормить лошадей. Проголодались и люди.

Продукты для нас и ячмень для лошадей собрал по дворам аксакал — сельский староста. Жена и дочь его сварили густую похлебку-шурпу, вскипятили чай. После сытной еды кое-кто начал клевать носом. И вдруг команда:

— По коням!

Подождав, пока все соберутся на середине двора, Танкушич объявил:

— Замечен разъезд противника. Направляется сюда. Впереди трое дозорных. Их пропустить. Остальных атакуем в конном строю.

Три вражеских всадника беспечно протрусили мимо нас, не обнаружив засады. Когда они удалились на почтительное расстояние, мы выехали за ворота, развернулись и понеслись навстречу «автономистам». Те, видно, не ожидали нападения. Сгрудившись, потоптались на месте, потом пустились наутек.

Федоров повел наше звено левее дороги. Выгон и клеверные поля, не столь вязкие, как проселок, позволяли скакать карьером. Заметив, что их обходят, неприятельские конники свернули вправо, но там была пашня. Габриш на своем сильном и резвом жеребце первым настиг рослого «автономиста». Блеснул клинок. Уверенный в силе и точности удара, венгр даже не оглянулся, а устремился к очередной жертве. Ею был, по-видимому, офицер, потому что на выручку ему бросилось сразу четверо. В свою очередь Кахаров и Асадов поспешили на помощь Габришу. Кахаров, не научившийся еще действовать клинком, наскочил на противника сбоку и размозжил ему череп прикладом винтовки. Однако и сам вылетел из седла.

Габриш, ранив пытавшегося преградить ему дорогу кавалериста, продолжал преследовать офицера. Тот безуспешно отстреливался из маузера. Но когда венгр уже занес саблю для удара, пуля угодила-таки в плечо ему. Габриша бережно сняли с коня, перевязали.

А тем временем Федоров настиг лошадь с вьюком. Вьюковожатый, видя бесполезность сопротивления, бросил винтовку.

Двух неприятельских конников срубил Танкушич. Третьего из винтовки свалил Шишкин. Еще одного сразил Пархоменко.

Но и у нас были потери. Мы лишились Ашурова. Он по приказанию Федорова тащил за собой отбитую у противника вьючную лошадь. Кладь начала сползать. Ашуров решил поправить ковровые переметные сумы. Пока возился с веревками, отстал. Из кишлака выскочили трое конных. Это был тот самый дозор, который мы пропустили.

Ашуров не растерялся. Вскинув винтовку, выстрелил раз, другой. В кого-то попал, но и сам получил пулю в живот. Скорчился от нестерпимой боли, упал.

Мы поспешили на выстрелы. Ашуров еле дышал. В животе зияла огромная рваная рана. Специально надпиленная пуля разворотила внутренности и застряла в позвоночнике. Ашурова перевязали, но везти не решились. Вскоре он умер.

Осмотрели вьюк, из-за которого погиб наш боевой товарищ. Там оказался динамит. Сомнений не оставалось: «автономисты» собирались взорвать мост. Это подтвердили и пленные.

На станцию Пап мы прибыли, когда там уже собрался весь наш отряд.

Бойцы высыпали из вагонов. Нас поздравляли с победой, с интересом рассматривали трофеи и пленных.

Выслушав подробный доклад Танкушича, командир и комиссар отряда объявили разведчикам благодарность.

Раненого Габриша хотели той же ночью отправить с попутным поездом в ташкентский госпиталь. Но венгр наотрез отказался. Заявил, что рана пустяковая, кость цела, быстро заживет. Его оставили в отрядном лазарете...

А «Кокандская автономия» трещала по всем швам. Ее «премьер» Чокаев и «главком» полковник Чанышев предпочитали не ввязываться в крупные бои с красногвардейскими отрядами. Тогда наиболее реакционные элементы, добивавшиеся решительных действий, организовали «правительственный переворот». У власти стал некий Иргаш, вожак крупной разбойничьей банды, в прошлом уголовный преступник, бежавший с царской каторги. За спиной Иргаша стояла Улема — самая мрачная из мусульманских партий. Улемисты ставили целью возврат к феодальному средневековью. Иргаша пытались объявить ханом, но из этого ничего не вышло.

Разбитые под Кокандом, банды Иргаша метались по Ферганской долине. С помощью сельских пролетариев красногвардейские отряды постепенно вылавливали их. Немногие из уцелевших главарей «Кокандской автономии» либо бежали в Бухару, либо ушли в подполье.

Полковника Чанышева удалось схватить. Он попытался бежать из-под стражи и был убит.

Схватка с эмиром

1

К обеду 27 февраля наш отряд возвратился из Ферганской долины в Самарканд. Эшелон загнали на запасный путь. Паровозы ушли в депо. Теплушки опустели. Лишь на орудийных и пулеметных платформах маячили фигуры часовых.

Передышка...

Меня отпустили домой с ночевкой. Торопливо шагаю по перрону. Вдруг слышу:

— Куц, постой-ка!

Это телеграфист Носков. Он протягивает через решетку окна листок, поясняет:

— Звонили из обкома. Чечевичкин велел разыскать тебя и передать, чтоб завтра в десять был у него.

— Зачем, не сказал?

— Совещание какое-то... Похоже, опять каша заваривается. Мы тут вчера отряд Морозова под Старую Бухару проводили воевать с эмиром. Вас тоже небось туда пошлют.

— Вряд ли. Гуща сказал, пока остаемся в Самарканде. Ну, бывай, спешу.

Живу я в центре города, и шагать мне от станции верст семь. На ходу размышляю, зачем мог понадобиться в обкоме. Скорее всего, опять протокол вести. Чечевичкин мне доверяет, хоть я пока беспартийный. Знакомы мы с ним давно, и я зову его попросту дядей Степой.

Дома, конечно, радость. Усаживают, как гостя. Отец и особенно младший брат Виктор донимают расспросами о боях с «автономистами». У матери же одна думка, надолго ли сынок вернулся.

Не без гордости сообщаю о вызове в областной комитет партии. Возможно, мол, дядя Степа поручит что-нибудь важное.

— Ты рассказал бы хоть толком об этом Чечевичкине, — просит мать, — а то в городе болтают, этот «дядя» — из уголовников.

— Брось, мать, буржуйские сплетни разносить! — сердится отец. — Товарищ Чечевичкин потому и был под надзором полиции, что большевик он. Так, Ваня?

— Угу, — мычу я и начинаю припоминать, как познакомился с Чечевичкиным.

Случилось это осенью 1916 года. По распоряжению генерал-губернатора Куропаткина коренное население, прежде не отбывавшее воинской повинности, начали тогда мобилизовывать на тыловые работы. Местная администрация чинила произвол, за

деньги освобождала от мобилизации сынков богатеев, а из семей бедноты брала даже единственного кормильца. Это вызвало массовые волнения почти по всему Туркестану. В Джизаке были убиты уездный начальник и его переводчик — оба отъявленные взяточники. Против «бунтовщиков» бросили войска. Повстанцы оказали сопротивление, разрушили участок железной дороги и линию связи.

Я был в то время младшим механиком самаркандской почтово-телеграфной конторы. Там же служил и Чечевичкин. Нас послали под Джизак восстанавливать разрушенное.

Ремонтом путей наряду с рабочими занимались и военнопленные. Дорогу, а заодно и их охраняла казачья сотня. Командовал казаками есаул. Его палатка была неподалеку от нашей. Погода в то время стояла сырая, ветреная. Старого есаула мучил ревматизм. Он ходил мрачнее тучи и по малейшему поводу буквально закипал от ярости. И вот в одну из промозглых ночей я вдруг проснулся и сквозь шум дождя и завывание ветра услышал его сиплый простуженный голос.

— К черту! Завтра же с утра увожу сотню к мосту. Там кишлак. Поселюсь в доме знакомого бая. Казаки разместятся в кибитках. Никто не тронет этих железнодорожников, чего их охранять.

Кто-то спросил:

— А как же инженеры?..

— Ничего с ними не сделается. Среди них тоже сволочь всякая есть. Один Чечевичкин чего стоит. Недаром же так опекает его самаркандский пристав. Нарочного прислал с пакетом: приглядывай, мол, за ним.

— А с пленными как же?..

— Никак. Все равно удрать некуда. На всякий случай буду сюда разъезды высылать для разминки лошадей.

Разговор смолк. Я растолкал Чечевичкина:

— Дядя Стена. Казаки-то уходить собрались.

— Куда еще?

— Есаул сказал, к мосту.

— И черт с ними. Спи.

Чечевичкин повернулся на другой бок, натянул на голову пальто. Всего нас в палатке семеро. Мы составляем так называемую рабочую партию. Дядя Степа у нас за старшего. Он, правда, не инженер, как сказал есаул, а лишь чиновник шестого разряда. Просто форма у него похожа на ту, что носят инженеры-путейцы.

— Дядя Степа!

Чечевичкин не отозвался. Я начал его тормошить.

— Ну, что еще? — недовольно спросил он.

— Есаул и про вас говорил.

— Да? Это уже интересно! Рассказывай.

— Самаркандский пристав ему какой-то пакет прислал, просил за вами приглядывать.

Степан хихикнул:

— Так мы же с приставом друзья! Не замечал разве, как он со мной раскланивается?

Потом сел, подобрав ноги по-турецки, почесал пятерней лохматый затылок, поманил меня пальцем, шепнул на ухо:

— Чур не болтать. Я, Ванюша, в Самарканде с четырнадцатого. Выслан сюда под надзор полиции.

Чечевичкин проковылял к входу, приподнял парусину. Кругом по-прежнему бушевала осенняя непогода. На телеграфном столбе плясал красный фонарь.

Снова укладываясь на травяной матрац, Чечевичкин проворчал:

— И чего сигнал повесили. Будто машинисты сами не знают, что путь на десяток верст разобран.

Опять поманил меня и уже другим тоном шепнул:

— Ты видел, как повстанцы дорогу портят? Развинтят рельсы в одном месте, саженях в двухстах — еще. Зацепят крючьями, запрягут сотню верблюдов и все звено, вместе со шпалами, волокут за версту, а то и за две. Долго мы тут провозимся...

Утром казаки на самом деле ушли к железнодорожному мосту. А тут и погода наладилась.

На высокой насыпи копошились путейцы. Подносили рельсы, загоняли кувалдами костыли. Работа подвигалась нешибко: сказывалась неопытность ремонтников, большинство ведь — военнопленные. Они же ставили и телеграфные столбы.

Линий связи было две — железнодорожного и почтово-телеграфного ведомств. Последняя громко именовалась правительственной. Ее-то и восстанавливала наша рабочая партия. Я большей частью работал наверху, тянул провода, крепил их к изоляторам.

День прошел спокойно. Но на следующие сутки наш палаточный лагерь облетела тревожная весть: в ближайшем кишлаке замечено скопление конников. Железнодорожное начальство растерялось. Как-то само собой получилось, что взоры всех устремились на Чечевичкина. Он хмурился и сквозь зубы цедил:

— Мерзавцы! Довели-таки людей...

Слова эти относились к властям. Я встревожился. Народ разный кругом, а за такие речи известно что может быть. Но дядя

Степа, видать, меньше всего думал о себе. Он поднял руку, призывая к вниманию:

— Чтоб не случилось несчастья, пойду к повстанцам, поговорю с ними.

Перемахнул через насыпь, зашагал по полю.

— Что ж он мундир-то не снял? — сокрушенно заметил кто-то. — Местные жители не любят людей в форме...

С полчаса провели мы в тревожном ожидании. Но Чечевичкин возвратился в добром здравии. Сопровождали его двое вооруженных конников. Один из них быстро объехал лагерь, что-то сказал второму. Тот обратился к Чечевичкину:

— Якши, работай. Наша ломать не будет.

Всадники ускакали. Все облегченно вздохнули, стали благодарить «парламентера». Чечевичкин устало опустился на ящик с инструментами. Жесткие складки на лице Степана расползлись, оно стало добродушным. Но вот взгляд Чечевичкина на чем-то задержался, и брови снова сомкнулись у переносицы, глаза сузились. Зло сплюнув, он указал рукой на палатку почтальонов. Там на жерди висело пять винтовок.

— Считайте, что нас спасла восточная деликатность, а точнее — классовая солидарность, — сказал Чечевичкин. — Узбеки, что были здесь, — рабочие. Потому и «не заметили» оружия. А то бы плохо нам пришлось.

Через три дня мы продвинулись к мосту. Вечером есаул пригласил к себе двух инженеров-путейцев, техника и почему-то меня. Угостил чаем. В разговоре поинтересовался, правда ли, что кто-то из наших ходил в кишлак к бунтовщикам. Хоть и не сговаривались мы, а в один голос ответили, что слышим об этом впервые. Есаул с сомнением поглядел на нас, однако к этой теме больше не возвращался.

Когда шли обратно, худощавый старичок в пенсне придержал меня за рукав.

— Господин Чечевичкин, кажется, ваш близкий знакомый? Так уж вы, голубчик, предупредите его: военное начальство что-то пронюхало. А ведь за сношения с бунтовщиками — военно-полевой суд...

В палатке, где мы жили, Чечевичкин был не один. К нему зашел «посумерничать» почтальон Стефанюк. Я сообщил о разговоре у есаула, о предупреждении инженера-путейца. Стефанюк встревожился, стал строить догадки, какая сволочь могла донести на человека, рисковавшего ради всех своей жизнью.

Чечевичкин успокоил приятеля:

— Если бы шпик был среди нас, он, конечно, указал бы, кто

именно ходил в кишлак... Скорее всего донес агент, засланный жандармерией в стан восставших.

Стефанюк предложил:

— Надо сказать рабочим, чтобы они не болтали лишнего при казаках.

Чечевичкин возразил:

— Зачем? Инженеры смолчали, а уж рабочие и подавно не проболтаются.

— А пленные?

— И они — не господа.

Все же мы со Стефанкжом решили на всякий случай побеседовать с людьми. Он взял на себя телеграфистов и почтовиков, я — венгров. Сразу же и направились каждый к своим.

Военнопленные сидели кружком у костра. Поздоровался. Мне ответили приветливо, пригласили к огоньку. Присел на старую шпалу. Исподволь повел речь о встрече Чечевичкина с повстанцами. Оказалось, что об этом знали многие и все восхищались смелостью Степана. Тогда я прямо объяснил цель своего визита.

Старший команды венгров унтер-офицер Месарош заверил:

— Мы понимаем. Никто ничего не видел и не знает.

Он перевел суть моей просьбы тем, кто плохо знал русский. Они согласно закивали головами.

Мне жали руку, хлопали по плечам. А итог нашей беседе подвел старый солдат Йожеф Тот:

— С этот час мы все забыл, что интересно есаул.

Поблагодарив новых друзей, я было собрался уйти. Но подскочил румяный толстяк — повар Фаркаш. В руке его дымилась миска.

— То мадьярски гуляш. Просим.

Кормили военнопленных неплохо. Железнодорожное начальство радо было, что заполучило почти даровую рабочую силу, и не скупилось на харчи. Сытый человек и трудится лучше. А если учесть, что сроки были жесткие и малейшее промедление грозило администрации серьезными неприятностями, то поневоле приходилось заискивать даже и перед военнопленными.

Команда, которую возглавлял Андраш Месарош, жила укладом рабочей артели. Вдали от лагерного руководства люди отбросили опостылевшую субординацию. Из старшего унтер-офицера Месарош, по существу, превратился в старосту. Венгры с нетерпением ждали конца войны и, конечно, возвращения на родину.

За месяц совместной работы я подружился с моими новыми

знакомыми, особенно с Месарошем. Он тоже восстанавливал связь. Столбы «правительственного» и железнодорожного телеграфов тянулись рядом, и мы часто помогали друг другу. Когда повстанцы издали обстреливали охрану и в воздухе противно свистели пули, я предпочитал спускаться на землю. Месарош же продолжал свое дело и сверху подтрунивал надо мной.

2

28 февраля ровно в десять я был в обкоме. Чечевичкин сказал, что ему поручено подобрать надежного человека, знающего средства связи, и направить его на станцию Каган в распоряжение товарища Ф. И. Колесова.

— Мы с Гущей посоветовались и решили командировать тебя. Двух помощников подберешь сам. Есть кто на примете?

— Дядя Степа, а что если взять Месароша и Тота?

— Это тех мадьяр, что с нами в шестнадцатом работали? А согласятся? Ведь с эмиром у нас дела такие, что может и до драки дойти.

Я уверил Чечевичкина, что венгров это не испугает. Они даже в Красную гвардию хотели вступить.

— Хорошо, повидайся с ними, договорись. Вместе завтра с утра зайдете к Смирнову в облисполком, получите документы. А чтобы был в курсе, послушай...

Чечевичкин рассказал, что еще в двадцатых числах февраля, когда председатель Совнаркома Туркестанской республики Ф. И. Колесов был в Самарканде, состоялось совещание партактива. Обсуждался вопрос о взаимоотношениях с Бухарским ханством. Колесов сообщил, что там зреет вооруженное восстание и правительство Советского Туркестана, решило оказать всемерную помощь бухарским трудящимся. Самаркандцам предлагалось выделить вооруженный отряд, который бы к началу марта 1918 года прибыл на станцию Каган.

Возникшее на территории Средней Азии еще в XVI веке Бухарское ханство было типичным феодальным государством Востока. С 1868 года оно находилось в вассальной зависимости от России. Население, состоявшее из узбеков, таджиков, туркмен и других народностей, жило в темноте и невежестве, зверски эксплуатировалось и русскими колонизаторами, и местными феодалами — беками и баями.

Вскоре после Февральской революции на станции Каган, в Новой Бухаре и некоторых других русских поселениях, расположенных в границах ханства, образовались Советы рабочих и крестьянских депутатов. Их деятельность революционизировала широкие массы местного населения. И 7 апреля 1917 года бухарский эмир Сеид Алимхан вынужден был обнародовать манифест о том, что «единственной основой всех улучшений и полезных изменений может быть лишь священный шариат», то есть защищающее интересы феодалов и купцов мусульманское законодательство. Этот документ, обещавший некоторые куцые

реформы, восторженно встретила молодая национальная буржуазия. Однако Алимхан не спешил выполнять обещания. Более того, он подверг жестокому преследованию младобухарцев — членов местной буржуазной партии, которые попытались организовать демонстрацию по поводу манифеста.

Правительство Советского Туркестана приложило немало усилий для установления добрососедских отношений с Бухарским ханством. Руководствуясь принципами ленинской национальной политики, оно уже 24 ноября 1917 года признало независимость Бухары и не вмешивалось в ее внутренние дела. Но иначе вел себя Сеид Алимхан. Идя на поводу у английских империалистов и русских белогвардейцев, он стремился превратить свое ханство в опорный пункт среднеазиатской контрреволюции.

Сеид Алимхан никак не мог примириться с тем, что под влиянием Октября все смелее и активнее становились младобухарцы. Последние, однако, видели свой политический и общественный идеал отнюдь не в советизации Бухары, а лишь в том, чтобы заменить феодальные порядки буржуазными и несколько ограничить власть эмира. Но была среди местной буржуазии и левая группа, которая выступала за полное уничтожение монархии. Обратившись за помощью к правительству Советского Туркестана, она уверяла, что «кризис назрел» и стоит-де красным войскам подойти к Старой Бухаре, произвести хоть один выстрел, как «пятнадцать тысяч революционеров поднимут восстание и свергнут эмира».

Решив помочь народному движению, Совнарком Туркреспублики надеялся обойтись без выстрелов. Мыслилось, что для этого будет достаточно только присутствия наших войск у границ ханства.

Начинать войну с Сеидом Алимханом было не в наших интересах. Туркестанская республика и без того истекала кровью. Для бухарской экспедиции удалось выделить лишь около тысячи бойцов. Это были плохо вооруженные отряды, собранные со всех концов Туркестана. Даже самаркандский гарнизон, считавшийся одним из самых сильных, смог направить в Каган только «бронелетучку» с ротой пехоты и взводом конницы — всего 120 человек...

Прямо от Чечевичкина я отправился в лагерь военнопленных. Это был огромный барачный городок на окраине Самарканда. После революции он не охранялся. Внутренний порядок поддерживали сами военнопленные. У ворот дежурил венгр. Я попросил вызвать старшего унтер-офицера Андраша Месароша или рядового Йожефа Тота.

Дежурный ушел и вскоре появился в сопровождении моих

друзей. Мы тепло обнялись. Я кратко сообщил цель визита. Они охотно согласились ехать со мной. На вопрос, надо ли переговорить с лагерным начальством, Месарош ответил:

— Не стоит. Мы сами... как это... с усами.

На следующее утро Месарош и Тот уже ждали меня возле облисполкома. Я прошел в кабинет М. Я. Смирнова. Там был и В. С. Гуща. Он сообщил последнюю новость. Началось наступление на Старую Бухару. Эмир сопротивляется, но, кажется, начинает сдавать.

— Может, и не посылать Куца? — спросил Гуща. — Небось к шапочному разбору приедет.

— Нет, — возразил Смирнов, — Алимхан так сразу не капитулирует.

Он вручил мне документ, в котором было написано, что я командируюсь на станцию Каган в распоряжение товарища Ф. И. Колесова «для организации службы связи», а посему предлагалось оказывать мне «всяческую помощь». Это был типичный мандат тех времен. Он предоставлял владельцу право действовать, «исходя из условий на месте», и привлекать нужных для работы людей.

Я попросил председателя облисполкома выдать командировочные предписания и Месарошу с Тотом. Смирнов распорядился.

3

2 марта приехали в Каган. Эта узловая станция была буквально забита воинскими составами. И если бы не красногвардеец, которого нам дал в провожатые комендант станции, мы, пожалуй, не скоро разыскали бы штабной вагон председателя Совнаркома Колесова.

У дверей роскошного салон-вагона — двое часовых. Предъявляем мандат. Красноармеец-узбек явно не силен в грамоте. Но три большие печати производят на него должное впечатление.

— Хоп, проходи, — разрешает он.

Из тамбура ступаем на ковровую дорожку. Она ведет к широкой зеркального стекла двери. Стучим. К нам доносится глухой бас:

— Да, войдите!

После коридорного полумрака салон кажется особенно светлым. Огромное окно занимает всю заднюю стенку вагона. Пол покрыт текинскими коврами. На потолке — люстра с хрустальными подвесками. Вокруг большого овального стола — кожаные диваны и кресла. В одном из них — крупный мужчина в кителе морского офицера. При нашем появлении он встает, идет навстречу.

Я подаю документы. Он молча читает, потом протягивает руку:

— Кишишев, начальник штаба.

Жестом приглашает садиться. Кишишев вводит нас в обстановку.

Выясняется, что никакого штаба, собственно, нет. Колесов приехал лишь с адъютантом, ординарцем и небольшим отрядом. Уже здесь взял себе в помощники наркома труда П. Г. Полторацкого, который прибыл в Каган, чтобы в случае договоренности с эмиром возглавить советскую коллегию в Старой Бухаре.

Нас, естественно, интересовала служба связи. Кишишев развел руками:

— Своей нет. Используем местные телефон и телеграф. Так что всецело зависим от барышень-связисток. Назначили к ним политконтролеров. Но боюсь, начнется пальба — разбегутся.

Моряк нам понравился. Судя по выправке, манере говорить, он был из кадровых военных. Позднее узнали, что Кишишев служил в царском флоте в чине капитана 1 ранга. Накануне первой мировой войны был переведен на Аму-Дарьинскую

военную флотилию. После Октября Кишишев добровольно перешел на сторону Советской власти и командовал отрядом матросов.

Я попросил начальника штаба рассказать о ходе переговоров с эмиром.

— Пока ничего определенного, — ответил он. — Алимхан явно хитрит, выжидает. Когда наши отряды начали сегодня движение на Старую Бухару, сразу же письмо Колесову прислал. Согласился иметь при себе исполком из младобухарцев, но с выполнением других требований просил не торопить. Письмо без подписи и печати. Наивная хитрость! Хочет выиграть время, чтобы подтянуть силы, упрочить оборону крепости. А мы приказ о наступлении не отменили.

Кишишев пригласил нас к карте, занимавшей едва ли не половину стола.

— Бойцов у нас около тысячи, но раскинуты они на фронте протяжением больше ста верст. Здесь, у самой станции, за садиком, — шесть полевых орудий кушкинского отряда. Это они бьют сейчас, поддерживая наступление. Главный удар мы наносим в направлении Каган — Старая Бухара. Здесь действуют ташкентский отряд, кушкинцы, матросы, младобухарцы и рабочий отряд Новой Бухары. Слева — на подходе — закаспийский отряд, справа — ваш, самаркандский. По бухарской ветке курсирует «бронелетучка».

Кишишев сообщил также, что у эмира сильные конные части, если он догадается бросить их на наши фланги и затем обойти нас с тыла, положение осложнится. Поэтому приходится держать наготове резервы.

— Это вот все тоже принадлежало Алимхану, — кивнул моряк на роскошное убранство салон-вагона. И, словно извиняясь, добавил: — Теперь вот мы заняли. Нас тут шестеро, не считая двух проводников. А живем, честно говоря, в тесноте, так что вас придется разместить в соседнем вагоне.

По приказанию Кишишева ординарец провел нас в четырехместное купе. Мы побросали на полки свои нехитрые пожитки и вышли наружу.

Месароша я послал в новобухарскую почтово-телеграфную контору, а сам с Тотом отправился на станционный телеграф. Шли между составами. Людей в них почти не было — воевали. Паровозы стояли наготове, лениво дыша парами. У выходных стрелок на Старую Бухару виднелась летучка с боеприпасами. Рядом с нею другая, с пулеметами.

Когда выбрались из лабиринта эшелонов, увидели скачущего всадника. Я сразу узнал в нем самаркандца Арсена Цатурова.

— Сдает эмир! — крикнул он, пролетая мимо. — Выслал делегацию с белым флагом.

Мы поспешили к вокзалу. Не терпелось узнать, неужели действительно победа.

По дороге, обсаженной тополями, поднимая пыль, катили два фаэтона. На козлах рядом с кучером восседал гайдук в черкеске. Резко остановленные у подъезда, рысаки высоко задрали морды. Из экипажей вылезли шесть бородатых, в чалмах и ярких парчовых халатах бухарцев.

— Ишь ты! Сам кушбеги[3] пожаловал, — воскликнул кто-то из железнодорожников.

— Теперь уж беги не беги, а от нас не скроешься, — в тон ему сострил красноармеец в потрепанной шинельке.

Каламбур вызвал общий смех.

Подошел Кишишев. Переводчик, щупленький русский паренек из местных, представил его. Кушбеги назвал себя и важно заявил, что уполномочен говорить только с председателем Туркестанского Совнаркома.

— Товарищ Колесов сейчас будет.

Из-за вагонов появился Федор Иванович. Я не сразу его узнал. Прежде он носил фуражку, кожанку, сапоги. А сейчас был в широкополой фетровой шляпе. Из-под распахнутого серого плаща виднелись защитный френч, такого же цвета галифе. На ногах ботинки с крагами. За поясом пистолет.

Бухарцы приложили руки к груди, почтительно поклонились. Кушбеги шагнул вперед:

— Его высочество эмир, повелитель великой Бухары, да будет его царствование вечным, признал дальнейшую борьбу с Советами бесполезной. Он просит немедленно прекратить военные действия, дабы не лилась напрасно кровь вашего и нашего народов. Он подписал манифест. Вот...

Колесов бегло просмотрел лист и передал его подошедшему П. Г. Полторацкому. Тот в свою очередь вручил бумагу одному из членов Бухарского ревкома.

Кушбеги между тем продолжал:

— Его высочество согласен на разоружение своей армии, но просит, чтобы красные отряды не входили в город. Может произойти кровопролитие...

Парламентеры заметно волнуются. Их тревожит артиллерийская канонада. Колесов умышленно не приглашает в штабной вагон, желая подчеркнуть, что обстановка боевая. Положив руку на пистолет, спрашивает:

— Намерен ли Алимхан оставить трон за собой? Посланцы эмира мнутся. Наконец кушбеги произносит:

— Его высочество согласен подписать документ об отречении...

— И что тогда?

— Он будет просить победителей великодушно пропустить его в Афганистан, — воровато бегая глазами, не скупится на обещания хитрый царедворец.

Колесов соглашается отдать приказ о прекращении огня, но ставит условия. Суть их в следующем. Немедленно в Старую Бухару выезжают наши представители и разоружают войска Алимхана. Их будет сопровождать конвой из 25 конных красноармейцев. Завтра под охраной отряда в пятьсот человек в столицу прибывает Бухарский ревком и объявляет себя правительством. Остальные части отходят на станцию Каган. Одновременно покидает Старую Бухару и эмир. Ему будет обеспечен беспрепятственный проезд, куда он пожелает.

Кушбеги вынужден согласиться. Теперь Колесов широким жестом приглашает делегатов в салон-вагон. Туда же направляются Кишишев и Полторацкий. Последний припадает на одну ногу: он ранен в сегодняшнем бою...

Я разыскал Арсена Цатурова. Он тоже только что из боя. Попросил его поделиться впечатлениями. Арсен говорит быстро, с кавказским акцентом. Жалеет, что не довелось поработать шашкой: был связным у Морозова. Сопоставляя его рассказ с тем, что слышал от начальника штаба, я мысленно рисую себе картину штурма Старой Бухары.

...Широкая, слегка всхолмленная равнина. Справа и слева — пригороды. Впереди, на фоне безоблачного неба, вырисовываются древние крепостные стены. На них сто тридцать башен. В стенах — одиннадцать ворот. Высятся минареты и купола древних медресе и мечетей.

Наши цепи медленно продвигаются вперед. Но вот подходят резервы противника. Сарбазы[4] и казаки-наемники контратакуют. Орудия кушкинцев ведут по ним беглый огонь. Вражеская вылазка не удается. Части эмира откатываются. Тогда из крепостных ворот с криком высыпает какая-то пестрая группа. Над нею развеваются зеленые знамена с ярким полумесяцем. Седобородые муллы кричат: «Смерть неверным! Бей их!»

Разъяренная толпа, одурманенная проповедями духовенства и опоенная наркотиками, несется навстречу нашим. В руках кремневые ружья, шашки, дреколье. У многих в зубах ножи.

За толпой следуют солдаты эмира.

Красногвардейцы растерялись, прекратили стрельбу. Но в последний момент все поняли, что остановить эту лавину можно только силой. Обстановка вынуждала действовать. Грохнули

орудия, заработали пулеметы.

Позже меньшевики и эсеры вопили о «красной бойне». А кто спровоцировал толпу? Муллы! И не только они. Тут чувствовалась «цивилизованная» рука и английских колонизаторов и русских белогвардейцев — советников эмира. Лишь окончательный провал этой провокации вынудил Алимхана поднять белый флаг...

Прощаясь со мной, Цатуров объявляет:

— Еду в Старую Бухару охранять нашу делегацию.

Я желаю ему успеха и зову Йожефа Тота. Вместе мы возвращаемся в свой вагон. Наскоро перекусив, наказываю Тоту никуда не отлучаться, ждать Месароша, а сам иду к Федору Ивановичу Колесову. Представил меня ему Кишигаев. Колесов протянул через стол руку:

— Значит, вы связист? Вот и отлично. Мы тут сейчас набросаем одну депешку. Надо проследить, чтобы телеграф передал ее в Ташкент без искажений.

Пока Кишишев писал, Колесов неторопливо размышлял вслух:

— Настораживает меня уступчивость Алимхана, не готовит ли он нам какую пакость? Надо бы было хоть заложников оставить из эмирской делегации... Ревком считает, что совместная поездка с этими сановниками в Старую Бухару гарантирует безопасность нашим посланцам. А я в этом не уверен. Но что делать? Не идти же на конфликт с младобухарцами?

— Обойдется, Федор Иванович, — успокаивал начальник штаба. — Пендо, Галимханов, Уткин не дадут себя в обиду. Да и охрана у них надежная. Двадцать пять человек, а стоят сотни. Лучших бойцов отобрали.

— Будем надеяться... Что ж, пошли проводим их... Колесов передает мне текст телеграммы и, застегнув плащ, выходит из вагона. Мы за ним.

На станции — толпа любопытных. Бухарские министры садятся в коляски, наши делегаты — в седла. На Галимханове — черный, схваченный тонким поясом бешмет, лихо заломленная папаха, мягкие кавказские сапоги. Рядом с ним, широкоплечим, тяжеловесным, живой и подвижной Пендо выглядит подростком. Заметив Колесова, Пендо скачет навстречу. Нагибаясь с лошади, спрашивает:

— С кем донесения присылать?

— Тебе видней.

— Ладно... Ну, прощай. Завтра ждем вас в Бухаре...

Я бегу на телеграф. Убедившись, что депешу правильно приняли в Ташкенте, возвращаюсь к Колесову и стараюсь

выяснить, что нам делать дальше.

— Поезжайте-ка завтра вместе с ревкомом в Старую Бухару. Наладьте нормальную связь с Каганом. После этого, думаю, сможете вернуться в Самарканд...

Вечером Колесов собрал командиров отрядов, членов ревкома. Решали, какому отряду идти в столицу ханства. Совещание прервалось самым неожиданным образом. Прискакали два всадника. У одного из них по лицу текла кровь. Резко осадив взмыленного коня, он выкрикнул:

— Товарищ командующий, убиты!..

— Кто убит?

— Делегаты наши... Охрану тоже порубили. Мы вот только утекли...

Все пришли в движение. Послышались крики, ругань. Какой-то боец орал:

— Даешь Бухару! Повесить эмира и всех его министров!..

Вскоре выяснились подробности этого тяжелого происшествия.

Высшие чиновники эмира встретили наших посланцев как положено. После обмена приветствиями провели их в помещение, расположенное рядом с дворцом Алимхана. Охрана осталась у ворот. Бойцы закурили, доверчиво поглядывали на обступивших их людей. Вдруг кто-то закричал: «Смерть неверным!» Откуда-то вынырнул сарбаз, подскочил к красногвардейцу и рубанул его саблей. В ответ последовал револьверный выстрел. Толпа, подстрекаемая приспешниками Алимхана, ринулась на конвой. Завязалась жаркая схватка. Арсен Цатуров, работая клинком, пытался вырваться из окружения, но был сражен пулей. Другие, оборонявшиеся плотной группой, постепенно были разъединены и растерзаны. Чудом спаслись только двое. Они и доставили страшную весть.

Колесов приказал с утра возобновить наступление. Отряды готовились к бою. Комиссары лично и через коммунистов разъясняли бойцам, что нападение на красногвардейцев — не случайность, а заранее задуманная провокация. Все произошло с ведома эмира, который пытается при помощи своих слуг настроить против нас весь народ.

Едва зарозовел восток, опять загремели пушки. Наши войска двинулись к крепости. С самого начала бой принял ожесточенный характер. Эмир поставил на карту все. Ночью среди населения была проведена массовая мобилизация. Муллы звали жителей на «священную войну против неверных». Вчера против нас была только армия Алимхана и несколько сот религиозных фанатиков. Теперь к ней присоединились тысячи бухарцев.

На некоторых участках у нас обозначился успех. Чарджуйский отряд сбил противника с позиций и начал преследование. Конники Григория Барцева нанесли неприятелю чувствительный удар во фланг. Поддерживаемые артиллерией, начали теснить врага и другие части.

Но развивать наступление нечем. С нетерпением ждем подхода сильного мервского отряда. Он должен подвезти и боеприпасы.

А пока движение вперед постепенно приостанавливается. Один за другим командиры доносят:

— Снарядов нет!

— Патроны на исходе!

Куда же запропастились мервцы? Где летучка со снарядами, высланная из Ташкента?..

Ожидания наши оказались напрасными: помощь так и не пришла. Ночью бухарцы разрушили много десятков верст железной дороги, и спешившая к нам летучка с боеприпасами застряла на станции Кермине, отряд, следовавший из Мерва, — в Каракуле.

Перебежчики из Старой Бухары сообщили: все наши представители уничтожены. Расправился эмир и с младобухарцами. Никакой надежды на восстание революционных элементов в городе больше не оставалось, а своих сил у нас было недостаточно, ими крепость не взять. Колесов решился на отход.

Но встал вопрос, куда лучше отходить: к Чарджую или Самарканду? До первого примерно сто верст, до второго — около двухсот. Главное, однако, не в расстоянии. Командующего больше интересовало, где можно получить снаряды и патроны, где легче пополниться бойцами.

В конце концов последовало решение отходить в направлении Самарканд — Ташкент.

Нам тогда не было еще известно, что оставшийся в Ташкенте за Колесова нарком внутренних дел Агапов[5] повел линию на то, чтобы не посылать отрядам никакой помощи. Его сторонники распустили по городу грязную клевету, будто красногвардейцы обирают бухарцев, бесчинствуют и пьянствуют. На народных митингах они зачитывали телеграммы, которые слал из Новой Бухары директор государственного банка. Верноподданный царский чиновник называл грабежом осуществленную председателем Совнаркома Туркестанского края национализацию золота и других ценностей. Но Агапов истолковал все по-своему. А когда рабочие Ташкента отказались верить его сказкам и потребовали все же послать Колесову подкрепление, изменник пошел на новую авантюру. Поставленные во главе отрядов левые

эсеры Колузаев, Петренко и Степанов получили от него приказ: к Колесову не пробиваться, а ограничиться лишь «содействием ему в выводе войск с бухарской территории».

4

А в Новой Бухаре тем временем шла лихорадочная подготовка к эвакуации. Спешно формировались все новые и новые эшелоны.

В огромные чаны, установленные на платформах, наливали воду. Ее нужно взять немало — и для паровозов, и для пулеметов, и для людей. Впереди — пустыня. Противник наверняка разрушил на нашем пути водокачки, перекрыл арыки, завалил колодцы.

В вагоны густо набивались женщины, старики, дети. Они тащили с собой домашний скарб. Вместе с нами собирались уехать все, кому встреча с войсками эмира грозила верной смертью.

Андраш Месарош, Йожеф Тот и я работали в городе. Стоило больших трудов обеспечить бесперебойную связь на период погрузки. Я объявил всех работников связи мобилизованными. Телеграфистки и телефонистки подняли вой. Ко мне явилась их делегация.

— Ваше распоряжение незаконно, — заявила пожилая дама в пенсне. — Мы женщины, и, следовательно, мобилизации не подлежим.

Надо было как-то выходить из положения. Я нарочито удивился:

— Вот так-так! Права получили равные с мужчинами, а об обязанностях забыли?

Наивная уловка возымела свое действие. Дама в пенсне стушевалась:

— Ну хотя бы домой пустили, собраться в дорогу, — попросила она.

— Это можно, — согласился я. — Только давайте установим строгую очередность...

На вокзал мы приезжаем последними. Одиннадцать длинных эшелонов стоят под парами. Вперед уходит летучка под командованием Морозова. Ее задача расчищать дорогу.

За летучкой почти без интервалов потянулись составы. Едва хвост этой многоверстной кишки проскочил выходную стрелку, как все остановилось. Дальше дорога была разрушена: рельсы утащены, шпалы сожжены.

Что-что, а портить дороги наловчились тогда в Туркестане лихо. Но и восстанавливать приспособились. Правда, все делалось вручную, все на себе. Сзади разбирали, впереди укладывали. Вдоль вагонов по бесконечной цепочке люди

передавали стальные полосы, деревянные черные брусья, болты, костыли, металлические плашки. Одновременно с этим отряды отбивали наскоки противника. Работа приостанавливалась, только когда враг подходил вплотную.

Так было и в тот раз. Продвигались мы черепашьими темпами. Головная летучка почти не выходила из боя. Налеты подразделений эмирских войск продолжались до темноты.

Утро следующего дня я и Месарош встретили на крыше вагона.

Наблюдаем за степью. Вдали появляется довольно значительная группа неприятельских войск.

Андраш смотрит в бинокль. Потом передает его мне.

— Готовятся...

Приклеиваюсь к окулярам. Да, выстраиваются. Рослый бородач в ярко-красном распахнутом на груди халате развернул зеленое знамя. Около него сгрудились чалмоносцы. Держит речь мулла. Его парчовый халат ярко блестит на солнце.

— Похоже, что скоро двинутся, — соглашаюсь я с Месарошем и предлагаю: — Пошли к Морозову.

Едва успеваем спуститься вниз, как нас окликает начальник штаба и направляет в цепь. Прихватив десяток гранат и целую «цинку» винтовочных патронов, опешим занять удобную позицию в полусотне шагов от полотна дороги. Из салон-вагона выходит Колесов и тоже спрыгивает в окопчик. По цепи тотчас пошло:

— Председатель Совнаркома... товарищ Колесов...

Высок авторитет Федора Ивановича среди бойцов. Может, и не все у него гладко получается в смысле военного руководства, но что деятелен и смел — этого не отнимешь.

Раздаются первые выстрелы. Алимхановцы палят из старинных пушек. На землю плюхаются круглые чугунные ядра.

Мы с Месарошем ведем огонь не спеша, тщательно прицеливаемся. Вот Андраш сразил одного из предводителей. Шедшие за ним остановились, а потом отхлынули назад. Это уже не первый случай, когда после гибели главаря нападавшие поворачивают вспять.

— Видишь? — кричит мне Месарош. — Надо атамана бить!..

Наскоки противника продолжались весь день. Они отвлекали нас от работы. Но как только наступили сумерки, во вражеском стане протяжно заголосили муэдзины, призывая правоверных к вечерней молитве. Теперь до утреннего намаза враг будет отдыхать, а нам спать не придется. Ночь — наша верная союзница. К счастью, в начале марта она достаточно продолжительна. Можно многое успеть.

У меня ныло плечо: новая винтовка сильно отдавала. Я было

собрался сам отрегулировать ее, но Месарош предложил:

— Давай сюда, сделаю. А ты лучше сходи в штаб, узнай там, что и как...

Я отправился.

Кишишев, примостившись на ступеньке вагона, попыхивал трубкой. Он заинтересовался нашими наблюдениями.

— Значит, если вожак погиб, то все поворачивают?

— Да... Вот если бы все наши по их главарям били! А?

— Рискованно, — послышался из тамбура голос Полторацкого. — Не получится так: пока бойцы будут уничтожать главных, остальные без потерь до наших позиций дорвутся?

— Думаю, этого бояться не надо, — возразил Кишишев. — Вывести из строя прежде всего главаря — очень важно. Передам ваше предложение командующему...

5

Вместе с другими Месарош и я всю ночь помогали железнодорожникам. Продвинулись почти на десять верст.

Постепенно это стало правилом: днем — бои, ночью — изнуряющая работа.

Быстро истощались запасы воды. Был установлен суровый питьевой режим. Около чанов выставили усиленные караулы. Здесь почти всегда толпились женщины в тщетной надежде вымолить дополнительную порцию влаги для детей...

Эшелоны приближались к станции Малик. Со стороны Самарканда выручать нас шли ташкентцы. Но мы об этом не знали. А эмир знал и поэтому спешил разбить нас. Налеты его орд становились все ожесточеннее.

Очередной удар противник обрушил на головной состав. Оттуда вскоре передали:

— На паровозе пулеметчика убило!

Месарош толкнул меня в плечо:

— Пошли...

С тендера, где стоял «максим», трое бойцов снимали убитого. Это был, судя по потертой шинели и серой, под мерлушку, папахе, старый солдат-фронтовик. Без него расчет вести огонь не мог.

Месарош молча отстранил от «максима» парня в тужурке. Красногвардеец не стал возражать. Он и его товарищ перешли на другое место. Третий остался и начал собирать раскиданные коробки с лентами. Так сам собой образовался новый расчет: Андраш Месарош — наводчик, я — второй номер, парень в тужурке стал подносить патроны, а Иожеф Тот взял на себя обязанности наблюдателя.

Стрелял Месарош виртуозно. Так же уверенно бил слева другой «максим». Плотный перекрестный огонь двух пулеметов остановил противника. Казалось, дело сделано. Но тут вперед выскочили дервиши и мулла. Их призывные вопли, обещавшие райское блаженство павшим в бою и жестокую кару трусам, возымели действие. Неприятельская лавина снова двинулась на нас.

Месарош, верный своему принципу «бить по голове», полоснул меткой очередью по духовенству. Результат получился совсем иной, чем прежде. Сарбазы подняли дикий вой и, как ополоумевшие, устремились к составам. Неведомо откуда впереди них появились всадники.

Наш «максим» от беспрерывной стрельбы походил на

поспевший самовар. Я отвинтил медную пробку кожуха, долил воды. Она хранилась в специальной банке. Чтобы не подвергаться искушению, пулеметчики сами добавляли в нее по нескольку граммов керосина.

Покончив с доливкой, взглянул на Месароша, ободряюще кивнул: продолжай, мол, в том же духе. Но Месарош болезненно поморщился и, прижав ладонью правое плечо, вдруг отвалился в сторону. Раненым занялся Йожеф Тот, а я лег за пулемет. Расстреляв ленту, обернулся:

— Как, Андраш?

— Помогать можно, стрелять нет.

А по тендеру все чаще стучали пули. Машинист и его помощник, сберегая воду, под огнем врага затыкали пробоины деревянными колышками. На дырки в топливном баке не обращали внимания: мазут давно кончился и паровоз топили шпалами и жмыхом, обильно поливая их хлопковым маслом.

Я расходовал ленту за лентой. Промахнуться было трудно: расстояние, отделявшее нас от противника, едва ли превышало сотню шагов. Какой-то оголтелый всадник в зеленом халате проскочил через цепь красногвардейцев, подлетел к паровозу и стал тыкать в него пикой. Машинист пустил струю пара. Лошадь шарахнулась в сторону.

— Бей конного! — крикнул мне Месарош.

Сразив почти в упор всадника, я опять перенес огонь на пеших. В воздухе летали клочья ваты, вырванные пулями из их стеганых халатов.

Напор неприятеля постепенно ослабевал. Потери его были огромны. Вскоре он вынужден был повернуть назад. Я провожал бегущих длинными очередями до тех пор, пока они не скрылись за холмом. Потом, обессиленный от физического и нервного напряжения, опрокинулся навзничь. Холодный пот покрыл лоб. Рубаха прилипла к телу. Руки дрожали. Начался озноб. Друзья-венгры отвели меня в вагон, усадили на нижнюю полку. Месарош, как ребенка, гладил по голове, приговаривая:

— Хорошо... Все хорошо. Делал как надо...

К счастью, это был наш последний бой. Вечером мы соединились с ташкентскими отрядами. Они привезли с собой запас снарядов и патронов. А противник ушел в Зеравшанокую долину.

Пережитое казалось страшным сном, который окончился радостным пробуждением. Избежавшие, казалось, верной гибели, люди смеялись и плакали. Все обнимались, кричали «ура», швыряли вверх шапки.

Это было не просто спасение. Это была победа. Эмир

почувствовал, что его войска еще слишком слабы и неорганизованны, чтобы бороться с объединившимися красными отрядами.

Мир с бухарским правительством был подписан 25 марта 1918 года на станции Кизил-Тепе. Сеид Алимхан обязался возместить причиненные Советскому Туркестану убытки и ограничить свои вооруженные силы 12 тысячами человек. Он согласился также на то, чтобы в Старой Бухаре находился постоянный советский представитель.

Эвакуированное из Новой Бухары и со станции Каган население возвращалось назад. Там были восстановлены Советы, начали работать большевистские партийные организации. Постепенно налаживались экономические связи Бухарского ханства с Советским Туркестаном.

Бухарская экспедиция, или, как ее иногда называют, «поход Колесова», была несомненной ошибкой правительства Советского Туркестана и лично председателя Совнаркома. В условиях, когда классовая сознательность и политическая активность народных масс Бухары были еще недостаточными для вооруженного восстания против монархической тирании, следовало критически отнестись к просьбе младобухарцев о военной поддержке.

Полную ясность в этот вопрос внес В. И. Ленин. На VIII съезде РКП(б) он сказал: «Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, узбеки, таджики, туркмены, которые до сих пор народятся под влиянием своих мулл?.. Можем ли мы подойти к этим народам и сказать: «Мы скинем ваших эксплуататоров»? Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении у своих мулл. Тут надо дождаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно».

К сожалению, в начале 1918 года далеко не все туркестанские большевики правильно понимали лозунги партии о самоопределении наций. Это подчас приводило к серьезным осложнениям.

На проходившем с 20 апреля по 1 мая 1918 года V съезде Советов Туркестана большинство одобрило решение Совнаркома о поддержке младобухарцев. Лишь наиболее политически зрелые делегаты-большевики, в частности П. А. Кобозев и П. Г. Полторацкий, оценили «поход Колесова» как ошибку. Кстати, и сам Ф. И. Колесов заявил тогда, что Совнарком, предприняв поход, допустил промах «вследствие недостаточной выясненности бухарского вопроса и положения в самой Бухаре».

Но при всем этом поход имел и некоторые положительные результаты. Эмир и его окружение убедились в силе Советской

власти. Алимхан вынужден был также ограничить численность своих войск. Все это на продолжительное время отодвинуло угрозу нового вооруженного выступления Бухарского ханства против Советского Туркестана.

Наша сотня

1

Через некоторое время после возвращения из-под Старой Бухары меня вызвали в обком. В кабинете Чечевичкина, которого совсем недавно избрали председателем большевистской организации области, — полно людей. Он глазами указал на стул у стены. Я сел, начал слушать.

На повестке дня — вопрос о формировании регулярных воинских частей. Докладывал В. С. Гуща. Он уже не командир красногвардейского отряда, а облвоенком. Василий Степанович отмечал огромную роль конницы в условиях Туркестана.

— Именно она была главной силой в руках наших врагов. А теперь и мы можем резко увеличить численность наших кавалерийских подразделений. Ведь коней отбито много у казаков и «автономистов».

Гуща предложил немедленно создать в Самарканде и Катта-Кургане сотни, а в Ура-Тюбе, Ходженте и Джизаке — команды разведчиков.

— Загвоздка теперь в людях, — продолжал Василий Степанович. — У нас почти совсем нет хорошо обученных наездников.

— Это не есть верно! — возразил кадыкастый седоватый мужчина в потрепанной серо-голубой шинели.

Чечевичкин попросил уточнить:

— Что неверно, товарищ Секей?

Тот встал и, взглянув на Гущу поверх сползших на кончик носа очков, повторил:

— Это не есть верно, что нет добрых гусар.

Йожеф Секей — руководитель венгерской секции при самаркандской организации Туркестанской компартии иностранных рабочих и крестьян. На совещании присутствовали также его ближайшие соратники — Бела Мадьяр, коренастый крепыш во френче, и Эммануил Шпитцер, высокий красивый брюнет в штатском костюме.

Секей, безбожно коверкая русские слова, сообщил, что многие бывшие военнопленные, как коммунисты, так и беспартийные, хотят вступить в Красную Армию. Бюро уже рекомендовало военкомату десятки хороших кавалеристов, заслуживающих полного доверия. Но товарищ Гуща почему-то тянет с их оформлением.

Кончив говорить, Секей пригладил ладонью рыжеватые с проседью усы и тяжело опустился на стул.

— Не во мне дело, — обернулся к нему Гуща. — Мы было

стали принимать в нашу армию бывших военнопленных. Но в Ташкенте подняли галдеж левые эсеры: международным, мол, правом это запрещено. Пришлось специально командировать человека в ЦИК Туркестана. Сегодня-завтра он вернется...

— А по-моему, — прервал Гущу Чечевичкин, — вопрос совершенно ясен. У нас, у рабочих, свой закон: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В Красную Армию открыта дорога для трудящихся любой национальности. А левые эсеры пусть себе вопят. Мы живем на Востоке, где в ходу мудрая пословица: «Собака лает, а караван идет». Думаю, облвоенкомат исправит свою ошибку. Вы, товарищ Секей, так и передайте своим добровольцам. Кстати, нам нужны не только конники, а и стрелки, пулеметчики, артиллеристы.

Венгры ушли довольные. Совещание продолжалось. Выступили председатель облисполкома М. Я. Смирнов, военрук облвоенкомата П. И. Щетинин, представители городских и сельских районов. Прикидывали, где и какое можно раздобыть оружие, сколько человек направить в Красную Армию. После этого Чечевичкин неожиданно назвал мою фамилию. Я вскочил со стула. Чечевичкин улыбнулся, потом как-то торжественно обратился ко мне:

— Мы с товарищем Гущей вызвали тебя, чтобы дать новое задание. А кроме того, сообщить, чтобы завтра пришел на общее партийное собрание. Прием будет...

Защемило от радости сердце. А Чечевичкин продолжал:

— Впереди еще много жестоких боев с врагами. Нам нужны свои, преданные партии, Советской власти командиры. Поэтому старательно изучай военное дело. Специально заняться одной учебой пока нет возможности. Пользуйся случаем, что находишься в городе, нажми на теорию. А снова на фронт пойдешь, будешь учиться на практике, в бою. Это тебе и партийное поручение, и задание командования.

— Представится возможность, — добавил от себя Гуща, — пошлем на курсы. Пока же определим тебя в конную сотню, которая сейчас формируется. Ты местный уроженец, здешний народ знаешь. Помогай вовлекать в Красную Армию достойную молодежь. Попробуй разузнать, кого из проживающих в городе бывших офицеров можно использовать как инструкторов.

Облвоенком взял со стола две книжицы, передал мне:

— Это уставы. Строевой казачий и стрелковый армейский. Не беда, что царские. Некогда нам ждать, пока новые напишут. Если не поймешь чего, приходи к Прохору Ивановичу Щетинину. Он был кадровым офицером.

2

В партию меня приняли. Бережно положил я во внутренний карман, к сердцу, скромный серенький бланк, отпечатанный в местной типографии. Единого партбилета тогда еще не было. Бланки заполняли где как.

Звание большевика обязывало меня быть в первых рядах борцов за власть Советов, не щадить сил и жизни для ее укрепления. Я поклялся быть до конца верным марксизму-ленинизму.

Среди молодых коммунистов, направленных в конную сотню, оказался и мой друг детства Ваня Хренов. Он был единственным сыном старого большевика, из рабочих, выдвинутых революцией.

Долго пришлось мне уламывать командира сотни Годяева, прежде чем он согласился определить Хренова в мой взвод. Я понимал, что Годяев, стремившийся равномерно распределить членов партии по всем подразделениям, в принципе был прав. И все же настаивал.

— Ладно, — сдался Годяев. — Но помни: дружба должна не мешать, а помогать службе. Знаю я отца этого Хренова. Правильный старик. Сам просил меня не давать сыну поблажек. Так что гляди, не балуй его.

Иван Хренов быстро вошел в наш коллектив. У него был трезвый ум, веселый нрав. Он скоро обучился верховой езде, стал лихо рубить лозу.

Вместе с нашей разведывательной командой в конную сотню влились многие венгры — Танкушич, Габриш, Надь, Ролич, Немеш. Потом к ним присоединились и мои приятели — Месарош, Тот, веселый повар Фаркаш. Вопреки опасениям, на этот раз Годяев ни слова не сказал против зачисления их в мой взвод. Он, как оказалось, даже сам хотел, чтобы новички были вместе с теми, кто их знал поближе.

Вместе с Годяевым мы пошли в конюшню, где вновь прибывшие получали лошадей. Там было шумно и весело. Старшина сотни Пархоменко давал очередное «представление». Облюбовав кого-либо из молодых бойцов, он посылал его в денник[6] к своему жеребцу Черту, коняге злобному, своенравному. Через минуту под дружный хохот новичок выкатывался оттуда как ошпаренный. А Пархоменко только вздыхал сокрушенно:

— Эх, не по тебе, видать, этот красавец. Ну, не горюй, подберем похуже, зато смирного. По Сеньке, как говорится, и шапка...

До Годяева доходили слухи о чудачествах старшины, но, поскольку все обходилось без серьезных последствий, он смотрел на это сквозь пальцы. Тем более что Пархоменко клялся, будто на него возводят напраслину. Теперь же Годяеву представилась возможность лично побывать на «спектакле».

Не заметив появления командира сотни, Пархоменко приказал подвернувшемуся Месарошу:

— А ну, гусар, оседлай-ка серого.

Венгр как ни в чем не бывало направился к строптивому жеребцу, уверенно положил руку на холку. Чёрта будто подменили. Он даже заржал с каким-то необычным для него добродушием. Пархоменко был ошеломлен.

Когда конюшня опустела, Годяев подозвал старшину, спросил:

— Это что за цирк? Вы и не служивших в кавалерии так «экзаменуете»?

— Так не опасно ж... Черт меня слушается. Как гаркну: «Стоять!» — замирает на месте, — оправдывался Пархоменко.

— Не в опасности дело, а в отношении к людям. Они идут в Красную Армию с открытой душой, а вы встречаете их старыми казарменными шутками...

3

Наша сотня была сотней лишь по наименованию. В действительности же только строевого состава в ней насчитывалось 130 человек. Да медиков, ветеринаров, кузнецов, повозочных набиралось до двух десятков. Коней имели все, и в случае необходимости мы могли выставить до ста пятидесяти сабель.

Преобладали у нас русские и украинцы. Много было узбеков, таджиков, казахов, киргизов. Довольно значительной оказалась группа венгров. Имелись также татары, белорусы, евреи, поляки и даже один араб из Египта, в прошлом артист цирка, фокусник.

Воевали мы дружно. Да и жили по-братски. Особенно сблизились между собой таджик Кахаров, узбек Асадов и венгр Габриш. О Габрише я уже кое-что говорил, а о двух других стоит рассказать подробнее.

Когда таджик впервые появился в красногвардейском отряде, он назвался Поповым-Кахаровым. Многих заинтересовала эта двойная фамилия. И суровый с виду боец охотно удовлетворил любопытство новых товарищей.

Отец Саида Кахарова, рабочий кожевенного завода, умер в 1905 году. Сирота-подросток нанялся извозчиком. Со временем стал одним из лучших самаркандских лихачей. Его нарядный экипаж брали нарасхват.

Однажды в фаэтон Саида вскочили грабители, обворовавшие самаркандский банк. Заставили ехать в горы. Неподалеку от перевала Тахта-Карача сделали остановку. Здесь их ожидали сообщники с оседланными лошадьми. Выгрузив добычу, главарь шайки сунул извозчику деньги:

— Бери. Подохнут кони — все равно в убытке не будешь. Про нас — молчок.

Саид повернул упряжку. На обратной дороге его встретили полицейские во главе с приставом.

— Руки вверх, разбойник!

Саид повиновался. Пристав ринулся на него, резанул плетью по лицу. Удар пришелся в глаз. Саид взревел от боли, бросился на обидчика. Но один из полицейских свалил его прикладом.

Избитого до полусмерти Кахарова доставили в арестный дом и обвинили в соучастии в краже. Суд приговорил Саида к пяти годам каторги. Там молодой таджик встретил русского рабочего Александра Попова. Тот на многое открыл ему глаза, научил распознавать врагов и друзей простого народа. Изнурительный труд, чахотка свели Попова в могилу. В память о русском друге

Саид принял его имя и фамилию. И когда вернулся, освобожденный Октябрем, в родные края, всем на удивление представлялся:

— Александр Попов...

Каторга не прошла бесследно. Высокий, жилистый двадцативосьмилетний богатырь выглядел гораздо старше своих лет. Зорко и сурово смотрел из-под козырька кожаной фуражки единственный глаз Саида. Кахаров был смелым, хладнокровным, находчивым, знающим языки, быт и нравы местного населения разведчиком.

Под стать Попову-Кахарову был и Узак Асадов. Его детские и юношеские годы тоже не были безмятежными.

Отец Узака работал по найму. Однажды при перевозке хлопка лошадь, впряженная в арбу, чего-то испугалась и рванулась в сторону. Одна кипа свалилась на землю и попала в грязь. Подбежал подрядчик, обругал возчика и со зла ударил плеткой. На этом все бы и кончилось, если бы не Узак. Увидев, что отца бьют. Он вцепился зубами в руку обидчика. Тот полоснул плетью ребенка. Тут уж не стерпел отец. Он схватил подрядчика в охапку, шмякнул о землю, а из того и дух вон. Осудили за это на восемь лет каторги.

Когда Узак подрос, он поехал в далекий Нерчинск. Устроился там на работу. И хотя получал гроши, все же умудрялся выкроить на табак отцу. Общение с политкаторжанами помогло юноше найти верную дорогу в жизни. Она привела его в ряды борцов за свободу народа.

Вскоре по возвращении с каторги отец Узака умер. Еще раньше люди схоронили мать. Потому-то красноармеец Асадов и молчаливый такой. Но душа его чуткая. Познакомившись с Поповым-Кахаровым, он привязался к нему всем сердцем. И старший товарищ заменил ему родных.

Люто ненавидели Саид и Узак врагов революции, жадно учились военному делу. Поэтому, возможно, и сблизились с Иштваном Габришем. Храбрый и общительный гусар охотно делился с друзьями боевым опытом.

Пришелся ко двору и Янош Ковач. Весельчак, балагур, гармонист и певец, он скрашивал нелегкую солдатскую жизнь. Когда-то Ковач был эскадронным трубачом. Инструмент свой, пробитый пулей, измятый и потемневший, он донес до Туркестана. В сотне уже был сигналист Жидяев, прежде служивший в драгунском полку. Но Пархоменко рассудил, что не вредно иметь и второго. Жидяев жил на дому, с семьей. В случае тревоги его могло не оказаться под рукой. А Ковач постоянно находился в казарме. Пархоменко сам снес старую трубу венгра к

кустарю-меднику. Тот искусно запаял ее, расправил вмятины, очистил от окиси. Засияла как новенькая. И теперь, когда сотня бывала на марше, Ковач по традициям венгерской кавалерии в паузах между песнями исполнял «поход».

Народ у нас был в основном молодой. Любили повеселиться, поддеть друг друга незлобной шуткой. Заводилой в этих случаях всегда выступал Вольдемар Клейн, в недавнем прошлом артист эстрады. Он сам сочинял забавные куплеты и пел их под аккомпанемент гитары. Ничто не могло согнать с его лица улыбку: ни тропическая жара, ни стужа высокогорья, ни гнилая болотная испарина. И откуда только силы брались у долговязого и тонкого, как тростинка, бойца! Многие из нас вначале думали, что «артист» не приживется в сотне. Но он с честью выдержал проверку временем и боем.

Немало веселых минут дарили товарищам и музыкальные клоуны братья Бондаренко, и фокусник-иллюзионист египтянин Али-Араб. Приехав в Самарканд с цирком на гастроли, они так и застряли в городе. В голодное, тревожное время людям было не до представлений. Цирк закрыли, а артистов выбросили на улицу. Старший из братьев Бондаренко устроился рабочим на винном заводе, младший — на чаеразвесочной фабрике. Египтянин стал кучером директора госбанка. А когда в городе установилась Советская власть и потребовалось ее защищать, все трое взяли в руки винтовки и воевали с истинным мастерством.

Вооружались и обмундировывались мы как придется. Туркестан не имел промышленной базы. Пушки, пулеметы, карабины, даже сабли были у нас преимущественно трофейными. Патроны фабричного производства берегли в основном для пулеметов. Из винтовок же часто приходилось стрелять самодельными. Пули были свинцовые, без оболочек и, конечно, очень портили каналы стволов.

Нелегко было и с обмундированием. Туркестан, снабжавший всю Россию хлопком и шерстью, сам не располагал текстильными предприятиями. Кустари вырабатывали лишь грубую белую ткань — мату. Командование долго ломало голову: во что одевать бойцов? Выход все же нашли: стали шить все из кожи — и фуражки, и тужурки, и брюки. Какого только цвета не были они! Желтые, синие, малиновые, фиолетовые... В дождь и снег кожа линяла. Приходилось чернить ее сажей, сапожным кремом. А в летние месяцы обладатели таких доспехов изнывали от жары. Но что поделаешь! Приходилось терпеть.

Со стороны красноармейцы выглядели порой неприглядно. Но никто из нас не променял бы свою полуголодную, полную невзгод и опасностей жизнь в Советской Республике на другую.

Мы всем сердцем ненавидели проклятое прошлое, верили в грядущее счастье на свободной от эксплуататоров земле. И ради этого готовы были на любые испытания.

4

Формирование, сколачивание и боевое обучение частей и подразделений Красной Армии в условиях Туркестана тоже было делом не простым. Местное коренное население в прошлом освобождалось от воинской повинности: царские колонизаторы не доверяли оружия «инородцам». Не служили и дети русских колонистов, родившиеся в Туркестане. И когда после Октября большинство солдат старой армии разъехались по домам, здесь осталось очень мало обученных военных кадров. К тому же далеко не на всех из них Советская власть могла положиться.

Добровольцы в Красную Армию принимались лишь после тщательной проверки. Ненадежные элементы решительно отсеивались. Отбором занимался военный комиссариат. Помогали ему в этом комитеты партии большевиков. С будущими красноармейцами часто встречались и задушевно беседовали член Военного революционного комитета области А. И. Фролов, председатель облисполкома М. Я. Смирнов, самаркандские большевики Михаил Журавлев, Ишавкул Мирджамалов, Дуст Устабаев, Ходжи Сафо Джурабаев, Мирзаходжа Урунходжаев.

Мирджамалов, Устабаев, Джурабаев и другие вели также активную разъяснительную работу среди мусульманского населения. Они сагитировали немало моренных жителей вступить в ряды советских регулярных войск.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина о необходимости привлечения в Красную Армию патриотически настроенных офицеров старой армии, местные коммунисты сумели укомплектовать молодые части и опытными военными специалистами. На сторону народа перешли полковники Н. Н. Радкевич и В. М. Ионов, штабс-капитан С. В. Крыжин, офицеры-артиллеристы П. И. Щетинин и В. Г. Дьяконов. Несколько позднее к нам примкнули возвратившиеся с Западного фронта полковник В. И. Хмельницкий и капитан П. И. Сокольский. Все они верно служили революции.

В подборе обученных военных кадров для молодой Красной Армии много сделали также коммунисты-интернационалисты. Терпеливо и настойчиво разъясняли они пленным солдатам и унтер-офицерам, что Советская Россия стала теперь отечеством трудящихся всего мира и что сражаться за нее — это значит сражаться за грядущую пролетарскую революцию в своих странах.

В 1919 году в Самарканде был сформирован Интернациональный батальон. Большую прослойку в нем составляли венгры. Комиссаром этого батальона стал Йожеф

Секей, командиром роты — Бела Мадьяр.

Карл Боц работал в бюро венгерской секции и в политотделе Самаркандско-Бухарской группы войск. В сентябре 1921 года уехал на родину, в Уйпешт. Венгерская охранка сразу же схватила коммуниста. Однако Боц сумел вырваться из ее лап и в конце 1922 года вернуться на свою вторую родину — в Советский Союз. Туркестанские большевики тепло встретили боевого товарища. Карл Боц долго и честно работал на ответственных хозяйственных должностях. Сейчас он на пенсии. Но покой неведом старому члену партии. Живя в Ташкенте, Карл Боц участвует в партийной и общественной работе.

Остался в нашей стране и Бела Мадьяр. В 1921 году он окончил Ташкентскую военную школу имени В. И. Ленина и долго служил на командных должностях в Красной Армии.

Не упомнишь всех, кто в далекие революционные годы учил молодых красноармейцев владеть оружием. Одно скажу: если за все время гражданской войны самаркандские боевые отряды Красной гвардии и Красной Армии выделялись крепким боевым духом, дисциплинированностью, интернационалистской сплоченностью и чутким отношением к местному населению, в этом огромная заслуга принадлежит коммунистам. И тем, кого революция выдвинула на высокие политические и военные посты, и тем, кто ходил в атаки рядовым бойцом.

Контрреволюция поднимает голову

1

Летом 1918 года в Туркмении создалась напряженная обстановка. Эсеры во главе с Фунтиковым выступили вдохновителями заговора против Советской власти. Они спровоцировали некоторую часть людей на восстание.

В Ашхабад прибыл с небольшим отрядом чрезвычайный комиссар Закаспийской области А. И. Фролов. Наиболее ярые контрреволюционеры были арестованы. Затем Фролов выехал в Кизил-Арват. Предупрежденные Фунтиковым эсеры распустили слух, будто Фролов бесчинствовал в Ашхабаде, грабил население и теперь с тем же едет в Кизил-Арват. Обманутые кизиларватцы совместно с подосланными эсером Фунтиковым людьми напали на красногвардейцев, убили Фролова. Не пощадили и его жену с ребенком.

Когда весть о трагической гибели А. И. Фролова пришла в Самарканд, мы долго не могли в нее поверить: слишком тяжелой была утрата.

В Закаспии подняла голову белогвардейщина. Вспыхнул мятеж. Направленного для его ликвидации из Ташкента в Ашхабад народного комиссара труда П. Г. Полторацкого враги Советской власти тоже схватили в пути и расстреляли. Эсеры вступили в связь с английскими империалистами, открыли им двери в Туркестан. При поддержке британских оккупационных войск, прибывших из Ирана, белогвардейцы перешли в наступление вдоль Закаспийской дороги. Красные части были вынуждены отойти за Мерв и Байрам-Али.

Хотя события в Закаспии не представляли непосредственной угрозы Самарканду, гарнизон города повысил боевую готовность. Из нашей сотни часть бойцов убыла на Закаспийский фронт. Подразделение пополнилось новыми людьми. Мы несли караульную и патрульную службу.

Как-то среди ночи нас подняли по тревоге. Прискакал объездчик из лесничества, расположенного километрах в тридцати к югу от Самарканда. Он сообщил, что у перевала Тахта-Карача конники эмира совершили налет на ряд кишлаков, убили несколько пастухов, угнали скот.

И вот мы по Термезскому почтовому тракту мчимся в направлении Тахта-Карачи. Сильный встречный ветер зло бьет в лицо. Чем выше поднимаемся, тем прохладнее.

В кишлак Аман-Кутан добрались затемно. Решили переждать в нем до рассвета. Искать врага ночью в заросших лесом горах бессмысленно и рискованно. Годяев приказал Танкушичу

выделить из своего взвода охранение и разъезд. Старшим группы разведчиков Танкушич назначил Габриша.

Иштван при помощи Плеханова, который хорошо знал узбекский язык, расспросил местных жителей, где могли заночевать бухарцы. Кто-то из охотников вызвался показать путь туда и повел конников по головокружительным тропам. Незамеченными подошли к окраинным дворам селения. Габриш приказал приготовить гранаты.

— Больше шуму, — распорядился он, — стреляйте за целый эскадрон. Только не кричите. Криками можно выдать, что нас немного.

Ночную тишину взбудоражили первые разрывы. Затрещали винтовки. Горное эхо многократно повторяло каждый выстрел. В кишлаке поднялся переполох. Сарбазы выскакивали из мазанок, поспешно седлали лошадей и мчались в сторону Аман-Кутана. А там их встретила наша сотня. В небольшой котловине у Термезского тракта произошла жаркая схватка. Зажатые с двух сторон, приверженцы эмира дрались зло. Потом, верные своей разбойничьей тактике, попытались рассеяться. Однако удрать удалось немногим. Почти все легли под красноармейскими клинками. Десятка полтора алимхановцев сдалось в плен.

Наши после боя недосчитались Ивана Плеханова. Вскоре он, однако, нашелся. Вместе с ним был какой-то парнишка лет пятнадцати. Малец гордо восседал на коне, покрикивая на ковылявшего рядом пленного.

— Чего это он шумит? — спросил я.

— Ругается, — засмеялся Плеханов. — Костерит своего обидчика.

— Где же это ты раздобыл такого конвоира?

— Это не я, а Габриш выручил парнишку...

Плеханов рассказал, как хорошо держался в бою Иштван. Рана не позволила ему поработать клинком, так он теснил врагов конем. Выбитый им из седла сарбаз странно как-то дернулся и потащился по земле вслед за своим конем. Иштван догадался, что поверженный противник привязан к седлу веревкой. Перевел взгляд на седло, а в нем уже сидит другой. Что за наваждение? Вместе с Плехановым быстро настигли всадника. Плеханов хотел было рубануть его, но рука не поднялась — на лошади был мальчишка...

Паренек объяснил:

— Меня хотели увезти с собой. Чтобы не убежал, привязали к лошади и вот к нему. — Мальчик показал вниз.

Тут же мы узнали, что юнца зовут Кажбак. Он киргиз, сирота. Жил у дяди, байского пастуха, и, когда подрос, сам стал пасти

скот.

— Дядя был хороший, добрый, — уверял Кажбак. — Нет его теперь. Убили бухарские разбойники...

Подросток всем понравился. Круглое лицо, узкие щелочки глаз, широкая улыбка делали его очень похожим на полную луну, как ее изображают на детских картинках.

Когда вернулись в Самарканд, встал вопрос, как дальше быть с Кажбаком. Годяев решил отдать его в детский дом. Красноармейцам же хотелось оставить его при сотне. Меня уговорили похлопотать за мальчишку.

— Приют у нас, что ли? — упрямился Годяев.

— Он только с виду маленький, а так вполне взрослый парень, — не отступал я. — Коней любит очень. Каким еще коноводом будет! А подрастет — станет бойцом. Закалка у него пролетарская...

— Нет, не могу. Сам знаешь, по декрету в Красную Армию разрешается брать не моложе восемнадцати.

— Так не бойцом же!

— Коновод тоже под пулю угодить может.

— Беречь будем. По душе всем пришелся.

— Вот прилип! — разозлился Годяев. Потом походил взад-вперед, поостыл и согласился: — Ладно, пусть остается...

Опасаясь, как бы он не раздумал, я поспешил в казарму и начал готовить «данные для приказа».

— Фамилия у тебя какая? — расспрашивали мы мальчонку.

Он неопределенно пожал плечами.

— Ну, отца-то как звали?

— Мурадом. А чаще Кальмурадом. Лысый он был. «Каль» — по-нашему плешивый.

Я вмиг составил нужную справку: Кажбак Кальмурадов, уроженец Ургутской волости, Самаркандского уезда, 16 лет. Прочитав ее, Годяев ухмыльнулся.

— Шестнадцать, значит?

— Тютелька в тютельку.

Командир сотни укоризненно покачал головой, но передал листок писарю Доронину.

— Добавишь в сегодняшний приказ о зачислении этого Кальмурадова на все виды довольствия.

Со временем Кажбак стал моим коноводом. Много верст прошли мы вместе, и ни разу мне не пришлось в чем-либо упрекнуть его.

Вернувшись в Самарканд, мы снова приступили к боевой учебе. Учились напряженно. Но молодость есть молодость. И, несмотря ни на что, нам удавалось выкраивать часок-другой для

развлечений. Многие из нас любили проводить досуг в доме своего сослуживца Андрея Ярошенко. Там всегда было шумно и весело. Ребята пели, рассказывали забавные истории, затевали увлекательные игры. Однако кое-кого сюда влекло не только это. Я заметил, что Шандор Танкушич давно уже неравнодушен к сестре Андрея Ольге.

В один из августовских вечеров венгр наконец объяснился с нею. Договорились пожениться.

— Завтра же решили объявить об этом ее родителям, — сказал Танкушич перед отбоем. — Пойдешь со мной вроде как за свидетеля?

Я от души поздравил друга и охотно принял его приглашение.

Старики Ярошенки встретили нас, как всегда, радушно. Судя по всему, они не догадывались, с чем мы пожаловали. И когда Танкушич с места в карьер выпалил просьбу отдать за него Ольгу, старый мастер и его супруга растерялись. Не давая им опомниться, Шандор напирал:

— Ничего, что время такое... Мы любим друг друга... Только вместе будем счастливы...

Первой обрела дар речи Ксения Тарасовна. Она обернулась к Ольге.

— Ты-то сама как, дочка?

Та бросилась к матери, припала к груди.

— Я согласна.

Тогда уж опомнился и Василий Иванович. Степенно подошел к Танкушичу, обнял:

— Ну что ж, принимаем тебя, Шандор, в нашу рабочую семью.

Ксения Тарасовна тоже засеменила к смущенному жениху. Поцеловала в обе щеки, молвила с чувством:

— Сирота ты здесь, Шандор. Буду тебе матерью...

Через неделю справили свадьбу, и Танкушич переселился из казармы в домик, который уже давно стал ему родным.

А потом женился и Габриш. Его избранницей оказалась румяная хохотушка Феня, работавшая сестрой в гарнизонном лазарете.

Мы завидовали семейным. Они жили на частных квартирах, питались по-домашнему. А у нас каждый день щи да каша.

Сам по себе красноармейский паек был не плох. Неважными оказались кашевары.

Как-то, отодвинув миску с опостылевшей однообразной едой, Месарош помянул добрым словом своего приятеля Фаркаша. Вот, мол, кто мастер. В лучших ресторанах Будапешта работал. И в

плену отличные гуляши готовил...

— А почему бы не назначить Фаркаша старшим поваром сотни? — откликнулись товарищи.

— Не согласится. Не затем, скажет, в Красную Армию шел.

Все же мы решили поговорить. Фаркаш сначала отказывался. Но потом сдался. Правда, поставил условие: в боях будет участвовать вместе со всеми.

Годяев в тот же день подписал приказ.

На следующее утро я, как дежурный по кухне, пошел с Фаркашем в продовольственный цейхгауз.

— «Макароны, рис, баранина, горчица, перец черный, уксус», — вслух читал каптенармус написанную Фаркашем заявку. — Так... А хрена с маслом не хочешь?

Фаркаш радостно закивал головой:

— Да, хрен и масло очень хорошо. Кость есть, холодец будет...

— А может, тебе еще и черта лысого в сметане дать? — вышел из себя хозяйственник и швырнул бумагу.

Фаркаш тоже вскипел:

— Но, но! Старый режим кончай!

Хлопнув дверью, он выскочил на улицу. Я кинулся за ним, сказал, что какие ни есть продукты, а получить их все равно надо. Но тот отрезал:

— Каша варить не буду.

Об этом происшествии доложили, конечно, командиру сотни. Внимательно выслушав обе стороны, Годяев взял под защиту Фаркаша:

— Повар дело говорит. Давно пора подумать о рационе.

— Так не положено! — взвыл каптенармус.

— Что значит не положено? — перебил его Годяев. — Заботиться надо о людях. Он вот думает, а вы нет. Ступайте-ка и вместе составьте список продуктов, которые требуются. Потом зайдите в облвоенкомат, посоветуйтесь с кем полагается. Русское население города гречку любит, а в продкоме и на базаре ее нет. Может, сумеем обменять наши крупы на рис и макароны. Да и насчет овощей надо пошевелить мозгами...

Фаркаш своего добился. Над первым обедом он хлопотал с таким усердием, какого не проявлял, наверное, и в ресторане. Борщ удался на славу. А гуляш с крепким соусом из красного перца совсем покорил красноармейцев.

Наш балагур Володя Клейн, требуя внимания, громко забарабанил ложкой о миску. Когда все стихли, предложил:

— Отныне слово «кашевар» упраздняется. Впредь это лицо именовать только поваром.

Кто-то в тот день назвал Фаркаша Гуляшом. Это шутливое прозвище прилипло к нему. Добродушный венгр не обиделся.

— Гуляш, — сказал он, — вкусный вещь. Пусть Фаркаш будет Гуляш. Ладно...

Но недолго тешил нас Бела Фаркаш. Все уже стягивалось огненное кольцо вокруг Советского Туркестана. Не до деликатесов стало. К зиме положение с продовольствием приобрело катастрофический характер. Дехкане, правда, засеяли хлопковые поля зерновыми, но до урожая было еще далеко. В плодородные некогда долины и оазисы пришли голод, холод, болезни.

2

В начале ноября 1918 года в Ташкенте собрались делегаты Красной Армии и Красной гвардии. От самаркандского гарнизона туда прибыли Щетинин, Петерсон, Танкушич и я.

На этом, как его тогда называли, съезде были приняты важные для военного строительства решения о командном составе, дисциплине, культпросветработе, медицинском обслуживании частей, войсковом хозяйстве, создании товарищеских красноармейских судов и утверждена Временная инструкция для солдат Красной Армии и гвардии.

Еще до съезда в Ташкенте была раскрыта подпольная «военная организация». Она действовала по указаниям англо-американских империалистов. Среди 50 арестованных оказались некоторые ставленники военкома Туркестанской республики Осипова. В этой связи делегаты от Ферганы привели ряд фактов подозрительной деятельности самого Осипова. Но в защиту его дружно выступили левоэсеровские представители.

Позднее стало известно, что именно Осипов и являлся главарем заговорщиков. В недавнем прошлом царский офицер, он умело маскировался, не прочь был блеснуть революционной фразой. Это помогло ему пробраться в партию большевиков, стать военным комиссаром республики.

Осторожно, не спеша, готовил Осипов предательский удар. Старался комплектовать части, расположенные в Ташкенте, из наименее сознательных элементов, устраивал на службу отъявленных контрреволюционеров. Арест большой группы его сообщников спутал планы. Опасаясь новых разоблачений, Осипов вынужден был ускорить начало готовившегося мятежа. Поторапливали его и иностранные резиденты в Ташкенте — глава английской миссии майор Бэйли, американский консул Тредуэл...

В памяти моей это событие запечатлелось так.

Вечером 19 января я дежурил по сотне. Русское население Самарканда праздновало крещение. Многие бойцы отправились к родным и знакомым. Из увольнения некоторые вернулись с опозданием. Раньше на это смотрели сквозь пальцы. Но теперь все опоздавшие были «взяты на карандаш». Начальник гарнизона, инструктируя нас перед заступлением в наряд, дал понять, что возможны серьезные события.

Неожиданно прервалась телеграфная связь с Ташкентом. В разных концах города началась ружейная пальба. Ни военные патрули, ни наряды милиции не могли ничего поделать. Примчатся на выстрелы, а нарушителей и след простыл.

После полуночи я обошел посты, заглянул в конюшни. Тут меня и перехватил запыхавшийся дневальный.

— Товарищ дежурный, вас к телефону... Облвоенком...

Я поспешил в канцелярию. Взял трубку, представился. В ответ услышал:

— Быстро, без шума собери всех, кто живет на квартирах. Подробные указания даст Щетинин. Он выехал к вам.

Поднял командирских коноводов и еще нескольких человек. Приказал оседлать лошадей и разослал по адресам. На всякий случай разбудил и оружейного каптенармуса, выделил в его распоряжение людей, чтобы принесли в казарму запас патронов. Остальных не тревожил: начнется какая заваруха, тогда уж не поспишь.

Послышался цокот копыт. К крыльцу подлетел всадник. Я узнал Щетинина, но все же окликнул. Он отозвался как положено.

Прохора Ивановича Щетинина в нашей сотне знали хорошо. Кадровый офицер, он еще до революции перешел на сторону пролетариата. В том, что крепостная артиллерийская рота стала цитаделью большевиков накануне Октября, была немалая заслуга и Щетинина. Его же стараниями удалось привлечь в ряды Красной Армии многих опытных пушкарей, подлежавших демобилизации. Вскоре Прохор Иванович вступил в партию большевиков. Его авторитет в гарнизоне был велик. Он лично вырастил из рядовых немало отличных красных командиров.

По приказанию Щетинина я подал сигнал: «Подъем!» Все оделись мигом, прошли в столовую. Здесь Прохор Иванович кратко познакомил нас с обстановкой. Первые его слова прозвучали как набат:

— В Ташкенте начался мятеж...

Предатель Осипов заманил в казармы председателя Туркестанского ЦИКа В. Д. Войтинцева, председателя Совнаркома В. Д. Фигельского, председателя Ташкентского городского Совета Н. В. Шумилова, наркома путей сообщения Е. П. Дубицкого, наркома внутренних дел А. Н. Малкова и всех их зверски уничтожил. Вслед за этим на улицах города сразу же развернулись бои. Атаки контрреволюционеров геройски отражали рабочие среднеазиатских железнодорожных мастерских. Им энергично помогал гарнизон военной крепости во главе с Иваном Панфиловичем Беловым. В крепость и мастерские стекались уцелевшие партийные и советские работники, все, кто готов был сражаться и умереть за власть Советов.

— Самарканд, как и другие города, пошлет помощь Ташкенту, — объявил Щетинин. — Но враги подняли голову и здесь, у нас под боком. Поэтому всем надо быть в полной боевой

готовности. Решено усилить охрану вокзала, телеграфа, телефона, складов и учреждений. От вашей сотни необходимо выслать дополнительные конные патрули, чтобы дублировать телефонную связь с обкомом, военкоматом и крепостью посыльными. Всему командному составу через пятьдесят минут явиться к товарищу Чечевичкину...

Я передал дежурство старшине сотни Пархоменко и тоже отправился к председателю областного комитета партии. Когда все собрались, Чечевичкин сообщил, что ему удалось связаться с ближайшей к Ташкенту станцией Кауфманской. Там отчетливо слышат артиллерийские залпы. К станции подтягивается кулачье из окрестных русских поселков и кишлаков.

Затем Чечевичкин проинформировал о принятых мерах. Отряд для посылки в Ташкент почти уже сформирован. Железнодорожники подготовили порожняк для его переброски. Вместе с самаркандским отрядом отправится и чарджуйокий. Он должен подойти к утру. В порядке профилактики решено этой же ночью арестовать наиболее активных противников Советской власти. Списки их и адреса подготовлены.

Облвоенком В. С. Гуща и комендант города В. С. Агеев проинструктировали нас, как провести эту операцию, кому где действовать. Мне достался центр Нового города.

С отделением бойцов направился к отелю «Палас». Потом прошли с облавой по дворам. Задержанных оказалось немало.

Когда вернулись в казарму, было еще темно. Прилег было вздремнуть, но не успел смежить веки, как вернулся с задания Танкушич. А еще через полчаса над ухом раздался сиплый шепот Пархоменко:

— Поднимайтесь, друзья, и быстренько — в обком. Гуща приказал. Он там.

Наскоро оделся и вышел во двор. Бойцы уже были в сборе. Поднятые с постелей, они зябко поеживались в своих потрепанных шинельках. Над высокими тополями Абрамовского бульвара висела полная луна.

— По коням! — вполголоса скомандовал Танкушич. — По три на ходу стр-р-ройсь!

3

Насколько срочным было задание, мы догадались уже по тому, что Гуща ждал нас на улице. Он был краток. Один из арестованных сообщил, что готовится взрыв моста через реку Сиаб, протекающую вблизи станции Самарканд. Диверсанты должны собраться а близлежащем кишлаке.

— Надо их взять, — сказал Гуща. — Будут сопротивляться — уничтожить.

Танкушич повел конников галопом. Из-под копыт полетели искры. За весь десятиверстный путь мы лишь раз переходили на шаг.

По дороге я рассказал красноармейцам, почему так важно сохранить это сравнительно небольшое сооружение. Если врагам удастся его разрушить, то не меньше как на месяц Закаспийский фронт окажется отрезанным от тыла, от баз снабжения. Не сможем мы и выслать отряды на помощь Ташкенту.

— Так что на этих двух каменных опорах сегодня держится судьба Советской власти во всей республике.

Через некоторое время впереди, освещенный лунным светом, показался мост. Он был цел и невредим.

Выставив караул, направились к кишлаку. Я и Иван Хренов знали эти места хорошо. В школьные годы мы часто бродили здесь. Весной собирали подснежники, фиалки, тюльпаны. Летом, когда созревали фрукты, участвовали в озорных ребячьих набегах на сады богатых узбеков.

У придорожного ветвистого карагача я остановил коня. От него до окраинных строений кишлака оставалось шагов триста. Подождал пока подтянулись остальные.

Танкушич оставил у въезда в селение звено под командой Асадова, а два звена во главе с Месарошем послал оцепить дом бая, где, вероятнее всего, могли скрываться заговорщики. Оставшихся опешил и сам повел к воротам глинобитного сооружения. Я последовал за ним.

Расставив оцепление, к нам вскоре присоединился и Месарош.

Два бойца — Мальцев и Попов-Кахаров — притаились у ворот. Мы стали осторожно взбираться на сарай. На крыше его залегли. У мазанки затявкала собака. Скрипнула дверь. Из дома вышел мужчина в халате. Он по-русски прикрикнул на пса, пересек двор и скрылся где-то под нами.

— Здесь, — ткнув меня локтем, шепнул Танкушич. Он жестом показал, что надо спускаться вниз. Чтобы не наделать шума,

опускали друг друга на руках. Последний остался наверху. Прижимаясь к стене, добрались до террасы. Танкушич постучал. Собака, гремя цепью, залилась неистовым лаем. Открывать нам не торопились. Тогда Плеханов рванул створку ставни. Железная скоба лязгнула о стену. Высадив раму, Хренов и Габриш вскочили в помещение. Мы последовали за ними.

— Руки вверх! — крикнул Иштван и поднял гранату. Все, кто были в комнате, замерли.

Во время обыска кто-то заслонил стоявший на табурете светильник. Одна из стен погрузилась во мрак. В этот момент двое попытались укрыться за пологом. Но их перехватил Танкушич. Под дулом его маузера оба подняли руки. Потом неожиданно метнулись к выходу. Первый успел проскочить на террасу, второго свалил ударом приклада Сабо. За беглецом устремился Хренов. Навстречу ему грянул выстрел. Пуля угодила в потолок. Куски алебастра посыпались на лампу. Понадеявшись, видно, что она погаснет, дюжий парень в офицерской шинели рванул из рук Плеханова карабин. Но боец держал его крепко. Стволом он двинул в физиономию напавшего. Тот упал на пол.

Привели и беглеца. После того как он выстрелил, Хренов, зная, что за воротами его все равно поймают, не стал преследовать, только крикнул:

— Мальцев, хватай живьем!

Но красноармеец чуть было не ухлопал байского сынка. Его спасла чалма. Приклад скользнул по туго накрученному шелку и лишь содрал со лба лоскут кожи.

Мы тщательно обыскали комнату. В стенной нише обнаружили два хурджума[7] со взрывчаткой и бикфордовым шнуром. Под грудой одеял нашли две английские чугунные гранаты. У диверсантов — а что это были они, у нас теперь не оставалось сомнения — отобрали несколько револьверов.

Улик было более чем достаточно. Но Танкушич приказал продолжать поиски. Хотелось найти и того русского, что выходил на улицу. Обшарили все углы, заглянули даже в колодец — все безуспешно. Никто из арестованных не назвал имени человека в халате.

Только позднее, уже на допросе, выяснилось, что это был Роман Шведов, сын бывшего самаркандского полицмейстера, один из самых ярых контрреволюционеров, инициатор взрыва моста.

Все шесть захваченных были приговорены к расстрелу. 29 января 1919 года газета «Голос Самарканда» сообщила о приведении приговора в исполнение. Но этому поводу было много шума в городе. Вражеские элементы распустили слух,

будто большевики не пощадили «мальчиков». Умалчивали они только о том, что эти молодые прапорщики и великовозрастные гимназисты намеревались взорвать мост в тот самый момент, когда по нему пойдет эшелон с людьми. Падение состава в реку, как заявил один из этих «деток», должно было произвести «потрясающее впечатление» и послужить сигналом для вооруженного выступления в Самарканде. К счастью, замысел их потерпел крах.

Не удалась и осиповская авантюра в Ташкенте. Рабочие железнодорожных мастерских образовали революционный военный комитет для руководства борьбой с мятежниками. Правда, воспользовавшись тем, что многие большевики погибли, в этот орган пробрались эсеры. Но не они задавали тон. Душой организации были Д. И. Манжара, А. А. Казаков., П. И. Ильясов, С. З. Рубцов.

Вокруг ревкома объединились все верные Советской власти силы. В ночь на 21 января партийная дружина, отряд железнодорожников, подразделения 4-го стрелкового полка, гарнизон крепости, школа военных инструкторов, раненые и больные, красноармейцы и красногвардейцы, находившиеся на излечении в 159-м военном госпитале, и старогородские революционные национальные подразделения разгромили заговорщиков.

Осипов с группой головорезов, ограбив банк, попытался бежать в Семиречье к казакам. Под Чимкентом путь ему преградил отряд И. Ф. Селиверстова. Шайка Осипова была разбита окончательно. Только сам он с кучкой преданных ему офицеров удрал в Фергану, где пристал к басмаческой банде Мадаминбека.

Январские события 1919 года показали, что Советскую власть в Туркестане теперь уже не опрокинуть никому. Неизмеримо вырос авторитет Коммунистической партии, которая возглавила борьбу с врагами всех мастей, понесла наибольшие жертвы во имя свободы трудящихся. И напротив, резко упало влияние мелкобуржуазных соглашателей. Выяснилось, что их лидеры знали о подготовке мятежа. 16 января они созвали свой съезд, на котором обсудили вопрос о взятии власти.

Преждевременное выступление Осипова поставило левых эсеров в затруднительное положение. Надо было выбирать между откровенной белогвардейщиной и народом. Боязнь окончательно потерять влияние в массах удержала их от открытой поддержки контрреволюционеров. Но и это им не помогло. Трудящиеся еще раз убедились, что только большевики стоят на страже народных интересов.

Партия левых эсеров распалась. Наиболее здоровая ее часть вошла в Коммунистическую партию Туркестана.

4

Осипов не случайно подался в Ферганскую долину. Там начали активничать басмачи. Национальный антисоветский бандитизм усиленно разжигала британская агентура, опиравшаяся главным образом на местную феодальную знать и духовенство.

До середины 1918 года басмачи действовали разрозненно, мелкими группами. Между их главарями шла непрерывная грызня. Потом Иргаш, а за ним и Мадаминбек стали собирать крупные орды. С появлением в Фергане Осипова началась консолидация всех антисоветских сил.

В феврале 1919 года в Наманганском уезде многие шайки признали старшинство Мадаминбека.

Малочисленные войска Ферганского фронта не успевали отбивать бандитские налеты на города и поселки. Подошла помощь из других районов республики. Была создана Наманганская группа. Ядром ее стал прибывший 12 марта из Самарканда боевой отряд в составе батальона пехоты, двух конных сотен, двух четырехорудийных батарей, пулеметной и саперной команд. Возглавлял этот отряд В. С. Гуща.

В группе был образован Военный совет. Из самаркандцев в него вошли комиссар отряда Чечевичкин, артиллерист Петерсон, командир стрелковой роты Гладков и я, бывший тогда помощником командира 1-й конной сотни. Начали мы с разработки плана предстоящих действий.

Тактика басмачей в основном строилась на внезапности. Против их стремительных налетов малоэффективными оказались даже наши хлопковые «бронепоезда». Более успешно с шайками боролись конники, которые могли не только отразить наскок врага, но и преследовать его.

Один из конных разъездов во время стычки захватил двух пленных. Они показали, что Мадаминбек вместе с Осиповым находятся в кишлаке Чартак. Там сосредоточились крупные банды и готовятся нанести удар по Намангану. Мадаминбек знает, что в городе самаркандский отряд, но тем не менее рассчитывает на успех.

Правильность полученных сведений решено было проверить. 14 марта отряд в 220 штыков и сабель под началом Мосеса Мелькумова двинулся в направлении Чартака. Но не прошел этот отряд и пятнадцати верст, как его окружили мадаминбековцы. На выручку Мелькумову отправился Ф. М. Зазвонов с 150 бойцами. Басмачи на этот раз дрались на редкость упорно. Они вынудили

Мелькумова и Зазвонова вернуться в Наманган.

Шайки осмелели. Они охватили Наманган кольцом. Защитники Намангана подготовились к упорной обороне: забаррикадировали улицы, оборудовали артиллерийские и пулеметные позиции, укрыли вагоны с боеприпасами.

5

На станции Наманган тишина. В окрестных кишлаках лениво брешут собаки. В вагонах, утомленные беспрерывными стычками с врагом, крепко спят бойцы. Я лежу у открытой двери теплушки и любуюсь дивной картиной занимающейся зорьки. Вот зарозовел край неба. На крыши строений легли светлые блики. В садах загалдели пробудившиеся пичужки.

Через меня перешагнул Месарош, спрыгнул на платформу.

— Ты чего ни свет ни заря подхватился?

— Коня посмотрю. Вчера ногу засек...

Месарош зашагал к голове эшелона, но через несколько минут бегом вернулся обратно. Из его выкриков я смог разобрать только одно слово: «Янчи!»

Янчи — это Янош Ковач, наш трубач. Услышав голос товарища, он кубарем скатился с нар. И тотчас же предрассветную тишину разорвал тревожный сигнал.

Бойцы сотни бросились по своим местам. Я помчался к будке стрелочника. За мной, с «льюисом» на плече и брезентовой торбой в руке, тяжело топал пулеметчик Виктор Иоселевич. Спросил его:

— Почему один? Где Месарош?

— Не знаю.

— Давай сюда! — я показал на штабель шпал.

К станции неслась орда басмачей. Атакующие резко выделялись на светлом фоне.

Пулемет задрожал в руках Иоселевича. Почти одновременно подал голос и «льюис» слева. По «почерку» я узнал Сабо. Еще дальше залились «максимы» из пулеметной команды. Гулко ухнула пушка «бронепоезда». Подумалось: «Сейчас должны заговорить обе наши батареи». Но они почему-то не спешили сказать свое веское слово...

Между тем бандиты неудержимо неслись на наши позиции. Они лезли прямо на пулеметы и истошно орали: «Алла, алла! Ур!»[8]

Подступы к насыпи густо усеялись трупами. Сквозь плотную огневую завесу прорывались лишь небольшие группки. Их уничтожали ручными гранатами, выстрелами в упор из винтовок.

Вдруг крики и беспорядочная стрельба раздались в нашем тылу. Оставив за себя Танкушича, я побежал узнать, в чем дело. Не на артиллеристов ли беда навалилась? Может быть, потому и не слышно их.

Самые худшие предположения оправдались. Перебежав под

вагонами на другую сторону станционных путей, я увидел крупный отряд вражеской конницы, атаковавший огневые позиции батарей. Бойцы развернули орудия в сторону противника, но дать залп не успели и отбивались чем попало. Рослый командир батареи Янушевский в упор бил из револьвера. Член Военного совета группы Петерсон орудовал увесистым банником.

Я бросился к командиру сотни Заблоцкому:

— Спасай батареи!

Он дал мне взвод Танкушича и два отделения от Пархоменко.

Мы зашли басмачам во фланг. Наш удар оказался чувствительным. Они начали отходить.

Несколько залпов картечью вдогонку окончательно разметали всадников противника. Батарейцы развернули пушки в сторону вокзала. Бандиты уже успели просочиться туда.

Не помню, была ли какая команда, но бойцы наши разом поднялись в контратаку. Впереди всех несся мой старый школьный приятель Рахимбек Азимбеков. За ним, во главе своего взвода, — Шишкин. Слева — подразделения Танкушича, Чанчикова, Пархоменко, Сидорова и Скокова. Это была первая наша контратака в пешем строю.

Укрывшиеся за дувалом басмачи открыли пальбу. Как подкошенный рухнул Иван Хренов. Ролич, Рахимов и еще несколько человек метнули гранаты. Подоспел с пулеметом Федоров. Басмачей сбили с занятых позиций и погнали дальше...

Остаток дня прошел спокойно. Но с наступлением темноты противник снова совершил ряд наскоков. Все они были отбиты.

С рассветом бой возобновился. Наученные горьким опытом, мы убрали все, что могло помешать стрельбе, обеспечили некоторую свободу маневра «бронепоезду». Неприятелю так и не удалось прорваться сквозь наш огневой щит.

Мадаминбек отвел свои банды в окрестные кишлаки.

6

3 апреля один из наших «бронепоездов» получил задачу прикрыть ремонтно-восстановительные работы на железнодорожных путях. Верстах в восьми от Намангана он натолкнулся на сильное сопротивление басмачей. Гуща выслал на подмогу второй такой же поезд с ротой пехоты. Но и противник подтянул свежие силы. Тогда выступили весь самаркандский отряд и еще подразделение наманганцев. Совместными усилиями басмачей оттеснили к Чартаку.

Здесь опять произошла задержка. Взвод Пархоменко напоролся на хорошо подготовленную к обороне отдельную усадьбу.

Бой затих, только когда медно-красный солнечный диск провалился за горизонт. В саду при мечети возле походной кухни захлопотал Бела Фаркаш. В расположении противника загнусавили муэдзины.

Но утром 4-го числа все возобновилось снова. Бандиты опять поднялись в атаку. Их встретили орудийными и винтовочными залпами, пулеметными очередями. Хорошо организованный огонь нанес атакующим большой урон. Их натиск резко ослаб. Почувствовав это, В. С. Гуща ввел в действие конницу и приказал Заблоцкому, принявшему командование над обеими сотнями, не таиться по лощинам, не маскироваться.

— Пускай разбойники знают, что наша кавалерия заходит им в тыл, и настраиваются на отход, — пояснил Василий Степанович. — Окружить их и уничтожить мы все равно не сможем: сил маловато.

Мадаминбек выставил против Заблоцкого заслон. Но наши подразделения опрокинули его и ворвались в Чартак. Басмачи направились через линию железной дороги на Охча и Сары-Курган. Однако там их встретил кокандский отряд под командованием Д. Е. Коновалова и интернационалисты Э. Ф. Кужело.

Совместными усилиями нам удалось 12 апреля окружить банду Мадаминбека. Около пяти часов длился упорный бой. Басмачи потеряли более ста человек убитыми. Остальным удалось вырваться из кольца и уйти в горы.

Между главарями начались раздоры. Курбаши[9] Хал-Ходжа обвинял Мадаминбека в том, что он слепо доверился Осипову и пошел на рискованную операцию под Наманганом. Да и многие басмачи не доверяли Осипову, не без резона считая, что человек, изменивший одним, может предать и других.

Опасаясь за свою голову, Осипов решил бежать в Бухару. За ними увязался было разведывательный разъезд нашей сотни. Но на перевале Чаткал-Даван начавшийся буран заставил прекратить погоню.

Разведчики доставили в штаб отряда трех белогвардейцев, подобранных на тропе. Один из них, раненный в бедро офицер, показал на допросе, что путь Осипова лежит через высокогорную Матчинскую волость. Об этом мы телеграфировали в Самарканд. Туда же с первым эшелоном были направлены обе наши конные сотни. Однако мы запоздали...

Меня опять вызвали в Самаркандский обком партии. Новый председатель обкома Григорий Павлович Константинопольский вручил направление на учебу в Ташкентскую школу военных инструкторов.

Зеравшанские тропы

1

Учиться пришлось недолго. Поступил в апреле, а уже в сентябре 1919 года батальон «ленинских юнкеров» послали на Актюбинский фронт против колчаковцев.

В октябре вернулись в Ташкент. Выпуск школы состоялся в канун 2-й годовщины Великого Октября. Я получил назначение в Самарканд и стал командовать отдельной конной сотней. Той самой, в которой служил прежде.

Пока я учился, она побывала на Закаспийском фронте. В боях с белогвардейцами и английскими интервентами некоторые мои товарищи погибли. Часть бойцов перешла в разведку 1-го Туркестанского стрелкового полка.

В начале 1920 года сотня вошла в состав конного дивизиона Самаркандского особого пограничного полка и стала именоваться эскадроном.

16 февраля я со своим подразделением отправился в Пенджикент. Там мне подчинили команду разведчиков, и вместе с ней мы перешли в кишлак Иоры, расположенный у входа в Зеравшанское ущелье. Надо было ждать, пока в горах прекратятся снежные бураны, и исподволь готовиться к экспедиции в Матчинскую волость.

Матчинская волость, Ура-Тюбинского уезда, Самаркандской области, затерялась в горах по обе стороны реки Зеравшан. Эта малонаселенная и труднодоступная высокогорная местность стала прибежищем разного рода контрреволюционных элементов. Мелкие отряды матчинских басмачей все время совершали бандитские налеты на селения соседних уездов.

В начале 1920 года в Матчу бежал некий Саид Ахмед-ходжа. Одно время он был председателем исполкома Букса, Исфанейской волости, Ходжентского уезда. Однако трудящиеся разоблачили его как своего ярого врага. В Матче Саид-Ахмед-ходжа объявил себя беком. Новоявленный «бек» обосновался в Обурдоне и подчинил себе мелкие шайки. С помощью белогвардейцев он создал арсенал, мастерскую по ремонту оружия.

Вот это горное гнездо басмачей и предстояло ликвидировать.

В Матчу вели только узкие вьючные тропы. Причем одна из них — со стороны Пянджикента — была особенно труднопроходимой. Вилась она в узком Зеравшанском ущелье, то круто взбираясь по обрывистым склонам хребта, то обегая вниз до самой реки. Размытая дождями и разрушенная оползнями, тропка часто прерывалась. Чтобы восстановить ее, местные жители перекидывали через образовавшийся провал два-три

бревна, застилали их хворостом, присыпали землей и галькой. Получался искусственный карниз, или, как его здесь называют, овринг.

Немалое мужество требовалось от путника, чтобы пройти по такому сооружению. С одной стороны — отвесные каменные скалы, с которых в любой момент мог сорваться какой-нибудь тяжеловесный «сюрприз», с другой — пропасть.

Местные жители, с детства привыкшие к горному бездорожью, передвигались здесь без опаски. Но пришельцы чувствовали себя худо.

Мы имели в своем распоряжении примерно две недели для изучения начал альпинизма. Нашими инструкторами были бойцы-таджики и проводники Золотухин и Саттор.

Петр Золотухин, потомственный лесообъездчик, родился и вырос как раз в том районе, где нам предстояло действовать. Он отлично знал горы, язык и обычаи матчинцев, тактику местных шаек.

Саттора председатель волостного ревкома рекомендовал мне так:

— Это известный в наших краях охотник. Бедняк. Отец и брат его пострадали от басмачей. У самого Саттора они отобрали его единственное достояние — старое кремневое ружье, кормившее семью. Можете доверять ему во всем.

Золотухин и Саттор приняли живейшее участие в подготовке отряда к экспедиции. По их совету пулеметчики сменили тяжелые вьючные седла на легкие и стали перевозить «льюисы» в хурджумах. Мне и командирам взводов они порекомендовали пересесть на «туземных» лошадей, а своих, пока не привыкнут, держать заводными.

Они же учили нас ездить по оврингам и кручам, советовали, как предупреждать головокружение, показали, каким образом из жердей, ковров и веревок делать носилки для транспортировки раненых. Словом, проводники научили нас тому, чего не найти ни в каких наставлениях и без чего, как мы потом сами убедились, успешно воевать в горах нельзя.

Кишлак Иоры по числу дворов невелик. Он просторно раскинулся в долине реки. Пригодной для обработки земли здесь мало. Поля преимущественно искусственные. Где только возможно, жители сооружали на горных склонах крохотные террасы, подпирали их стенками из камня. Эти лоскутки покрывали тонким слоем почвы и возделывали на них ячмень, горох, просо. Вырастить и собрать урожай в таких условиях тоже не просто. Ливни нередко губили посевы, смывая их вместе с грунтом.

Бедны горные кишлаки и скотом. Хороших пастбищ мало. Население держало преимущественно коз, которые паслись на почти отвесных склонах, поросших редким кустарником.

Я был в затруднении. Выступать в поход, не обеспечив себя необходимыми запасами продовольствия и фуража, нельзя. Ведь не могли же мы объедать местное население, которое и без того едва сводило концы с концами. С другой стороны, большой вьючный транспорт, безусловно, свяжет нас, потребует многочисленной охраны. А силы у нас и без того невелики.

Пришлось съездить в Самарканд. Рассказал о затруднениях облвоенкому. Он посоветовал продукты и корм все-таки брать с собой и обещал помочь в охране вьюков. Пянджикентский отряд местной самообороны получил приказ расположиться небольшими гарнизонами в кишлаках по пути нашего следования. Кроме того, было мобилизовано около 150 человек для сопровождения грузов, эвакуации больных и раненых. Отобрав из дружины сорок человек, ранее участвовавших в стычках с басмачами, и усилив их частью бойцов, имевших опыт действий в горах, я сформировал группу «ездящих горных стрелков». Впоследствии ее стали называть полуэскадроном. Возглавил это подразделение Михаил Шишкин. В его задачу входило обходить противника с флангов, захватывать командные высоты.

Непогода в горах продолжалась до конца февраля. Наконец снегопады прекратились, ветер стих. Из Самарканда прибыл продовольственный транспорт. Вместе с ним приехал коммунист-агитатор Йожеф Секей. Самаркандский обком партии поручил ему выступить перед бойцами-венграми на их родном языке. Но поскольку все они к тому времени уже неплохо понимали по-русски, Секей согласился сделать доклад на русском языке для всего отряда.

Он рассказал о положении в Венгрии, где реакция задушила власть рабочих и крестьян. До сих пор мы знали об этом лишь по кратким газетным сообщениям. Секей же нарисовал полную картину разгула черных сил. Бойцы-интернационалисты приняли резолюцию. В ней они поклялись бороться до конца с мировой контрреволюцией, чтобы тем самым облегчить условия для нового подъема революционного движения у себя на родине.

2

Метеослужбы у нас не было, и мы полностью доверялись старожилам. А они утверждали, что в горах установилась хорошая пагода.

1 марта я выслал в Зеравшанское ущелье сильный разъезд. В его задачу входило добраться до кишлака Урмитан, провести разведку и находиться там до подхода эскадрона (я выступал с ним на другой день).

Сразу после Иоры тропа перескакивала на правый берег Зеравшана. Моста здесь не было. Река до начала таяния снегов немноговодна, но стремительное течение, неровное каменистое дно делали ее опасной для переправы. В этом месте нас ждали проводники. Укрывшись за скалой, они сушили у костра одежду.

Хотя наши разведчики прошли здесь совсем недавно, суйчи[10] решили еще раз проверить брод: капризный Зеравшан мог за сутки перекатить подводные камни. Когда стали въезжать в воду, многим стало не по себе. Река кипела, бурно пенилась, ворочала огромные камни и с грохотом влекла их по течению. Стоило задержать взгляд на ее поверхности, как начинало казаться, что брызги пляшут на месте, а ты стремительно несешься в обратную сторону. Видимо, то же чувствовали и животные. Кони тревожно вздрагивали, ступали неуверенно. Несмотря на все старания бойцов держать равнение, многих сносило с брода.

Я быстро оценил преимущества своей невзрачной местной лошаденки. Она уверенно преодолевала препятствие. Тем же, кто ехал на дородных строевых конях, приходилось туго. Несколько всадников снесло на глубину, и они оказались в ледяном потоке.

В общем же переправа прошла благополучно, если не считать происшествия с пулеметчиком Сабо. Желая помочь вьюковожатому Иоселевичу, он перехватил у него один повод. На середине реки жеребец под Сабо споткнулся, а лошадь с вьюком продолжала двигаться вперед и потянула за собой бойца. Сабо сполз с седла, течение подхватило его. Хорошо, что вовремя подоспел на помощь Федоров. При этом ему тоже пришлось искупаться.

Но мокрыми оказались почти все. Я вынужден был объявить привал. Хворосту на костер набрать не удалось. Бойцы разбились на пары и стали выкручивать обмундирование. А потом подсыхали на ветерке да на весеннем солнышке.

Пархоменко подшучивал над теми, кто побывал в купели. Сам он вышел из Зеравшана сухим. Помогли смекалка и ловкость.

На глубоком месте Пархоменко взгромоздился на задний вьюк и поэтому даже в сапоги не набрал.

В самый неподходящий момент, когда почти все бойцы приплясывали нагишом, наблюдатели доложили, что с гор к нам спускаются двое всадников. К счастью, оказалось, что это Габриш и Плеханов. Они привезли донесение от Танкушича. Начальник разъезда сообщал, что в Урмитане разведчики встретили шайку и вступили с ней в бой. Из кишлака выбили, потерь нет.

Первая удачная стычка с полусотней басмачей подняла у всех настроение. Нам было очень важно припугнуть мелкие группы неприятеля, отбить у них охоту попадаться на нашем пути. А путь до Обурдона — главной базы Саид-Ахмед-ходжи — долог и труден.

От переправы до Урмитана — верст сорок. Но горная верста стоит трех равнинных, а то и всех пяти. Мы не стали особенно торопиться, следуя известной поговорке: тише едешь, дальше будешь. Вначале шли пешком. Устали, зато согрелись. Потом сели на коней. Двигались осторожно. Там, где тропа расширялась, останавливались, поправляли вьюки, осматривали лошадей. Нельзя было допустить потертостей спин и холок. Заводных коней было мало.

В Урмитан добрались лишь к утру. Расположились на дневку. Комиссар Иосиф Эльбурих собрал коммунистов, поставил перед ними задачи, призвал показывать личный пример.

Остановку использовали также для очередного урока по скалолазанию. Всем отрядом совершили восхождение на вершину, куда разведчики Танкушича забирались с пулеметом, чтобы выбить басмачей из кишлака.

3

Чем выше уводила нас тропа, тем суровее становилась природа. Дожди перемежались снегопадами. К вечеру обычно подмораживало, и тропу покрывал ледяной панцирь. Каждый шаг грозил смертельной опасностью. В разреженном воздухе трудно было дышать. У многих началась горная болезнь — тутек.

Не легче приходилось и в погожие дни. Яркое солнце, отраженное снегами, слепило глаза. Наворачивались слезы, пухли веки.

Кое-кто захватил из Самарканда синие очки. Но таких единицы. Они шли впереди, выбирали дорогу, а уж за ними, повязав глаза темными лоскутами, тянулись остальные.

В одном из селений Месарошу попалась в руки чадра. Он, дурачась, напялил ее на голову. Плотная волосяная сетка, как закопченное стекло, закрыла доступ свету. Смекалистый венгр тут же разодрал чадру на полоски и принес мне.

— Вот. Можно на солнце смотреть.

— А ведь верно, — поддержал Месароша комиссар. — Помнится мне, что Пржевальский, описывая путешествие в горах Цайдама, утверждал, будто туземное население защищает глаза от блеска снегов прядью черных волос из хвоста яка...

Красноармейцы собрали около тридцати старых чадр. Эскадронный фельдшер Глышкин изрезал их и раздал бойцам. Поначалу волосяные «очки» вызывали смех. Но скоро все убедились в их эффективности: глазные болезни прекратились.

Нашли средство и для защиты зрения лошадей. Им сделали кожаные щитки-наглазники. Темп марша сразу ускорился. Кажется, на десятые сутки мы вышли к Захматабаду. По местным масштабам это довольно крупный населенный пункт. Расположен он у слияния рек Матчи и Фан-Дарьи, образующих Зеравшан. Здесь скрещиваются вьючные пути: Пенджикент — Рарз — Матча и Ура-Тюбе — перевал Шахристан — перевал Анзоб — Душанбе.

По плану операции в Захматабаде нам предстояло встретиться с отрядом, который действовал со стороны Ура-Тюбе. Совместно с ним мы должны были оттеснить басмачей к ледникам восточнее Матчи. Но, вопреки ожиданиям, в Захматабаде наших не оказалось. Хуже того, там засела довольно сильная банда, которую пришлось выбивать.

Из опроса местного населения удалось узнать, что уратюбинцы дошли только до Шахристана. В феврале они пытались овладеть перевалом. Но басмачи сталкивали на тропу огромные камни, осыпали их сверху градом пуль. Снежные

лавины сбивали людей и коней с узких карнизов. А тут еще начались бураны... Отряд вернулся в кишлак.

Первоначальный план операции рухнул. Что было делать? Продолжать движение в Матчу? Но басмачи в любое время могли беспрепятственно уйти из-под удара.

Вместе с комиссаром написали донесение о положении отряда и отправили в Пенджикент. А пока суд да дело, выслали разведывательные разъезды вверх по Зеравшанскому ущелью и по тропам в сторону Шахристанского и Анзобского перевалов.

4

Не хотелось ввязываться в крупные стычки, но пришлось. Танкушич доложил, что в Рарзе он встретил противника. Если подоспеет отряд, можно уничтожить крупную шайку.

Я поднял бойцов по тревоге.

Вечерело. Солнце уже скрылось, во вершины гор еще купались в розовом свете.

На небе показались первые звезды. Быстро сгустившийся туман задернул их плотной пеленой. Смолкли шутки. Люди были поглощены лишь одним: как бы в этой кромешной тьме не свалиться. Внизу в мрачной бездне клокотала река. Лошади ступали осторожно, жались к отвесному склону. Случалось, под их копытами край тропы обваливался и в пропасть с шумом летели камни.

Этим путем уже прошел до нас взвод Танкушича. Он двигался днем и все же потерял одного бойца. Красноармеец Петрушкевич, доставивший донесение, рассказал, как это произошло.

В голове разъезда ехал седобородый таджик. За ним — Танкушич, на такой же, как у проводника, неказистой местной лошаденке. Дальше гуськом — все остальные.

На одной из нешироких площадок Танкушич остановил подразделение передохнуть после затяжного подъема. Когда тронулись дальше, между проводником и командиром случайно втиснулся боец Дёри. Его крупная нервная кобыла шла неспокойно, рывками. Узкая ленточка дороги не позволяла Дёри вернуться на свое место в строю.

Когда впереди показался искусственный карниз, проводник обернулся и попросил переводчика Рахимова предупредить всех: пока передний всадник не преодолеет овринг, едущий сзади не должен на него вступать. Судя по тому, что старик, перед тем как двинуться дальше, молитвенно простер руки, место это было очень опасным.

Таджик благополучно преодолел зыбкое сооружение. За ним последовал Дёри. Но первый же шаг его лошади оказался и последним. Почувствовав, что настил непрочен, кобыла вздыбилась и, рванувшись в сторону, вместе с всадником рухнула вниз.

Колонна оцепенела. Потрясенный Танкушич взял себя в руки и спокойно сказал:

— Без паники, товарищи! Дёри сам виноват в своей гибели, он тронул повод. Не мешайте коням, отпустите поводья. Вот так...

Шандор уверенно въехал на коварный мосток. Тот прогнулся,

но выдержал. Потом то же проделал Рахимов. Сковавший людей страх уступил место расчетливой решимости. Переправа прошла нормально.

После Танкушич признался, что умышленно обвинил Дёри в собственной гибели. Бойца, конечно, подвела лошадь. Но в тот момент надо было сказать так. Красноармейцы не должны были сомневаться в своих конях. Шандор позаботился об укреплении овринга, договорился со старостой кишлака, и тот выделил для этого несколько человек. Они уложили на мостки новые бревна, наносили хворосту, земли, гальки.

В наступившей темноте двигаться было еще трудней.

— Спросите у проводника, сколько осталось до Рарза, — попросил я ехавшего за мной переводчика Джабарова.

Через минуту тот доложил:

— Говорит, верст пять.

— А что он так вздыхает? Или версты длиннее обычных?

Джабаров переговорил с проводником. Старого таджика беспокоил предстоящий опасный спуск в долину. Он предлагал спешиться, а то на осыпи лошадь может не удержаться.

— Этого еще не хватало, — заворчал где-то сзади Пархоменко. — Понесла нас нелегкая на ночь глядя.

— Разговорчики! — оборвал я его.

— Виноват, — букнул Пархоменко.

Перед крутым склоном сошли с коней, чуточку передохнули, проверили седловку. Не спеша тронулись дальше. Чем ниже спускались, тем отвеснее становилась ниточка дороги и все громче шуршала уходившая из-под ног почва. Вдруг я почувствовал, что сползаю вниз. Поток мелкой гальки подхватил меня. Я упал на спину и словно скатился с ледяной горки. Многие таким же образом проделали путь почти до самой реки. Обошлись без потерь.

У входа в ущелье, где укрылся взвод Танкушича, нас встретил «маяк». Разведчик проводил меня к командиру. Тот подробно рассказал о противнике.

Не теряя времени, решили провести командирскую рекогносцировку.

Светало. Туман оседал. Ветер гнал его вниз по теснине. Невидимое пока солнце четко прорисовывало зубчатый силуэт гор. По голубому небу лениво плыли живописные клочья розовых облаков. По ту сторону реки, на одной высоте с нами, парил орел.

— Ай да мы! — залюбовавшись гордой и сильной птицей, воскликнул красноармеец Ловягин. — До орлиных гнезд добрались!

— Тут, братец, не только орлиные гнезда, а и басмаческие.

Так что гляди в оба, — заметил начальник команды разведчиков Зарайский.

В бинокль хорошо просматривались позиции неприятеля. Они проходили перед кишлаком Рарз по склону Зеравшанского хребта, господствовали над местностью и позволяли не только эффективно использовать всю мощь ружейного огня, но и сбрасывать на атакующих камни.

Стали думать, как перехитрить врага. Решили пустить в обход полуэскадрон Михаила Шишкина. Усилили его пулеметными расчетами Федорова и Сабо. В проводники дали Саттора.

На всякий случай я спросил таджика:

— Знаешь ли эти места в стороне от главной тропы?

— Охотился тут на архаров. Проведу...

Полуэскадрон ушел. Главные силы отряда выдвинулись на исходный для наступления рубеж. Напряженно ждали сигнала Шишкина, а его все не было. Наконец предутреннюю тишину нарушила длинная пулеметная очередь. Эхо многократно повторило ее. Мы поднялись в атаку. Часто захлопали винтовочные выстрелы. Затараторили наши «льюисы». Басмачи ответили. Потом словно пророкотал гром, и над тропой, что вела к селению, поднялась туча пыли. Это неприятель раньше времени сбросил приготовленные для нас груды камней.

Под прикрытием образовавшейся непроницаемой завесы эскадрон ворвался на высоты. Бой длился недолго. Бандитские шайки побежали. С тыла по ним били засевшие в скалах наши пулеметчики. Отряд сел на коней и начал преследовать отходящих.

Далеко за кишлаком соединились с полуэскадроном Шишкина.

Басмачи понесли большие потери. Нами были захвачены пленные. У одного при обыске обнаружили листок, исписанный мелкой арабской вязью. Письмо было скреплено круглой печатью.

Когда его прочли, выяснилось, что это донесение курбаши Холбуты матчинскому беку Саид-Ахмет-ходже. Холбута докладывал, что он надежно закрепился на Шахристанском перевале, и просил бека проинформировать об обстановке в Зеравшанском ущелье. Судя, по всему, Холбута не знал о том, что наш отряд уже занял Захматабад.

И тут нас догнало распоряжение облвоенкома. Оно обязывало меня закрепиться в Захматабаде, команду конных разведчиков вернуть в Самарканд, гарнизоны, оставленные в кишлаках, снять и людей распустить по домам.

Что ж, приказ есть приказ. С конной разведкой отправили

больных и раненых. Тепло простились с дружинниками. В Зеравшанском ущелье остался лишь один наш эскадрон.

Теперь было не до наступательных действий. Сами перешли к обороне.

Через некоторое время — новый приказ: возвратиться и нам в Самарканд, чтобы выступить на охрану государственной границы. Приказ сопровождался кратким разъяснением обстановки. Оказывается, опять обострились отношения с эмирской Бухарой, участились провокационные налеты сарбазов и басмачей на пограничные посты...

Из Зеравшанского ущелья мы выходили с боями. Нас обстреливали из засад, обрушивали на наши головы сверху лавины камней. Но и наши бойцы уже научились кое-чему: мелкими группами обходили вражеские заслоны и сбивали их, расчищая путь основным силам.

Наконец горы остались позади. Экспедиция закончилась. Она, на мой взгляд, была не совсем своевременной. В 1920 году Советский Туркестан имел фронты поважнее и потому не мог выделить достаточных сил для борьбы с матчинским бекством. Но тем не менее поход в горы сыграл и положительную роль. Басмачи убедились, что в любом, даже самом неприступном, убежище Красная Армия сможет до них добраться. Не случайно они были так осторожны, когда развернулись боевые операции против войск эмира бухарского летом того же года.

А с матчинским разбойным гнездом было покончено лишь в 1923 году. Сильная, хорошо оснащенная экспедиция под командованием начдива С. М. Швецова успешно осуществила то, что пытались сделать мы.

На помощь восставшим

1

Лето 1920 года ознаменовалось целой серией наших побед. В Закаспии были разгромлены войска белогвардейцев и английских интервентов. В Семиречье потерпели поражение банды атаманов Дутова и Анненкова, генералов Бакича и Щербакова. Главарь ферганских басмачей Мадаминбек капитулировал и подписал соглашение с начальником 2-й стрелковой Туркестанской дивизии Н. А. Веревкиным-Рахальским. По этому соглашению все мадаминбековцы переходили на сторону Советской власти.

Такой оборот не устраивал, конечно, английских колонизаторов. Их агентура стала подстрекать Курширмата — одного из крупных курбашей — к нарушению соглашения и возобновлению активных антисоветских действий. Мадаминбек был убит. Курширмат объединил под своим командованием около 30 тысяч вооруженных всадников. «Мусульманская армия», как теперь именовали себя басмачи, готовилась к нападению на важные административные центры Ферганской области.

Усилилась угроза удара и со стороны эмира бухарского. Это вынуждало правительство Советского Туркестана сосредоточить в Самаркандской области большое число войск.

Правда, теперь обстановка в Бухарском ханстве существенно отличалась от той, что была во время Колесовского похода. Вопреки стараниям феодальной знати и духовенства, правда о Советской власти проникала в народные массы. Еще в сентябре 1918 года в Бухаре образовалась Коммунистическая партия. Теперь в ее рядах насчитывалось уже около 5 тысяч человек. Следуя ленинским указаниям, она вступила в блок с младобухарцами, выступавшими против деспотической власти эмира, за ликвидацию феодализма. В ханстве зрела народная революция.

Для удушения ее международный империализм не брезговал никакими средствами. Мы, пограничники, убеждались в этом повседневно. Еще в январе 1920 года нами был схвачен при переходе границы белогвардейский офицер. Он вез от англичан письмо эмиру, в котором содержалось требование ускорить военные приготовления. А в марте 3-й погранэскадрон, несший охрану участка на персидской границе, задержал караван с британским оружием.

Из других источников было известно, что Алимхан реорганизовал свою армию, увеличил ее численно, переоснастил. По оценке штаба Туркестанского фронта, она имела 8745 штыков и 7580 сабель, располагала 12 пулеметами и 23 легкими

орудиями. Кроме того, свыше 27 000 штыков и сабель при 32 орудиях устаревших образцов насчитывали войска беков.

Этим силам Советский Туркестан мог противопоставить в то время только 6–7 тысяч штыков и 2,5 тысячи сабель, 32 легких и 5 тяжелых орудий, 8 бронеавтомобилей, 5 бронепоездов, 11 самолетов. Правда, были еще наши войска в Фергане и в северовосточных районах Семиреченской области. Но их пока нельзя было трогать оттуда.

Эмир повел себя вызывающе. Советским гражданам, проживавшим на территории ханства, запрещалось выходить за городскую черту. Дехканам не разрешалось привозить в русские поселения продукты. Были запружены арыки, подающие туда воду.

В ответ на это Реввоенсовет Туркестанского фронта, возглавляемый М. В. Фрунзе, предписал командиру 2-й отдельной Туркестанской стрелковой бригады Д. Е. Коновалову сформировать Самаркандско-Бухарскую группу войск.

16–18 августа в Чарджуе состоялся IV съезд Бухарской компартии. Делегаты съезда постановили создать боевые дружины в Новой Бухаре, Термезе, Керки, Катта-Кургане. Общая численность этих национальных революционных отрядов должна была составить около 5000 человек.

2

Утром 28 августа вместо привычного сигнала «седловка» труба пропела «сбор начальников». Минувшим вечером в Катта-Курган съехались на очередные занятия все командиры и политруки эскадронов. Народу в помещение штаба набилось битком.

Я только что приступил к исполнению обязанностей помощника командира дивизиона. Командиром же одним со мной приказом был назначен Сергей Викторович Крыжин.

Доложил ему, что люди собраны.

— Хорошо... Только я уже не тот, за кого ты меня принимаешь, — улыбнулся Крыжин и протянул мне какой-то листок. — На, читай...

Я пробежал глазами по строчкам — и все стало ясно. Сергей Викторович Крыжин назначался начальником полевого штаба Катта-Курганской группы, а я — командиром 1-го дивизиона 2-го Интернационального кавалерийского полка.

— Вот так-то, брат! За два дня два повышения, — сказал Крыжин. — Ну, пошли, объявим людям еще один интересный документ, подписанный Реввоенсоветом Туркестанского фронта.

Из этого документа все мы узнали, что в Бухарском ханстве народ поднялся на вооруженную борьбу с правительством эмира и беков и Красная Армия должна прийти на помощь восставшим. В помещении, заполненном командирами и политработниками, прокатился одобрительный гул. Выждав, пока он утихнет, Крыжин перешел к чтению приказов о назначениях и перемещениях. Потом сообщил, что в состав вновь созданного катта-курганского соединения вошли: Отдельная интернациональная кавалерийская бригада, 7-й Отдельный пограничный кавалерийский дивизион, две маршевые роты Интернационального батальона, отряд бухарских революционных войск под командованием Булатова, отдельная катта-курганская караульная рота и два бронепоезда.

— А командовать всей группой будет Эрнест Францевич Кужело, — закончил Крыжин.

С Кужело я уже встречался, когда был членом Военного совета Намаганской группы войск. По национальности он чех. Служил в австро-венгерской армии. Попал в плен. С первых же дней революции принял в ней активное участие, вступил в Коммунистическую партию.

На период предстоящих действий из конных частей и подразделений были созданы два сводных отряда. В один из них

вошли бухарцы Булатова, 1-й Интернациональный кавалерийский полк и 2-й дивизион 2-го Интернационального кавполка имени Карла Либкнехта. Возглавил этот отряд Павел Иванович Сокольский, ранее командовавший Особым Самаркандским погранполком. Ядром другого отряда стал дивизион, в командование которым я только что вступил. Мне подчинили 1-й и 2-й эскадроны пограничного дивизиона, батарею бригады и катта-курганскую караульную роту.

Два бронепоезда, две маршевые интернациональные роты и 3-й погранэскадрон оставались в резерве Э. Ф. Кужело.

Все командиры выехали с Крыжиным на рекогносцировку. Места эти нам были хорошо знакомы, и он уделил больше внимания ознакомлению нас с замыслом командующего на разгром войск приграничного Хатырчинского бекства. Крепость Хатырчи предполагалось обойти с севера, отрезать находящийся там гарнизон от главных сил эмира и затем уничтожить.

В дальнейшем план этот претерпел существенные изменения. Командующий Самаркандско-Бухарской группой Дмитрий Ефимович Коновалов счел, что глубокий обход по ровной и пустынной местности скрыть от противника практически невозможно, поэтому приказал подойти к Хатырчи, используя прямой и короткий путь по тугаям и болотам, внезапно атаковать части бека, расположенные перед городом, и на их плечах ворваться в Хатырчи.

Но рекогносцировка не была бесполезной. Для меня в особенности. Я впервые познакомился там с командирами и политработниками подразделений, входивших в мой отряд.

Как только Крыжин отпустил нас, ко мне подошел высокий симпатичный шатен. Представился:

— Помощник командира Второго Интернационального кавалерийского полка Береш.

Я назвал себя. Последовало крепкое рукопожатие. Береш предложил пройти в тутовую рощу, где собрался начальствующий состав 1-го дивизиона и двух пограничных эскадронов.

Нас встретил широкоплечий венгр с пышными, закрученными кверху усами. Сверкнув большими карими глазами, он лихо отрапортовал:

— Командиры и политработники сводного кавалерийского отряда в сборе.

— Это товарищ Валлах, командир первого эскадрона, — представил его Береш. Затем он познакомил меня с высоким пожилым мужчиной, что стоял на правом фланге шеренги:

— Товарищ Биску, военком первого эскадрона.

— Почему военком?

— Понимаю ваше удивление, — улыбнулся Береш. — У вас в эскадронах политруки. У нас же пока все по-старому. В Фергане подразделения бригады были разбросаны по кишлакам, действовали самостоятельно, и потому там оставили комиссаров. Сейчас положение изменилось, но политработников по привычке называют комиссарами. Скоро все встанет на свое место.

Мы подошли к пограничникам. Теперь уже я стал знакомить Яноша Береша с ними. Потом пригласил его присесть под сень густой шелковицы. Заметив, что Валлах как-то сердито смотрит в мою сторону, спросил Береша:

— Вам не кажется, что командир первого эскадрона чем-то недоволен? Уж не тем ли, что командир отряда назначен не из вашей бригады?

— Да нет же! Валлах, как и все мы, понимает, что так надо. Вы, пограничники, лучше нас знаете врага и обстановку. К тому же лично вы окончили командные курсы, имеете боевой опыт. А хмурый вид товарища Валлаха пусть вас не смущает. Он всегда такой, хотя в действительности душевнейший человек и очень храбр. Вы сами скоро убедитесь в этом.

О себе Янош Береш рассказал очень кратко. Родился в 1894 году в Лемберге (ныне Львов). Окончил военную школу. На русском фронте был недолго: в 1915 году попал в плен и находился в ташкентском лагере. Перед революцией был переведен в Фергану.

Там в начале 1918 года добровольно вступил в отряд Э. Ф. Кужело.

Забегая вперед, скажу: Янош Береш в течение всей гражданской войны беззаветно сражался с врагами революции; сначала в Средней Азии, потом на Южном фронте, затем опять в Туркестане, пока не было полностью ликвидировано басмачество. После увольнения из Красной Армии преподавал военное дело в школах. Сейчас — на пенсии. Он один из немногих оставшихся в живых ветеранов Отдельной интернациональной кавалерийской бригады.

...Среди участников рекогносцировки я встретил и Карла Боца. Он прибыл из Самарканда во главе группы политработников проверить, как в частях идет подготовка к операции. Прекрасный оратор, Карл Боц своим выступлением перед политсоставом бригады показал, как нужно вести разъяснительную работу среди бойцов.

3

После обеда вернулись в Катта-Курган. Я собрал весь состав отряда и объявил приказ командующего Туркестанским фронтом. Накоротке провели митинг. Рудольф Сабо (однофамилец пулеметчика Сабо), назначенный на время операции комиссаром нашего сводного отряда, ознакомил бойцов с военно-политической обстановкой, призвал их с честью исполнить интернациональный долг перед бухарскими братьями по классу.

Прозвучал сигнал «сбор», и отряд выступил в поход. Первую остановку мы должны были сделать в кишлаке Пейшамбе, расположенном неподалеку от бухарской границы.

Август 1920 года даже для этих жарких мест выдался необычайно сухим и знойным. В долине Зеравшана, правда, ночи уже стали прохладными. Но днем нещадно палило.

Двигались в колонне по шести. В паузах между песнями звучали трубы венгерских эскадронов. Население высыпало на улицы. Подковы дробно цокали по булыжной мостовой. Легкий ветерок колыхал алое полотнище знамени, трепал пестрые эскадронные флаг-значки.

На обочине дороги, прижав сынишку к груди, стояла Ольга Танкушич. Муж увидел ее, выехал из строя, спешился. Ольга опустила малыша на землю. Танкушич присел на корточки, обнял сынишку. Я тоже придержал коня, чтобы проститься с близкими боевого товарища.

— Будь умницей, — ласково наставлял мальчика Шандор, — слушайся маму и бабушку. Я скоро вернусь, привезу тебе бухарскую саблю.

Выпрямился, обнял жену. Потом резко повернулся, вскочил на коня и, не оглядываясь, поскакал вперед.

Как только голова колонны вырвалась из лабиринта узких улочек старого города, знамя, чтоб не пылилось, убрали в чехол, флаг-значки накрутили на пики. Умолкли уставшие трубачи. Но певуны не сдавались. В каждом подразделении были свои любимые песни. В 1-м эскадроне пограничников предпочитали русские народные, революционные и старые солдатские. Во 2-м преобладали украинские. Там тон задавал Пархоменко. Сам хороший певец, он организовал большой и дружный хор. Мадьяры, естественно, любили свои мелодии, то грустные народные, то бравурные военные.

Пыль и духота все же угомонили и песенников. На полевой дороге отряд перестроился по три, и колонна стала еще длиннее.

В голове ее, чуть позади меня, ехали Танкушич и политрук

его эскадрона Андрюшин. Это были добрые друзья. Они все время оживленно беседовали.

Перед закатом солнца впереди показался кишлак Пейшамбе. На дорогу ложились длинные тени тополей. Жара опадала. Но пыль, поднятая копытами коней, по-прежнему висела в воздухе. Густой туманной завесой она скрыла от нас красоты Зеравшанской долины.

Головной эскадрон убавил шаг. Колонна неторопливо влилась в кишлачную улицу, вдоль которой тек широкий арык.

Была пятница — у мусульман праздник. Через раскрытые настежь ворота во многих дворах виднелись принарядившиеся мужчины.

Женщины хлопотали у очагов. Иные, прикрыв лицо полою халата или краем платка, выходили с кувшинами к арыку. Как всегда, сбегались поглазеть на красноармейцев черномазые ребятишки. Бойко торговали на базарной улице шумные чайханы. Даже в этих своеобразных клубах ничего, видно, не знали о предстоящих событиях.

— Аксакал Джурабек, салям! — приветствовал председателя волостного исполкома Танкушич.

Степенный старик вежливо поклонился. Он хорошо знал Танкушича. Когда тот служил на заставе, Джурабек часто сам привозил туда продовольствие и фураж.

— Товарищ Гудков! — подозвал Танкушич одного из младших командиров, который хорошо знал местное наречие. — Скажи аксакалу, пусть завтра утром зайдет в штаб. Надо договориться о фуражировке.

Я понял Танкушича и шепнул Сабо:

— Хитер молодой комэск. До ночи все ближайшие кишлаки будут знать об этом распоряжении. Раз нужен фураж, значит, отряд задержится не меньше чем на сутки.

— То хорошо. Маскировка. Кишлак пограничный, наверняка шпионы есть.

— Чего-чего, а этого добра тут хватает, — согласился я с комиссаром.

4

После короткого привала, как только стемнело и жизнь в кишлаке замерла, отряд выступил из Пейшамбе. Путь наш лежал в Хатырчи. Одновременно с нами, но левее двигался на Мир-Базар отряд П. И. Сокольскогр.

К рассвету подошли к Хатырчинским болотам. Из низины потянуло гнилой сыростью. Доставать притороченные к седлам шинели никому не хотелось, и люди, чтобы согреться, часто спешивались. Но даже быстрый шаг не всегда помогал.

— Ну и край, провались он в тартарары, — зябко потирая руки, ворчал Пархоменко. — Днем как в пекле, а ночью зуб на зуб не попадает.

— Вот и славно, спать в седле не будешь, — подковырнул Федоров. — Что до меня, братцы, то я люблю разнообразие в климате.

— Тоже мне... Вот дорвусь до бухарцев — ох и погреюсь!

— Ты что же всех их в одну кучу валишь! — прервал взводного его помощник Дедец. — Политрук что говорил на собрании ячейки? С мирным населением да и с пленными сарбазами нужно обращаться хорошо.

— Это я и без тебя знаю.

— Да не серчай ты, — примирительно гудел Дедец. — Не беда, коль в разговоре ошибся. Худо, если во время боя...

Голова колонны остановилась. Из темноты вынырнул всадник, спросил:

— Где командир отряда?

Я отозвался.

— Проводников нашли, товарищ командир. Кравченко собрал их на окраине кишлака Каракуль.

Это была приятная весть. Нелегко среди ночи подыскать надежных людей, которые могли бы провести отряд через болота и тугаи.

Приказав сделать малый привал, я с командирами эскадронов поспешил в Каракуль.

Знающих местность было пятеро. Среди них выделялись длиннобородый старик и высоченный парень. Как доложил Кравченко, это были отец и сын, они не раз помогали пограничникам ловить контрабандистов. По их рекомендации Кравченко взял и трех других проводников.

Старик немного знал русский. Поняв, что речь идет о нем, вмешался в разговор:

— Я с младший сын, старухом и внучка живем тут. Два

старший сын — на бухарский земля. Чека приехал, моя ругал: «Твоя два сына бухарский человек, наша враг». Там бек сыновья комча бил, кричал: «Ваша отец вор, большевик». Что будем делать? Куда надо ходить?

Признаться, я не понял, на что, собственно, сетует старик. Кравченко пояснил, что раньше здесь никакой границы не знали. Пастухи пасли байские стада и на бухарской, и на теперешней нашей стороне. Когда же границу закрыли, часть семьи нашего проводника осталась на эмирской земле.

— Что же, и теперь тебя обижают? — спросил я старика.

— Командир Крапчинка сказал Чека: моя хороший человек. Он рибком сказал: моя помогай надо. Рибком мине земля, кибитка, бык давал.

— Вот видишь, какая Советская власть. Ревком тебе помогает. А скоро еще лучше будет, всю семью соберешь вместе. Мы идем на эмира. Разобьем его, и будет на бухарской земле народная власть. Границы снова не станет. Хочешь, живи здесь, хочешь, переселяйся к сыновьям.

Старик внимательно слушал, согласно покачивая головой. Но когда до него наконец дошел смысл сказанного, начал испуганно причитать:

— Ой, война!.. Бек моя сыновья убьет!..

Когда он немного успокоился, я сказал, что судьба сыновей сейчас зависит от самого отца. Бек еще ничего не знает. И если старик выведет наш отряд по тайным тропам к его крепости, то бек и удрать не успеет.

Проводники одобрительно закивали и сразу же стали собираться в дорогу.

Свернув на боковую тропу, мы попали в густые заросли тугая. Под ногами коней захлюпала болотная жижа. Колючие ветки цеплялись за одежду, больно царапали лицо и руки. Бойцы молча сносили все. Наконец кусты стали ниже и реже. Зато ноги коней вязли все глубже. Мы преодолевали наиболее опасную часть Хатырчинских болот.

Но вот наконец выбрались на твердую почву. Оставив за себя Валлаха, я с боевым разъездом выскочил вперед. Дорогу показывал старик. Сын его должен был провести остальных по нашим следам.

Солнце еще не встало, но обильная утренняя роса уже сверкала в траве, на листве придорожных кустов и деревьев. Напитанная влагой пыль слабо клубилась под копытами. Тропа пролегала по водоразделу рек Ак-Дарьи и Кара-Дарьи. Она вела прямо к Хатырчи.

По ней и двинулись.

5

Хатырчинский бек, как правитель пограничной области, давно получил из Старой Бухары приказ быть готовым к войне с Советами. В середине августа к нему специально приезжал мулла Кутбеддин, духовный наставник и доверенное лицо эмира. Мулла призвал горожан и сарбазов дать отпор «неверным», если они подойдут к крепости.

Бек заблаговременно вывел свои войска из цитадели и расположил в пригороде. Были усилены пограничные заставы. И все же они просмотрели нас.

Патрулировавшие вдоль границы сарбазы, несомненно, слышали топот сотен конских копыт и скрип арб на противоположном берегу Зеравшана, но не придали этому значения. За последнее время советские войска довольно часто передвигались с места на место. Да и не верил враг, что мы сможем скрытно переправиться через реку. Зеравшан здесь широк, быстр и довольно глубок. Преодолеть его ночью без опытных проводников практически невозможно. Суйчи же давно покинули прибрежные кишлаки: в 1919 году граница была закрыта, и они, лишившись постоянного заработка, переселились в другие места.

В городе еще не почувствовали опасности. Со всех сторон к рыночной площади стекались дехкане и ремесленники. Они ехали верхом и на арбах, чинно восседали на верблюдах, погоняли навьюченных ишаков. В узких и кривых улочках возникали заторы. Это вызывало такой галдеж, что было слышно даже на нашем берегу.

Раздвинув прибрежный кустарник, я наблюдал. Восточный базар — вернейший барометр политической погоды. Если в воздухе запахнет порохом, торговля, по существу, прекращается. Купцы рисковать не любят. Пока же все шло своим чередом. Звонко стучали молотки в кузнечном ряду. Над чайханами курился дымок. Густел поток людей с товарами.

Слева сухо щелкнули выстрелы. Но они не привлекли внимания толпы и утонули в ее разноголосице. Даже сарбазы, слонявшиеся вдоль крепостных стен, как будто ничего не слышали. Мне оставалось удивляться беспечности противника. Только бы не обнаружили себя раньше времени главные силы отряда. Им пора было уже подойти.

Я выслал навстречу Валлаху своего адъютанта Ивана Агаркова с группой бойцов и проводников. Агарков должен был показать место, где можно укрыть в зарослях красноармейцев и

их коней.

Вскоре позади захлюпала грязь, зашуршали ветки, и на полянку вышел Андрей Ярошенко. За ним гуськом — командиры.

— Что за «салют» был с полчаса назад? — поинтересовался я.

— Разведка наткнулась на охранение, — доложил Танкушич. — Пока рубили, сарбазы отстреливались.

Я поставил командирам задачи:

— Сами видите, враг нас не ждет. Свалимся как снег на голову. Шишкин, вы ударите слева в направлении кладбища. Оно за базаром. Когда ворветесь через Южные ворота в город, одним полуэскадроном отрежьте противнику пути отхода на Зиадин, остальные силы бросьте на дворец бека... Следующим переправляется мадьярский дивизион, атакует противника перед Восточными воротами и тоже врывается в город. Направление — на купол мечети. Река тут коварна. Поэтому переправу начнет боевой разъезд под командованием Гудкова. Он знает место брода... Вам, Гудков, по задворкам караван-сараев и чайхан проскочить к Восточным воротам и захватить их. А вам, товарищ Валлах, надо вовремя помочь Гудкову, иначе он ворот не удержит... Батарее — нанести удар по обороняющимся перед крепостью, затем перенести огонь на стены возле Восточных ворот. По самим воротам не бить: там своих задеть можно...

Гудков недаром всю весну и лето провел на погранзаставе под Хатырчи, изучая тайные тропы бухарских контрабандистов, лазутчиков и диверсантов. Как свой пять пальцев знал он и здешнюю местность. Когда громыхнула артиллерия, его разъезд сразу же устремился к реке. Кони быстро проскочили брод, переплыли глубокое место и снова выскочили на мелководье.

Столь же стремительно форсировали Зеравшан и пограничные эскадроны. Внезапное появление красноармейцев и огонь артиллерии вызвали в неприятельском стане панику. По задворкам Гудков сумел беспрепятственно проскочить в ворота. Но за ними всадники встретили отпор довольно сильного караула. Были ранены два бойца, выведены из строя четыре лошади. Положение создалось критическое. Выручили Габриш и Попов-Кахаров. Они бросились вперед и забросали караульное помещение гранатами. Сабо, Гудков и еще несколько человек вскарабкались по узкой кирпичной лесенке на крепостную стену. Меткими пулеметными очередями Сабо согнал оттуда сарбазов. Ворота были взяты.

Бой разгорался. Забухали старинные пушки бека, зачастили ружейные залпы неприятеля. Михаил Шишкин все пулеметы двух эскадронов подчинил Месарошу. Под их прикрытием пограничники пошли в атаку.

С группой разведчиков и связных я и комиссар тоже переправились на ту сторону. За нами двинулся 1-й дивизион, состоявший в основном из мадьяр.

Обычно лишь начало боя четко сохраняется в памяти. Дальнейшее мелькает, как в калейдоскопе. Помнится, меня догнали венгры, они мчались двумя шеренгами, бешено кружили шашками и несусветно ругались на трех языках сразу. Лава наша налетела на сарбазов. После короткой схватки мы ворвались в пригород. Кавалеристы растеклись по улицам и переулкам. Всюду слышались пальба, звон клинков, крики.

Возле крепости меня разыскал посыльный от Шишкина. Доложкл, что командир эскадрона тяжело ранен в живот. Его заменил Чанчиков. Общее руководство пограничниками принял на себя Танкушич.

У Восточных ворот уже тихо и безлюдно. Только трупы сарбазов да выбитые взрывами гранат стекла в окнах караульного помещения напоминают о недавней схватке. Бой переместился в глубь города. 1-й мадьярский эскадрон, спешившись, наступал вдоль главной улицы, 2-й — правее. Наша артиллерия, сбив бекских пушкарей с крепостной стены, перенесла огонь на дворец хатырчинского владыки.

Призывы мулл и угрозы офицеров оказали влияние на сарбазов. Они стали упорно драться за каждый дом.

Жилища мусульман состоят из мужской и женской половин. На мужской части двора находятся конюшни и другие хозяйственные постройки. На женской, отделенной от внешнего мира глухой стеной, — подсобные сооружения. Чтобы овладеть таким домом, надо выбивать противника из каждого помещения. Для этого, по сути, требовалась легкая артиллерия. У нас ее заменяли ручные гранаты. Бойцы действовали небольшими штурмовыми группами. От двора к двору наши эскадроны медленно продвигались к резиденции бека.

Два взвода пограничников под командованием Пархоменко в конном строю прорвались через сильный огневой заслон к Западным воротам крепости и отрезали противнику путь отхода на Зиадин и Старую Бухару. В бекский дворец первым ворвался эскадрон Валлаха.

Я прошел под стрельчатой аркой. Вымощенный четырехугольными каменными плитами просторный двор хранил следы поспешного бегства. Хатырчинский властитель и его свита успели взять только боевых коней. Остальные стояли под навесами. Одни из них предназначались для охоты, другие для скачек, третьи для торжественных выездов.

Но не время было любоваться этими красивыми животными:

из глубины дворца доносились выстрелы, взрывы гранат, звон оконного стекла. Я поспешил за Танкушичем во внутренние покои, где продолжала сопротивляться дворцовая стража. Гудков объявил ей по-узбекски, что хозяин сбежал, а гарнизон крепости разгромлен. После этого часть стражи сложила оружие.

Убранство дворца поражало странным сочетанием роскоши и убожества. Рядом с дорогими текинскими, китайскими и персидскими коврами лежали дешевые паласы[11]. В некоторых помещениях наряду со шкурами барсов встречались обыкновенные овчины. Серебро и позолота утвари перемежались с медью и глиной.

Пересекая большой парадный зал, я наткнулся на опрокинутый кожаный сундук. Из него вывалились какие-то рукописи в разноцветных шелковых чехлах. Я распорядился собрать их и сохранить. Как выяснилось позже, тут оказались редкие экземпляры литературных произведений времен Алишера Навои и даже более ранние.

По возможности мы старались не тревожить и без того перепуганных жен и многочисленных наложниц бека. Однако из маленьких окон их келий кто-то продолжал стрелять. Два наших бойца были ранены. Волей-неволей пришлось побеспокоить женщин.

Высадили массивную дверь, ведшую в узкий коридор, по сторонам которого располагались комнаты гарема. Разогнали безбородую мужскую челядь. За одной из створок услышали плач, причитания.

— Не стрелять! — скомандовал Танкушич и бросился на голоса. За ним последовали Гудков, Габриш, Попов-Кахаров.

Зал, в котором мы оказались, был наряден и хорошо освещен. Солнечные лучи проникали через застекленный потолок. Ослепительно сверкали шелка и драгоценности. Вдоль стен толпилось множество женщин и детей. Страх перед красноармейцами был, видно, столь силен, что взрослые даже не пытались прикрыть лица.

В центре на широкой тахте восседала тощая лохматая старуха. Она царапала ногтями лицо, рвала на себе волосы и сипло вопила:

— Не дайте неверным осквернить вас! Кусайте, царапайте их!

— Замолчи, безумная! — рявкнул по-узбекски Гудков.

Танкушич приказал трем бойцам заглянуть под тахту и перетряхнуть одеяла в нишах. Но едва они тронулись с места, плач и крики усилились.

У тахты стояла красивая молодая женщина. Она держала на руках малыша в ярко-красном халатике. Чадолюбивый Габриш

ласково потрепал ребенка за вихор. Глаза матери потеплели. А старуха еще больше взъярилась, коршуном кинулась на бойца и вцепилась в его руку зубами. Освободившись от нее, Габриш; полез под диван и извлек оттуда «маузер» и кривую восточную саблю.

— Нехорошо оружие прятать.

— Это не мы. Это он, — стала оправдываться красавица и указала в сторону глухой стены.

Там, скрытый тенью ниши, стоял дородный чернобородый мужчина в парчовом халате. Я узнал управителя дворца, с которым не раз приходилось встречаться. Вельможа слыл хитрым дипломатом, и бек часто поручал ему улаживать пограничные инциденты. Знал, бестия, что красноармейцы никогда не обижают женщин, поэтому и спрятался на их половине.

— Товарищ Гудков, пригласите-ка его сюда, — попросил я.

Но управитель уже сам шел навстречу Гудкову. Как же, старый знакомый! Не раз сопровождал его от границы до штаба и обратно.

Льстиво улыбаясь и что-то бормоча, управитель протянул унизанную драгоценностями пухлую руку. Красноармеец гневно оттолкнул ее.

— Ну и гад! Уверяет, что у него сердце наполнилось радостью, как увидел меня...

Я знал, каких усилий стоило Гудкову сдерживать себя. Перед самым выступлением в поход из штаба группы пришел пакет с характеристиками на военных и политических деятелей Бухарского ханства. В числе особенно злобных врагов Советской власти назывался и управитель дворца хатырчинского бека. В 1918 году он командовал конным отрядом головорезов, который разрушил железную дорогу и линию телеграфа между станциями Зирабулак и Зиадин. Семьи железнодорожников были безжалостно вырезаны. Среди других погибли отец, мать, бабушка и малолетняя сестренка Гудкова.

На привале в Пейшамбе я рассказал бойцам об этом, а Гудкову дал прочитать перечень злодеяний виновника гибели его близких. И вот теперь он стоял лицом к лицу со своим кровным врагом.

Гудков долго не находил подходящих слов. Потом зло крикнул:

— Туша ты свиная!.. Успокой женщин и ребят. Им бояться нечего. Это только ты способен истязать беззащитных. А мы уйдем отсюда, как только убедимся, что здесь не спрятались сарбазы.

Вельможа сделал вид, что не понял Гудкова.

— Что будет с женами, детьми и матерью бека? — спросил он.

— Это решит новое народное правительство Бухары. А пока пусть не выходят из дворца, — распорядился я.

— Можно ли остаться с ними? Бек поручил мне заботиться о них.

— Нет, вам здесь делать нечего. О них позаботится народная власть, а вы теперь военнопленный.

— Как? Я же не имею никакого отношения к армии.

— Это неправда. Вы офицер, имеете чин токсабы[12], командовали хатырчинским отрядом в восемнадцатом году. За совершенные перед Советской властью преступления придется отвечать...

Под конвоем бывшего управителя вывели на улицу.

6

По зову трубы со всех сторон в центр города стали стекаться подразделения, группки, одиночные бойцы. Командиры строили людей, выясняли потери. Они были сравнительно невелики, но все равно омрачали радость победы. В 1-м эскадроне пограничников особенно скорбели о гибели старейшего бойца венгра Немеша. Он добровольно вступил в отряд самаркандских красногвардейцев еще в конце 1917 года.

Тяжелое ранение надолго вывело из наших рядов Михаила Шишкина. Не повезло и Ване Плеханову. При штурме одного из дворов он случайно попал под свою же гранату. Осколки поразили мягкие части тела. Раны смазали йодом, забинтовали. Плеханов остался в подразделении.

Трофеи наши были богатыми. Наибольшую ценность представляли двадцать захваченных орудий. Количество винтовок, сабель, лошадей подсчитывалось.

Мы с военкомом решили съездить на станцию Зирабулак, где остановился штаб группы. С собой взяли взвод венгерской конницы — в кишлаках и прибрежных тугаях пряталось немало разбежавшихся сарбазов. Но нападать на нас они и не подумали.

— Хорошо, что приехали, — встретил нас Крыжин. — Сейчас проинформирую об обстановке, а потом представлю начальству. Кужело доволен действиями отряда.

Крыжин развернул карту. Он сообщил, что задачи на первый день все выполнили успешно. Самаркандская группа овладела Китабом и Шахрисябзом. Чарджуйская, действуя совместно с бухарскими революционными отрядами, еще 28 августа захватила старый город и крепость Чарджуй, а затем частью сил заняла аму-дарьинские переправы Наразым и Бурдалык, отрезав противнику пути отхода за границу. Главные силы чарджуйцев уже вышли к Каракулю.

— Пока не так, как хотелось бы, идут дела под Старой Бухарой, — заключил Крыжин и сразу же повел речь о наших дальнейших задачах. — Теперь слушайте, что вам завтра делать. Вместе с отрядом Сокольского, который находится в захваченном им Мир-Базаре, с утра двинетесь на Зиадин. Надо добить бежавших из Хатырчи и разгромить войска зиадинского бека. Важно не выпустить их на Зирабулакские высоты. С этой целью между станциями Зиадин и Зирабулак уже курсируют наши бронепоезда... Понятно? Тогда пошли к командующему...

Комбриг Кужело разместился в доме начальника станции. Мы застали его за письменным столом. При нашем появлении он

отложил ручку и шагнул навстречу.

— Рад видеть вас. А еще больше рад сообщению о взятии Хатырчи. Молодцы!

Мы присели на диван. Эрнест Францевич расспрашивал о людях, интересовался взаимоотношениями между бойцами разных национальностей. Он хорошо знал всех командиров и многих бойцов мадьярского дивизиона.

Когда речь зашла о павших в бою, я попросил разрешения отпустить на их похороны в Катта-Курган человек тридцать пограничников во главе с командиром эскадрона Танкушичем.

— Согласен, — хлопнул меня по коленке Эрнест Францевич. — Героев надо похоронить достойно...

В обратный путь мы отправились ночью. Кругом — тьма-тьмущая. Лишь над головой яркая звездная россыпь. Ехали молча. Сказывалось длительное напряжение. Отпустив поводья, многие дремали в седле. Проводник безошибочно выбирал путь в паутине многочисленных троп, исполосовавших вдоль и поперек широкую речную долину.

В город добрались благополучно. Там было тихо. Мы проехали во дворец. В саду, вокруг водоема, подстелив охапки сухого клевера, спали бойцы.

Распахнулась дверь, из-за которой лился мягкий лиловый свет. Оттуда вышел дежурный по отряду Месарош. Он доложил, что только что звонил по полевому телефону Кужело, справлялся, вернулись ли мы.

Меня тронула его забота. Эрнест Францевич всегда был таков.

Конец Бухарского ханства

1

С рассветом я поднял отряд. Танкушич повел траурный кортеж в Катта-Курган, а все остальные выступили по дороге на Зиадин.

Когда втянулись в густые заросли джугары, впереди послышались выстрелы. Послал адъютанта узнать, в чем дело. Оказалось, сарбазы засаду устроили. Пришлось развернуться. Группа небольшая, разогнали быстро. Через некоторое время налет из тугаев. Опять задержка.

«Этак мы немного пройдем», — подумал я и рысью поскакал вперед. Головному подразделению приказал ускорить движение, а на фланги выслать разъезды с пулеметами. Они получили задачу прочесывать все места, где мог притаиться враг.

Наскоки прекратились. Темп марша увеличился.

Перед Зиадином 2-й мадьярский эскадрон должен был остановиться. Однако его командир Габор, которого у нас считали осторожным и несколько медлительным в решениях, на этот раз мгновенно сориентировался и проявил похвальную инициативу. Увидев, что отряд Сокольского подошел к городу раньше нас и уже дерется, венгр с ходу включился в бой. Он атаковал неприятельский заслон в юго-восточной части Зиадина, опрокинул его и ворвался в крепость.

На помощь Габору я послал эскадрон Чанчикова, а Валлаху приказал отрезать противнику пути отхода на Кермине. Валлах отличный кавалерист, дисциплинированный, решительный. Его путь в ряды красных бойцов был типичным для многих военнопленных. Он — сын венгерского металлиста. С большим трудом ему удалось окончить гимназию. Когда вспыхнула мировая война, определился в гусарский полк.

Незадолго до производства в офицеры попал в плен. После Февральской революции в Ферганском лагере военнопленных вступил в коммунистическую группу, а коммунисты первыми записались в Красную гвардию...

Совершив обходный маневр, конники Валлаха при поддержке артиллерии сломили оборону сарбазов, закупорили выход из Зиадина.

Когда смолкли последние выстрелы, я взглянул на часы. Разгром довольно сильного зиадинского гарнизона занял чуть больше часа. Конечно, главную роль в этом сыграли кавалеристы Сокольского. Но и наши действовали напористо. Лишь небольшой части вражеских войск, оборонявшихся в городе, удалось скрыться в садах и зарослях Зеравшанской долины.

Я расположил свой отряд на станции Зиадин. Туда же прибыло и управление группы. Собрав командиров, Э. Ф. Кужело сказал:

— Хатырчи и Зиадин наши, а вот с Кермине неудача. Туда на бронепоезде номер десять был направлен десант во главе с Павлом Волковым. Но против него оказалось куда больше сил, чем донесла разведка. Будем помогать всей группой...

Остаток дня и всю ночь отдыхали, а утром 31 августа двумя колоннами выступили в поход. Путь Кужело избрал кратчайший — по степи вдоль железнодорожной линии. Каршинская полупустыня, на мой взгляд, названа степью по недоразумению. Ее зеленый покров держится недолго: траву начисто выжигает солнце. Лишь кое-где остаются редкие пятна неприхотливой верблюжьей колючки. Но к исходу августа даже и колючка побурела, не выдержав зноя.

Ни ветерка, ни облачка. Раскаленный воздух насыщен мельчайшей лёссовой пылью. Она покрывает все вокруг желто-серой пеленой, лезет в глаза, уши, скрипит на зубах, смешиваясь с потом, грязными струями течет по лицам, проникает за воротник. Бойцы чертыхаются. Задние просят передних поменьше пылить. Но что поделаешь? И без того дистанции и интервалы больше обычных.

Впереди гигантским озером заискрились солончаки. Мираж был настолько впечатляющим, что даже бывалые туркестанцы невольно заторопили коней. И вот под копытами уже похрустывает белоснежная корочка. Соль так мелка, что тоже клубами подымается вверх. От нее слезятся глаза, а тело испытывает неприятный зуд.

Наконец из серой дымки вынырнул станционный поселок. Изнурительный пятичасовой марш завершен. Привал. Все рассыпались вдоль арыка.

Местные жители, радостно встретившие нас, сообщили, что в Кермине, расположенном в пяти километрах от станции, много сарбазов.

Более определенные сведения о противнике удалось получить лишь ночью, когда возвратились разведчики. Нужные показания дал и задержанный разъездом Габриша придворный врач эмира Писаренко. Трудно сказать, что заставило этого эскулапа напялить на себя рваный халат, тюбетейку и пробираться под покровом темноты в Старую Бухару. Он клялся, что хотел перебежать на нашу сторону, но заблудился и попал не на ту дорогу...

Обстановка прояснилась. Главные силы керминенского бека лишь начали занимать оборону по южному пригороду. Внутри

крепости оставлено три батальона. Один из них вместе с пятью сотнями ополченцев обороняет дворец, где укрылась местная знать. Вокруг города расположились группами остатки хатырчинского и зиадинского гарнизонов, несколько сот наспех вооруженных жителей. Артиллерия только на крепостных стенах. Пушек не менее двадцати, в их числе 4-дюймовые клиновые и 9-фунтовые английские.

Собрав командиров и комиссаров, Э. Ф. Кужело объявил свое решение — атаковать Кермине на рассвете, чтобы не дать противнику ни минуты дневного времени для совершенствования обороны. Заметив среди присутствующих незнакомое лицо, я тихонько спросил у С. В. Крыжина, кто это. Он удивился:

— Ты его еще не знаешь?! Это же Миклош Врабец, командир Второго Интернационального кавполка. Поди представься.

Я последовал его совету.

Миклош Врабец был известен в Туркестане. Коммунист-интернационалист, он еще в середине 1918 года сформировал в Ферганской области добровольческий отряд из бывших военнопленных. Вошли в отряд преимущественно венгры. Воевали они лихо. Советское правительство наградило Врабеца орденом Красного Знамени.

Мне было очень приятно лично познакомиться с прославленным командиром полка.

После совещания удалось немного вздремнуть. Еще затемно нас подняли. Я вышел на крыльцо и почти столкнулся с Кажбаком. Он уже возился с лошадьми.

Мой жеребец Сокол вытянул крутую шею — ждал угощения.

— Эх, досада! Забыл прихватить сахарку. Считай, Сокол, теперь два куска за мной.

Но сладкоежка не верил и продолжал лизать пустую ладонь.

Кажбак осуждающе проворчал:

— Чай пил, себе сахар не забыл... Ни-хо-ро-шо!..

Он достал из кармана крохотный огрызок и протянул Соколу. Приходилось молчать: виноват...

Вдали в утренней дымке виднелись высокие зубчатые стены крепости, большие ворота, за ними купол мечети. До самого Кермине простерлась ровная, как сковородка, степь. Части и подразделения развернулись и неподвижно застыли на северной окраине станционного поселка. Томительно тянулись минуты ожидания.

Но вот тишину нарушил грохот тяжелого орудия с бронепоезда. Тотчас же заговорила и полевая батарея кавбригады. Кермине заволокло дымом. Артиллерия бека открыла ответный огонь.

Кужело тронул шпорами серого в темных яблоках коня. Сверкнула сталь клинка, прозвучала команда:

— Группа! Шашки к бою!..

Серебряная труба мягко запела «рысь». Сигнал подхватили полковые и эскадронные трубачи.

Строй двинулся.

Артиллеристы активно поддерживали атаку. Над вражескими позициями — клубки шрапнельных разрывов. Тяжелые снаряды бронепоезда разворачивали глинобитные укрепления.

Кужело перевел коня на галоп. Следовавшие за ним кавалеристы сделали то же самое. Политработники запели «Интернационал». Красноармейцы подхватили знакомую мелодию. Над степью торжественно полетели слова:

Это есть наш последний

И решительный бой...

Вздымая серые облака, неудержимо неслась ощетинившаяся сталью клинков кавалерийская лава. Перед нею заметались теперь уже ясно видимые фигуры сарбазов. Они еще не окопались, а лишь укрылись за дувалами и деревьями, в сухих арыках. Их беспорядочная стрельба почти не причиняла вреда. Шагов за триста до вражеских позиций конники перешли на карьер. На левом фланге и в центре противник не смог оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления, был смят. Красноармейцы ворвались в крепость.

Труднее сложилась обстановка на правом крыле. Путь наступавшему здесь бухарскому революционному отряду Булатова преградил сильный заслон, укрывшийся на кладбище. Белогвардейские офицеры, состоявшие на службе у бека, заставили сарбазов как следует окопаться здесь. Для обороны приспособили также ограды, каменные надгробия, памятники.

Как раз здесь наступал и наш дивизион. Я направился туда, где за куполом одной из гробниц маячил эскадронный знак Валлаха. Со мной поскакали комиссар Сабо и артиллерийский корректировщик.

Действовать в конном строю было несподручно. Валлах и Габор приказали бойцам спешиться. Под прикрытием пулеметов они заняли исходный рубеж для атаки. На помощь нам переключилась полевая батарея, освободившаяся от стрельбы по городу, где уже находились наши главные силы. Сюда же ударили и пушки бронепоезда.

Тяжелые снаряды навели страх на сарбазов. Сверху сыпался шрапнельный град. Как только он прекратился, Валлах и Габор выхватили из ножен сабли.

— Вперед!

Противник был опрокинут и обращен в бегство. Сбрасывая для облегчения ватные халаты, сарбазы спешили к крепостным воротам, не предполагая, как видно, что и там для них спасения нет.

Одним из последних удирал длинный и тощий как жердь офицер-белогвардеец. Валлах дважды выстрелил в него из нагана. Промахнулся. А барабан уже пуст.

— Уйдет, подлец! — крикнул Валлах бежавшему рядом бойцу.

Тот понял, упал на землю. Тщательно прицелившись, плавно нажал на спусковой крючок.

Офицер схватился за поясницу и рухнул на бок.

2

Большой дворец, разукрашенный майоликой, с красивыми открытыми террасами, резко выделялся среди окружающих его серо-желтых домишек. Дворцовое здание было обнесено высокой стеной. За этой стеной и укрылся бек с приближенными. Всего там засело не менее тысячи человек. Туда же стекались остатки разбитого воинства владыки области.

Как знать, чего бы нам стоил штурм этой цитадели, если бы не счастливая случайность. Эскадрон Танкушича, очистив от противника несколько кварталов, выскочил к дворцу с восточной стороны. Левее готовились к взятию центральных ворот подразделения 1-го Интернационального кавалерийского полка. Справа же никого не было. Танкушич выслал туда пеший дозор во главе с Габришем.

Как ни маскировались красноармейцы, их заметили и обстреляли. Отправив назад раненного в ногу Шандора Надя, Габриш с молодым бойцом Камаловым продолжал двигаться в заданном направлении. Шли, как полагается, на некотором расстоянии друг от друга: Камалов впереди, Габриш за ним. Вдруг из-за угла выскочили два всадника. Один из них, судя по богатой одежде и вооружению, был важной птицей. Камалов вскинул винтовку и сразил толстобрюхого. Второй круто повернул коня, но и его настигла меткая пуля.

Подоспел Габриш. Он поймал коня вельможи, обыскал убитых. В нагрудном кармане богача обнаружил массивную печать. Пока венгр занимался этим, Камалов заприметил в дворцовой стене незапертую калитку. Бывалый разведчик, Габриш сразу оценил важность такого открытия. Усмирив злого жеребца, он помог Камалову взобраться на него и приказал во весь дух лететь с докладом к командиру эскадрона.

Танкушич немедленно помчался со своими конниками. Держа наготове гранаты, они осторожно нырнули в узкий проход. Дорожка привела в сад. Там под деревьями стояли на привязи лошади. Возле них было всего несколько человек.

Танкушич приказал командиру отделения Роличу скакать к командиру полка и доложить, что пограничники проникли за дворцовую ограду, а сам немедленно атаковал хоромы. Застигнутая врасплох наружная охрана подняла руки. Лишь несколько человек с криком «кизил аскер»[13] побежали к широкой мраморной лестнице. Их догнали и повалили прикладами.

В дворцовых помещениях поднялся переполох.

Воспользовавшись этим, наши главные силы прорвали оборону противника с фронта и заставили его сложить оружие.

Я заинтересовался, кого же убил в переулке боец Камалов. Оказывается, это были начальник полиции и один из его верных слуг. Пленные офицеры рассказали, что минувшим вечером, когда на станции Кермине уже появились красные, бек в числе других знатных лиц пригласил переехать к себе и мир-шаба[14]. Тяжелый снаряд, угодивший в угол дворца, заставил «владыку ночи» забеспокоиться. Он не скрывал, что боится попасть в плен. На его совести было немало преступлений и против русских, и против своего народа.

На тот случай, если придется бежать, правитель поручил начальнику полиции подготовить лошадей и охрану. Мир-шаб хорошо знал все тайные входы и выходы. Были у него и ключи от секретной калитки. В последний момент он изменил своему владыке, посчитав, что удирать одному сподручнее...

В Кермине я особенно остро почувствовал справедливость нашей борьбы за освобождение трудящихся этого края от гнета эмира и беков. Неподалеку от богатых палат мы обнаружили тюрьму. После роскошных покоев этот мрачный застенок воспринимался как преисподняя. Темная и низкая, похожая на погреб камера со щелью вместо окна источала зловоние. В ней можно только сидеть или лежать. Всю длину ее занимала деревянная колода с вырезами для шеи. В стене имелись тяжелые ржавые кольца. На них висели такие же цепи. Всего полчаса назад здесь томились узники. Их освободили наши бойцы.

Во дворе нашли глубокую сырую яму, обложенную кирпичом. Она не имела ни входа, ни выхода. Был лишь верхний люк. Через него спускали осужденных. Когда крышку открыли, в нос ударил такой спертый воздух, что все отшатнулись. На грязном, загаженном полу валялось человек десять арестантов узбеков. Один из них так оброс, что потерялся в волосах. Он не помнил, когда и за что был закован в цепи. Другие, хотя сидели значительно меньше, также были изможденны и не могли держаться на ногах.

В бекском дворце разместился полевой штаб группы. Сюда стекались все данные о только что отгремевшем бое. Именно здесь я узнал печальную весть о гибели командира 2-го Интернационального кавалерийского полка Миклоша Врабеца.

К вечеру, после короткого отдыха, войска возвратились на станцию Кермине. Санитарный поезд увез раненных и убитых в Катта-Курган. Вскоре подошли вагоны и для нас. Первыми погрузились пограничники и наш дивизион. Вызвав меня к себе, Э. Ф. Кужело без лишних слов протянул телеграмму из штаба

Туркестанского фронта. М. В. Фрунзе запрашивал, когда можно рассчитывать на прибытие под Старую Бухару 2-го Интеркавполка. Как только я ознакомился с текстом, Кужело дал копию уже отправленного ответа. В нем сообщалось, что кавполк уже грузится.

Подошел начальник полевого штаба С. В. Крыжин. Он рассказал о том, что удалось узнать о положении на фронте из оперсводки и от прибывшего с порожняком командира.

Кагано-Бухарская группа войск усилена частями 1-й армии. По приказу М. В. Фрунзе общее командование группой принял от И. П. Белова командарм Г. В. Зиновьев. Ему удалось наконец добиться успеха под Старой Бухарой. Передовые части сегодня ворвались в город, но противник оказывает упорное сопротивление. Чтобы затруднить их продвижение по узким улицам, сарбазы поджигают дома, устраивают завалы и баррикады.

Я спросил, как воюет Самаркандская группа.

— Неплохо, — ответил Крыжин. — Тридцать первого августа освободила города Гузар и Чиракчи. Действующий самостоятельно седьмой Туркестанский стрелковый полк овладел городом и крепостью Карши. Трудовое население встречает Красную Армию с радостью. Народная революция ширится, набирает силы. Но ей надо срочно помочь. Потому-то Фрунзе и стягивает к столице ханства самые боеспособные части.

3

Старая Бухара не была полностью окружена; Противник удерживал в своих руках северную часть пригорода с прилегающими кишлаками. Эмир, несомненно, знал о том, что Старый Чарджуй, Каракуль, Хатырчи, Зиадин, Кермине, Китаб, Шахрисябз и ряд других городов ханства уже навсегда потеряны для него. Можно было ожидать, что Сеид Алимхан скоро попытается удрать.

Захвату эмира и его министров командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе придавал огромное значение. Крайне важно было не пропустить их за границу, где с помощью англичан эмир мог собрать всяческое отребье и возобновить борьбу за восстановление своего владычества. Кроме того, бегство Алимхана из города усложнило бы ход военных действий. Куда легче разгромить и принудить к капитуляции войска в осажденной крепости, чем бороться с ними в Зеравшанской долине или в горах Восточной Бухары.

Первый штурм столицы ханства не был удачным. Когда завязались упорные бои у южной окраины города, пришлось снять часть сил с флангов. Этим воспользовался противник. 31 августа часов в 5 вечера наша воздушная разведка обнаружила 16-верстную колонну конницы с обозом. Она следовала из Ситораи-Махоса — летней резиденции Алимхана — на северо-восток. М. В. Фрунзе заподозрил, что там может находиться и эмир. Михаил Васильевич приказал перехватить бегущих. Для этой цели были вызваны войска из Кермине. Когда наш эшелон отправился в путь, мы еще не знали об этом распоряжении. Поэтому я очень удивился, услышав среди ночи на станции Кизил-Тепе команду «Выгружаться». Еще более странным казалось появление здесь командующего Самаркандско-Бухарской группы войск Д. Е. Коновалова и его полевого штаба.

С Каршинской степи дул сухой теплый ветер. Слабо мерцали станционные фонари. Предчувствуя близость каких-то важных событий, бойцы отряда молча выносили из вагонов оружие и выводили лошадей. Один за другим эскадроны уходили на северную окраину станционного поселка. На всякий случай я приказал Танкушичу подготовить к разведке полувзвод под командованием Попова-Кахарова и подыскать для него проводников из рабочих местного хлопкоочистительного завода. Сам же направился к домику начальника станции, где разместилось руководство Самаркандско-Бухарской группы. Оперативный дежурный доложил обо мне Д. Е. Коновалову,

который что-то диктовал сидевшему за столом командиру. Дмитрий Ефимович поздоровался и попросил минутку посидеть. «Минутка» оказалась долгой, но я не пожалел об этом. Коновалов составлял донесение в штаб Туркфронта о бегстве эмира из Старой Бухары в сопровождении сильного отряда. Достигнув Гиждувана, беглецы повернули на юго-восток. Сообразуясь с обстановкой, Д. Е. Коновалов по своей инициативе изменил первоначальный план их перехвата. Теперь он просил фронт утвердить его решение и поторопить застрявшие где-то эшелоны с курсантским полком.

Наконец донесение было подписано, и Коновалов повернулся ко мне:

— Рад видеть старого туркестанца, да еще с отрядом... Обстановку слышал?.. Давай прикинем, куда теперь может податься Алимхан. К северу от Зеравшана — пески и щебнистые равнины Кизил-Кумов. Дальше обжитые советские земли. Это не очень заманчивое направление. А вот горные районы Восточной Бухары могут привлечь его. Там и войск наших нет и до афганской границы рукой подать... Эмир, несомненно, прихватил с собой лучшие части регулярной конницы. Пытаться разбить их одним твоим отрядом — бессмысленно. Но задержать, пожалуй, можно, а?

Командующий вопросительно смотрел на меня, но я не знал, что ему ответить. Не выдержав затянувшейся паузы, он подошел к столу, развернул карту.

— Смотри-ка. Вот дорога, на которой надо перехватить Алимхана. Так что выступай не мешкая. Сейчас под рукой больше кавалерии нет. Но скоро должен подойти Сокольский и еще кое-кто. Ни пера тебе, ни пуха! Доноси через каждые два часа.

Когда я вернулся к себе, еще не рассвело. Но на востоке небо уже слегка посерело. Немедленно выслал разведку в направлении Гиждувана. Затем собрал командиров и политруков эскадронов, кратко довел до них задачу.

Пропела труба — и мы выступили.

Просыпалось чудесное сентябрьское утро. В клеверах перекликались перепела. Потревоженные топотом копыт, из придорожной джугары то и дело взмывали золотистые фазаны.

Степь скоро кончилась, и мы очутились в долине Зеравшана. Дорога вилась среди буйных зарослей облепихи, тамариска, джиды, тонкоствольной ивы. Сплетения лиан наглухо закрывали обзор.

Из-под кишлака Бустан от Попова-Кахарова прибыли два разведчика. Они доложили, что в трех верстах от нас по большаку идет конница. Численностью до бригады, а может быть, и больше.

Замечены сарбазы личного конвоя эмира. Разъезд укрылся в тугаях и наблюдает.

— Когда обнаружили колонну?

— Минут пятнадцать назад.

— Так... Вы, Асадов, скачите на станцию и доложите командующему. А вы, Петрушкевич, ведите нас к Бустану.

Вскоре нас остановил еще один красноармеец, оставленный на дороге в качестве «маяка». Он предупредил, что противник близко и дальше ехать рискованно.

Я приказал Танкушичу спешить эскадрон и укрыть его в джугаре. Затем с группой управления по зарослям пробрался к Попову-Кахарову.

Перед нами открылось огромное поле. Хлопковые участки перемежались с изумрудными прямоугольниками клевера. Саженях в двухстах через них проходила дорога, а по дороге двигалась пестрая колонна. Возглавлял ее эскадрон афганских наемников, за ним следовали взвод конвоя, затем полуэскадрон разнообразно одетых всадников, снова какая-то группа с зеленым знаменем на длинном древке. Дальше угадывались лошади с вьюками и обоз. Между крытыми арбами и по обочинам ехало не менее сотни конников. Когда все это скопище подошло ближе, я рассмотрел в бинокль гвардию Алимхана — «полк богатырей». Специально подобранные рослые сарбазы выделялись из общей массы темно-синими с черными полосами халатами, темными барашковыми шапками.

Лихорадочно заработала мысль: «Как быть? Какое решение принять?» Знал одно: во что бы то ни стало надо остановить эту лавину.

Постепенно созрел план. Вызвал Месароша.

— Андраш! Тряхни-ка, дружище, стариной. Возьми всех пулеметчиков эскадрона, кроме расчета Сабо, и выезжай вправо, вон к тому карагачу. Выбери там позицию поудобнее и бей вовсю по голове колонны. Не дай в степь уйти. Сигнал к открытию огня — три гранатных взрыва.

Своего адъютанта Ивана Агаркова послал навстречу Валлаху.

— Пусть тремя эскадронами перехватит дорогу.

Танкушичу приказал расположить спешенный эскадрон по границе зарослей, правее моего наблюдательного пункта. Пулеметный расчет Сабо оставил при себе.

Как только посыльный доложил, что Валлах выходит на указанный рубеж, я махнул рукой. Загремели подряд три гранаты. Раздался винтовочный залп пограничников. Резво застрекотал «льюис» Сабо. Его дружно поддержала группа Месароша.

Будто натолкнувшись на невидимую стену, наемники-

афганцы остановились. Арбы, продолжавшие двигаться, врезались в строй конников, нарушили его.

Красноармейцы били по свите и конвою, а афганцев почти не задевали. Я встревожился. В бинокль было хорошо видно, как офицер, гарцевавший на высоком вороном жеребце, разворачивал конников для броска в нашу сторону.

— Товарищ Сабо, бей по афганцам!

Меткой очередью венгр сразил командира наемников. Другие тоже перенесли огонь на голову колонны. Видно было, как падали вражеские всадники, вздыбливались и опрокидывались лошади. Охрана обоза бросилась прочь от дороги. Многие арбакеши[15], оставив повозки, улепетывали вслед за сарбазами. Очень скоро на дороге остались только трупы людей и животных, перевернутые арбы, груды разной клади. Разноцветная орда поторопилась укрыться за невысокими холмами. Видимо ожидая нашей атаки, они выставили пулеметы. Но атаки не последовало. Тогда афганские конники сами пошли на нас.

Я намеревался приказать Танкушичу, чтобы он отвел своих людей поглубже в заросли тугаев. Туда противник вряд ли рискнет сунуться. А если и полезет, то окажется в невыгодном положении.

Но афганцы вдруг быстро перестроили фронт влево. Они, несомненно, обнаружили главные наши силы.

— Оставаться на своих позициях и поддержать Валлаха огнем! — крикнул я Танкушичу.

Валлах своевременно выслал на правый фланг пулеметчиков. Вместе с группой Месароша они встретили вражеских конников плотным перекрестным огнем. А когда еще и с нашей стороны загремели залпы, наступательный порыв наемников заметно угас. Валлах перешел в контратаку. Началась отчаянная рубка. Пыль окутала поле боя. Чтобы не поразить своих, я распорядился прекратить стрельбу и помочь Валлаху ударом с фланга. Танкушич только того и ждал.

Появление свежего эскадрона решило исход схватки. Афганцы были прижаты к реке. Чувствуя, что мы не дадим им переправиться через Зеравшан, они решили проскочить на восток по узкому проходу вдоль реки.

Наблюдая за полем боя в бинокль, я заметил вдали большую группу всадников. Позади них на холмике развевалось зеленое знамя. Возможно, это была свита эмира. Однако пылевая завеса мешала рассмотреть их одеяния. Неожиданно всадники шарахнулись в разные стороны — спугнула начавшая рваться шрапнель. Это с перегона Кизил-Тепе — Малик ударил наш бронепоезд.

Я поскакал к Валлаху. Надо было собрать отряд в кулак. Ведь главные силы Алимхана еще не вступили в бой. Где-то в долине Зеравшана с ним был полк «богатырей».

Мои опасения оправдались. Не успели растаять звуки трубы, игравшей общий сбор, как из долины выкатилась лава эмирской гвардии. Размахивая над головой клинком вправо и влево, я карьером помчался туда, где виднелся знак Валлаха. Следовавший за мной Ковач отрепетовал на трубе сигнал «строй фронт». Эскадроны развернулись навстречу неприятелю. По нему били выдвинутые вперед пулеметы.

Полосатые всадники шли рысью, как на параде. Впереди гарцевал седобородый великан в красном парчовом халате. В его руке сверкал кривой клинок. Не менее красочно выглядели и другие офицеры. Их разноцветные чалмы, яркие халаты, богатое блестящее снаряжение резко выделялись на фоне более скромного убранства рядовых сарбазов.

— Да... красавцы! — заметил Танкушич. — И сила, видать, есть. А вот дух какой — это мы посмотрим...

От противника нас отделяют уже не более двухсот саженей. Подаю знак трубачу. Звучит сигнал «карьер». Махнув клинком в сторону врага, пришпориваю лошадь. Чувствую, как позади загудела под копытами земля.

Кто-то сразил пулей седобородого конника. Лава «богатырей» остановилась. Несколько офицеров и сарбазов бросились к убитому. В этот момент наши эскадроны и налетели на эмирских гвардейцев. В воздухе засвистели шашки, послышались глухие удары, вопли, ругань, ржание лошадей. Строй «богатырей» сломался, попятился. Затем они показали хвосты. Валлах и Габор погнали противника. Кавалеристы-пограничники схватились с вновь появившимися на фланге афганцами. Мадьярский дивизион помог пулеметным огнем и снова рассеял наемников.

Я остановил увлекшихся погоней. Враг располагал еще большой силой. Нам нельзя было об этом забывать и распыляться. Подразделения вернулись и заняли более выгодные, чем были раньше, позиции.

Приведя себя в порядок, «полк богатырей» пошел в новую атаку. На этот раз их было куда меньше, да и наступали они уже не с прежней уверенностью. Стоило нашим пулеметчикам свалить нескольких офицеров, как гвардейцы повернули назад. Мы опять преследовали их до тугаев..

Танкушич прочесал близлежащие кустарники. Пограничники выловили десятка два сарбазов, подобрали трофеи. Вблизи дороги обнаружили ковровые мешки и узлы. Кое-где валялись упавшие с арб кожаные и деревянные сундуки. Некоторые из них

были разодраны и разбиты, и мы увидели ярко блестевшие на солнце золотые слитки и монеты, искрящиеся драгоценные камни.

Я распорядился собрать оружие и ценности в одно место и на охрану их выделил взвод с пулеметом: чем черт не шутит — еще вздумают бухарцы отбить сокровища эмира. Трубачу приказал играть «аппель». Со всех сторон потекли к своим флаг-знакам кавалеристы и начали выстраиваться в линию колонн.

Ко мне подъехал Габор и стал горячо убеждать, что сарбазов надо преследовать. Я возразил:

— Нет у нас сил для этого. Хорошо и то, что мы их не пропустили. Все же это лучшие части эмира, и с ними надо держать ухо востро.

— Какое ухо? — не понял Габор.

Комиссар Рудольф Сабо стал по-венгерски разъяснять смысл этого выражения и сразу вдруг как бы осекся.

— Смотрите!

К нам несся конник. Это был Габриш.

— Что стряслось?

— Эмир удрал!

Я попросил бойца доложить подробнее.

— Мы захватили сарбаза. Он сказал, что Сеид Алимхан с конвоем уже за железной дорогой.

— Где пленный?

— В эскадроне. Он тяжело ранен.

— Передайте Танкушичу, пусть отправит «языка» в Кизил-Тепе, а сам с подразделением следует за нами.

4

Наши жаркие схватки с отходящей вражеской колонной были лишь маленькими эпизодами большого сражения, развернувшегося к юго-востоку от Гиждувана. Еще утром я получил сведения, что западнее нас с ходу вступил в бой прибывший из Ташкента эскадрон курсантов. Вскоре туда же подошли головные подразделения отряда П. И. Сокольского. В 7 часов утра они взяли кишлак Ирзиван.

Сокольский, на которого было возложено общее руководство операцией по захвату Алимхана, одобрил наши действия. Он сообщил, что к Кизил-Тепе уже подходит сводный курсантский и 6-й стрелковый полки, и требовал от нас не выпускать войска Алимхана из Зеравшанской долины.

Мы двигались в предбоевом порядке. Далеко вперед и на фланги ушли боевые разъезды. Все уже изрядно утомились, мучила жажда, но никто не сетовал на трудности.

На горизонте показалась конная группа. Присмотрелись — опять афганцы. Решили атаковать их с ходу. Выслал на фланги пулеметы, начал строить фронт. Но противник, увидев наши приготовления, свернулся в походную колонну и галопом поскакал на юг.

— Ничего не понимаю, — развел руками Валлах. — То на пулеметы лезли, как одержимые, а теперь уклоняются.

— Не соврал, видимо, пленный, — вслух подумал я. — Пожалуй, и впрямь удрал от нас эмир. Если это так, то зачем активничать его воинству? Оно будет теперь только сдерживать нас.

Рудольф Сабо заволновался, горячо воскликнул:

— Надо спешить! Кони встанут — пешком пойдем!..

Перестроились в линию колонн и понеслись переменным аллюром. Афганцы держались поближе к речной долине. Нас это устраивало: легче было отрезать их от железной дороги.

Солнце повернуло к закату, но припекало еще довольно чувствительно. Людей разморило, клонило в дрему.

Кто-то заметил два бронепоезда (настоящих, не хлопковых). Они катили со станции Кизил-Тепе. Из труб валил густой черный дым.

— Набирают скорость, — заметил комиссар. — Особенно первый. Смотрите, насколько оторвался от второго.

Грохнул артиллерийский выстрел. Снаряд пролетел над нами и разорвался далеко позади. Там, где он упал, не было ничего подозрительного.

— Хлопцы, да ведь, никак, с бронепоезда метят в нас! — первым сообразил Пархоменко.

Новый разрыв снаряда подтвердил эту догадку. Он взметнул столб земли уже перед нами.

Мы решили броском выйти из-под огня. Направились в недалекий лесок. Вокруг часто лопались гранаты.

— Трубач, знаменщик, за мной!

Не оглядываясь, я поскакал к тому бронепоезду, что бил из шестидюймовки. Навстречу ударили пулеметы. Рывком осадил лошадь, кулем свалился на песок. Человек двадцать бойцов, следовавших сзади, сделали то же самое.

— Знамя кверху! Ковач, играй «отбой»!

Янош Ковач торопливо прочищал забитый песком мундштук. Наконец затрубил. Красноармеец со знаменем встал во весь рост и замахал красным полотнищем. Пушки умолкли. Объяснение с артиллеристами было бурным. Оказалось, когда бронепоезда стояли в Кизил-Тепе, через железную дорогу проскочила какая-то конная группа. Ее заметили слишком поздно. Тогда решили накрыть тех, кто наверняка последует за головным подразделением. И вот наблюдатели сообщили, что к полотну «валом валит кавалерия противника».

Так очутились мы под ударом своих же орудий.

Уладив конфликт, я со знаменщиком и трубачом отправился на паровозе на станцию Малик. Отряд в конном строю двинулся туда же.

На место прибыли под вечер. Я по прямому проводу доложил Д. Е. Коновалову о происшествии. Он разрешил нам пока отдыхать.

— Алимхана преследует другой отряд, — сказал Дмитрий Ефимович. — А что вам дальше делать, объяснит Крыжин. Он скоро к вам прибудет.

Начальник штаба явился, когда уже стемнело. Возле станционного садика горели костры. Там расположились бойцы эскадрона Танкушича. «На огонек» собрались друзья из других подразделений.

— Пойдем и мы к ним, — предложил мне Крыжин.

Увидев нас, Танкушич хотел было подать команду, но Крыжин жестом остановил его:

— Отдыхайте, беседуйте...

Комиссар втиснулся в круг красноармейцев, а я присел с Крыжиным на край сухого арыка. Сергей Викторович пристально взглянул на меня и, как бы подводя итог каким-то мыслям, сказал:

— В общем, промашку мы дали. Понадеялись, что эмир будет

следовать вместе со своими гвардейцами. А он их бросил. Переждал, пока наши бронепоезда ушли в Кизил-Тепе, и перемахнул через путь. Красноармейский разъезд, заметивший беглецов, пытался гнаться за ними. Но подвели уставшие кони...

К нам подошел Валлах. Он слышал, о чем говорил Крыжин.

— Так почему же нас здесь задержали? — возмутился он. — Почему не бросили по горячему следу?

— Не кипятись, — успокоил его Крыжин. — Вы тоже помотались немало. На таких лошадях разве догонишь? Преградить путь эмиру командующий фронтом приказал частям Первой Туркестанской кавалерийской дивизии, которая освободила район Китаб — Гузар — Шахрисябз. Вам же предстоит вернуться в Катта-Курган. Попутно очистите от разбежавшихся сарбазов полосу между Зеравшаном и железной дорогой.

— А Старая Бухара? — поинтересовался Пал Валлах.

— Как! Вы еще ничего не знаете?

Крыжин встал и громко, чтобы слышали все, объявил:

— Товарищи, Красная Армия и революционные войска восставшего народа сегодня полностью овладели столицей ханства — Старой Бухарой!

На какое-то мгновение установилась мертвая тишина. Потом она взорвалась дружным «ура». Со всех сторон к кострам устремились бойцы, чтобы узнать причину ликования. Возник импровизированный митинг. Крыжин кратко информировал о положении на фронте, о героизме частей, взявших штурмом Старую Бухару и освободивших ряд других городов, поздравил всех с победой бухарской народной революции.

Допоздна возбужденные красноармейцы обсуждали важное известие. Наконец костер постепенно угас. Из-за гребня Зерабулакских высот выкатился диск луны. Люди разбрелись по облюбованным для ночлега местам.

Бивак затих. Только дневальные и часовые, борясь со сном, чутко прислушивались к шорохам ночи.

Наутро отряд выступил в Катта-Курган.

В украинских степях

1

10 сентября 1920 года М. В. Фрунзе подписал свой последний приказ и стал готовиться к отъезду. Он получил назначение на должность командующего Южным фронтом. Вместе с ним убывала и наша Отдельная интернациональная кавалерийская бригада. Спустя два дня она погрузилась в железнодорожные составы и покинула Катта-Курган.

Потянулись однообразные эшелонные будни. Мимо нас замелькали города, кишлаки, полустанки. Проехали Самарканд, Ташкент... После цветущих оазисов Узбекистана перед нами открылись необозримые пустыни. Под скрип ветхих вагонов, перестук колес на избитых стыках бойцы грустили по оставленным родным и близким, вспоминали недавние бои и походы, заглядывали в будущее. Хотелось верить, что с разгромом черного барона Врангеля наступит наконец долгожданный мир.

На станции Аральское Море задержались дольше обычного: пополнялись топливом.

Я прошел к паровозу, который стоял рядом с огромным пакгаузом. В нос ударил резкий запах тухлятины. Чертыхаясь, бойцы дробили лопатами плотные пласты вяленой рыбы, набивали ею тачки, носилки, мешки.

— Какое добро загубили, — возмущался Габриш. — Народ голодает, а тут горы леща гниют. Расстреливать за это надо!

— Ишь прыткий какой! — возразил горячему венгру кладовщик. — Для людей и берегли. В Россию собирались отправить. Да война кругом. Дороги, мосты порушены. Вот и пролежала, пока не испортилась.

Крыши-то худые, чинить нечем. Грузите уж, а то скоро и в топку паровозную не сгодится.

О таком использовании пропавшей рыбы я слышал. Но самому видеть, как она горит, не приходилось. Вскарабкался в будку машиниста.

— А, начальник! — встретил тот. — С чем пожаловали?

— Посмотреть хочу, чем вы тут жеребца своего кормите.

— Это можно. Как раз этим сейчас и занимаемся. Генеральная чистка была...

Откуда-то вывернулся с охапкой сухих поленьев чумазый парень. Сложил их под котлом. Потом облил чем-то черным.

— Нефть?

— Масло хлопковое. Порченое...

Затрещали дрова, взялись жаром, и тогда в топку полетело слежавшееся рыбье гнилье.

Прикрыв тяжелую дверцу, кочегар прислушался.

— Эк, гудит как! Антрацит, да и только...

Аральского «антрацита» хватило до Оренбурга. Здесь удалось запастись старыми шпалами. В дальнейшем жечь стали все, что попадалось под руку, — старые сараи, заборы, погрузочные помосты, отжившие свой век деревья. Поиски и заготовки топлива иной раз занимали больше времени, чем сама езда.

В Самаре узнали, что с 22 по 25 сентября в Москве проходила IX партконференция. Жадно читали доклад В. И. Ленина. Понимали: с Польшей скоро договоримся. Значит, останется один враг — Врангель. Добить его звали агитплакаты, расклеенные на всех станциях.

Кужело высказал предположение, что нас, имеющих опыт борьбы с басмачеством, могут использовать против отрядов Махно. А раз так, надо подготовить к этому красноармейцев.

В политотделе отыскалась брошюра о махновщине. Эрнест Францевич поручил комиссару нашего полка Рудольфу Сабо пройти с этой книжицей по теплушкам, почитать бойцам и командирам, побеседовать с ними:

— Знать врага и его повадки очень важно...

Полтора месяца находились мы в дороге. Наконец 25 октября прибыли на станцию Синельниково. На перроне пустынно. Видать, холод всех загнал в вокзал. Лишь двое в ярко-красных фуражках идут навстречу. Это военный комендант железнодорожного узла и его помощник.

Я представляюсь:

— Начальник эшелона...

Старший из подошедших равнодушно роняет:

— Вам выгрузка, примите пакет.

Спешу в штабной вагон. Там все уже на ногах. Вручаю конверт командиру бригады. Пока он читает, я жестами показываю остальным: пути конец. Все довольны, что кончилась опостылевшая вагонная жизнь.

Хмурой, неприветливой погодой встретила нас Украина. Зло дул северный ветер. Он то нагонял снежные тучи, и тогда мокрые хлопья ложились на черную грязь, то разгонял их, и тогда проглядывало скупое на тепло осеннее солнце. К вечеру земля покрылась коркой льда.

Синельниково было забито войсками. Местные жители, многое повидавшие за последние годы, не обращали на нас внимания. Случалось, правда, что иной любознательный дед, заслышав незнакомый говор, спросит:

— З яких мест будете?

Кто-нибудь из охотников поговорить выпятит колесом грудь,

отрапортует:

— Хатырчинской губернии, Гиждуванского уезда, Маликской волости, кишлака Янги-Базар!

Почешет старина затылок и пойдет восвояси, бормоча под нос, что вот принесло чертяк яких-то, и бис их знае откуда.

Еще в Харькове мы узнали неожиданную весть: Нестор Махно обратился к Советскому правительству с предложением сотрудничать в войне против белогвардейцев. Социально-политические причины, заставившие его перейти на сторону Красной Армии, В. И. Ленин объяснял тогда тем, что люди, группировавшиеся около Махно, уже испытали на себе режим Врангеля и то, что он им может дать, их не удовлетворило. «Здесь, — писал Владимир Ильич, — получилась такая же картина, как с Деникиным и Колчаком: как только они затронули интересы кулаков и крестьянства вообще, последние переходили на нашу сторону».

Центром махновщины было Гуляй-Поле, расположенное верстах в ста двадцати южнее Синельниково. Но «союзники» шныряли везде, держались развязно, хамили. Правда, до стычек дело пока не доходило.

Тылы 4-й армии, куда влилась наша бригада, располагались в районе Александровска (ныне Запорожье). Мне вскоре пришлось туда поехать: надо было раздобыть подковы с шипами. Наши, туркестанские, не годились для обледеневших дорог.

Попусту пробегав по различным учреждениям, я забрел в штабную столовую перекусить. В ней было полным полно народу. Кое-как отыскал стол, за которым сидело всего трое: два рослых, прямо репинских, запорожца и невзрачный пожилой мужчина. Бросились в глаза его длинные каштановые волосы. Выбиваясь из-под серой каракулевой папахи, они свисали до самых плеч.

Подумалось: это не иначе как из Гуляй-Поля дяди. Поздоровавшись, спросил:

— Разрешите присесть?

— Сидай, хлопчик, — ответил лохмач, видимо польщенный уважительным обращением. Его испитое лицо изобразило подобие улыбки.

Я тоже растянул губы и так повернул левую руку, чтобы собеседник увидел на рукаве командирскую эмблему — два скрещенных клинка с подковой под ними, а еще ниже — три серебряных квадратика. Намек был понят, и длинноволосый снисходительно поправился:

— Будь ласка, товарищ командир.

Мои случайные сотрапезники ели явно не столовскую пищу. На тарелках лежали сало, домашняя колбаса, яйца, куски

жареного мяса. Больше всего поразил меня хлеб — пышный, белый. Уж сколько лет не то что есть, видеть такого не приходилось.

Расстегнув широкий каракулевый воротник своей синей венгерки, патлатый потянулся к тарелке. Подцепил кусок поджарки и, прежде чем отправить в рот, сказал по-русски, без всякого акцента:

— Богата еще Украина снедью. Многие старались, а все ж не успели разграбить.

— Верно, батько, все тащили и теперь тянут кому не лень, — угодливо поддакнул один из «запорожцев».

Сказано было явно в адрес Красной Армии. Я уже пожалел, что так опрометчиво затесался в эту подозрительную компанию. А тут еще этот, с водянистыми глазами, пригласил присоединиться к трапезе. Я поблагодарил, но отказался, объяснив, что уже обедал, а зашел сюда только для того, чтобы встретиться с нужным человеком.

Сосед справа ткнул меня локтем и просипел в ухо:

— Та це сами батько Махно!

Я был ошарашен. Не знаю, как бы я повел себя дальше, если бы не заметил командира немецкого дивизиона Владимира Колодина. Я тотчас вскочил и, прощально козырнув соседям, поспешил к нему.

За дверью мы остановились. Я рассказал о встрече с «самим Махно».

— Брось врать, — рассмеялся Колодин. — Тебя наверняка разыграли. Махно, говорят, из Гуляй-Поля и не вылезает.

Из столовой вышел незнакомый комбриг. Он обедал поблизости от махновцев. Я спросил его, не знает ли он людей, которые находились за одним со мной столом.

Комбриг внимательно оглядел меня, не спеша закурил и лишь после этого ответил, что низенький — Махно, тот, что рядом с ним, — Петриченко, командир их конно-пулеметного полка, а напротив — правая рука батька — Каретников, или, как они его зовут, Каретник. Последний был у махновцев вроде начальника штаба, а теперь командует теми частями, которые совместно с нами должны действовать против Врангеля. Но что-то не опешат они на фронт, больше по тылам околачиваются. Эта троица да еще анархист Волин — вот, собственно, и все их «верховное» командование.

— А что им здесь надо? — спросил Колодин.

— Пожаловали в наше интендантство. Грабить-то теперь нельзя...

Когда мы остались одни, Колодин не без гордости сообщил:

— Кажется, напал на след того, что нам нужно.

— Да ну?! Где же это?

Без лишних слов Колодин потащил меня на один из складов. И верно, интересовавшие нас подковы там имелись. Но отпустить их без накладкой кладовщик отказался. Пришлось опять идти в интендантство, разыскивать кого надо, убеждать, просить, требовать. Только к вечеру бумага была подписана. Я вручил ее прибывшему к нам Валлаху:

— Получи, пожалуйста, а я передохну.

Однако Валлах очень скоро вернулся ни с чем.

— Махновцы чертовы, что отмочили! Угнали наши повозки.

— Узнал куда?

— Да разве теперь у них отберешь?..

— Ничего, попробуем.

Поехали в махновский табор. Несмотря на холод и сгущающиеся сумерки, по улицам села толпами разгуливала подвыпившая вольница. Одета по-разному: в полушубки, поддевки, свитки, венгерки, офицерские френчи, пиджаки и даже сюртуки. Еще большим разнообразием отличались головные уборы: всевозможных фасонов и окрасок военные фуражки, кепки, картузы, ушанки, бескозырки, широкополые шляпы и котелки, папахи и высокие, лихо заломленные бараньи шапки. А какой-то верзила щеголял даже в блестящем цилиндре.

Во многих дворах стояли пулеметные тачанки и пушки.

Прямо на нас шел пошатываясь парубок в бушлате и широченных клешах. На голове лихо сидела серая папаха.

— Где у вас здесь старший начальник? — спросил я.

— У нас каждый сам себе начальник.

— Ну так батько какой-нибудь?

— Погляди вон в той хате.

Подъехали к указанному дому. У крыльца толпились махновцы. Оставив коноводов с лошадьми на улице, я и Валлах направились к входной двери. Нас никто не остановил, и мы прошли в прихожую, а затем и дальше. В большой забитой людьми комнате из-за густого табачного дыма не сразу смогли рассмотреть что-либо. Лишь чуть погодя увидели огромный стол, вокруг которого плотно сидели вооруженные «дядьки». Один из них оказался уже знакомым. Это был Петриченко. Он тоже признал меня и пригласил к столу. Однако свободного места на лавках не было. Тогда приближенные Петриченко разом даванули на соседей. На дальнем краю кто-то шмякнулся на пол. Мы с Валлахом сели.

— Що за дило привело до нас? — спросил Петриченко, наливая в жестяные кружки самогон.

— Ваши люди по ошибке наш обоз угнали, — ответил я.

Начиная этот разговор, я мало на что надеялся. Ожидал, что Петриченко начнет толочь воду в ступе, хитрить, путать. Но он неожиданно быстро согласился:

— Мабуть, и так... Петро!..

В дверях показался рослый хлопец.

— Нехай командиру обоз зараз вернут. — И, обращаясь уже ко мне, сказал: — А пока будьмо исты.

Заметив, что мы не спешим приложиться к самогону, Петриченко провозгласил, как ему казалось, неотразимый тост:

— Хай сгинет Врангель! — и протянул свой стакан.

Я чокнулся и поставил кружку на место.

Петриченко искренне удивился:

— Горилки не пьете?

— Нет. Пью только французский коньяк и шампанское.

Комнату потряс громоподобный хохот.

— Видкиля ж це взяты?

— У белых отнимаем. Им Антанта чего только не возит.

— А вы? — обратился Петриченко к Валлаху.

— Он магометанин, спиртного вообще не употребляет, да и по-русски не понимает, — поспешил я ответить за Валлаха...

Подводы нам вернули. Но из-за этого инцидента так и не удалось получить подков. Опасаясь, что утром бригада уйдет на фронт, мы этой же ночью подались в Синельниково.

2

28 октября двинулись в направлении Мелитополя. В авангарде шел наш дивизион.

Подмораживало. Резкий северный ветер леденил спины, сыпалась мелкая снежная крошка. Кони скоро выбились из сил, и бойцы, жалея их, часто спешивались.

— Чертов гололед, — ругался Валлах. — Портит все дело.

К нам подъехал командир немецкого дивизиона Владимир Колодин. Он огромного роста, но его все почему-то зовут Вовочкой. Колодин подчеркнуто резко осадил коня. Тот застыл как вкопанный. Вовочка посмотрел на нас с видом победителя. Еще бы. У него в дивизионе большая часть коней еще в Туркестане была подкована шиповками.

Колодина к нам прислал командир бригады выяснить, не замечен ли противник.

— Какое там! — сердито буркнул я в ответ. — Врангелевцы небось уже в Крыму...

К вечеру на нашем пути встретилось большое село Веселое. В нем остановились на ночевку. В кузнице кто-то из бойцов обнаружил запас зимних подков. Тут уж было не до сна.

Закипела работа. К утру успели перековать часть верховых лошадей на передние ноги и на все четыре — тачаночных.

Пошли резвее.

С юга все отчетливее стала доноситься артиллерийская канонада. У обочин и на полях начали встречаться припущенные снежком трупы людей и коней, поломанные повозки, разбитое оружие. Кое-где маячили махновцы, что-то выискивали.

Верстах в трех к югу услышали частые взрывы, стрекот пулеметов. Прискакал разъезд. Разведчики сообщили, что село Рождественское, куда мы направлялись, занято противником.

Что делать? Ждать подхода главных сил? Или попробовать нанести неожиданный удар?.. В гололед стремительного налета может не получиться. А если в пешем строю?..

Приказ наступать на село цепью кавалеристы встретили без энтузиазма. Не любили венгры расставаться с лошадьми. Приучили их к этому некоторые туркестанские обычаи. Басмачи, например, спешивание воспринимали как признак трусости.

Но я в данном случае руководствовался соображениями целесообразности. На левый фланг выдвинул пулеметные тачанки. Они молниеносно развернулись задками к неприятелю и шквальным огнем «максимов» прижали его к земле. Красноармейцы поднялись в атаку. Скользя и падая, они быстро

сблизились и навязали врангелевцам штыковой удар.

— Добре бьются твои басурманы. Тильки чому не верхи? — услышал я сзади басистый украинский говор.

Оглянулся. Ко мне вразвалку шагал Петриченко. За ним, несколько приотстав, следовало еще до десятка махновцев. Неподалеку виднелись две их боевые колесницы.

Батько со своим штабом прибыл «побалакать» о совместных с нами действиях.

Договорились быстро: я буду продолжать наступление на село, а Петриченко поведет своих «хлопцев» в обход справа, где у неприятеля открытый фланг.

Вопреки опасениям, махновцы не подвели. Они, правда, уклонялись от рукопашной. Зато не жалели патронов, били густо. Противник не выдержал натиска с двух сторон и начал отходить. Мы вступили в Рождественское.

На следующий день, 2 ноября, части 4-й армии разбили белогвардейцев под Сальковом и Ново-Алексеевкой, овладели укрепленными джимбулакскими позициями. Остатки врангелевцев по Чонгарскому перешейку бежали в Крым.

Мы настроились было принять участие в завершающем сражении, но поступил приказ бригаде перейти в армейский резерв и сосредоточиться в районе хутор Адама — станция Рыково — станция Юрицыно.

3

10 ноября красные войска взяли Перекоп. Спустя два дня Врангель объявил приказ о роспуске своей армии.

В связи с победным окончанием гражданской войны встал вопрос об отношениях между Красной Армией и ее временным союзником — анархиствующим кулацким воинством Нестора Махно. Под черным флагом батько не раз объединял контрреволюционные элементы деревни против пролетарской революции, вступал в тайные и явные сговоры с махровой белогвардейщиной. Он всаживал нож в спину Красной Армии даже тогда, когда она вела тяжелую борьбу с Врангелем. Правда, части махновцев, действовавшие в Крыму под командой Каретникова, подчинялись Красной Армии и соблюдали общую дисциплину. Но другие отряды «повстанческой армии», особенно в районе Гуляй-Поля, принялись за прежние бесчинства.

Реввоенсовет Южного фронта призвал войска к бдительности. Член РВС 4-й армии Грюнштейн был назначен начальником тылового района на правах помощника командующего, В его подчинение передали 42-ю стрелковую дивизию, 4-ю отдельную Богучарскую и Отдельную интернациональную кавалерийские бригады. Мы передислоцировались из-под Мелитополя в район Веселогорка — Ново-Николаевка, поближе к Гуляй-Полю.

25 ноября поступил приказ по тыловому району 4-й армии. В нем отмечалось, что в ответ на предложение Реввоенсовета Южного фронта влиться в состав Красной Армии Махно объявил в Цареконстантиновке и восточнее мобилизацию и спешно формирует новые кавалерийские и пехотные части под лозунгом борьбы с Красной Армией. Нашей бригаде ставилась задача к исходу 25 ноября занять рубеж Волков — Воздвиженская — Хвалибоговка, а с рассветом 26-го числа во взаимодействии с частями 42-й стрелковой дивизии и Богучарской кавбригады овладеть Гуляй-Полем. К выполнению такого приказа мы были готовы.

Собрав командиров и политработников, Кужело предупредил:

— Не забывайте, что махновцы хорошо вооружены, имеют боевой опыт. Они, как и всякие бандиты, не стойки в открытом бою, но за свои села дерутся отчаянно.

Эрнест Францевич определил порядок движения. Наш дивизион выступал первым. Нам придавался штабной эскадрон.

— Стрельбицкий, — обратился Кужело к командиру батареи, — вышлите в авангард артиллерийских разведчиков и будьте

готовы поддержать его огнем.

Бригаде был придан также автоброневой отряд. Ему надлежало двигаться между нашим дивизионом и главными силами.

Выступили, как только стемнело. Шли с предосторожностями, без разговоров, без огня, большей частью по бездорожью, чтобы не нарваться на заставы махновцев. Степняк пронизывал до костей.

Казалось, рассвет никогда не наступит. Но вот край неба начал сереть, потом светлеть. Непроглядная пелена поредела, постепенно расступилась. Далеко на горизонте показались крыши хат, верхушки стогов, колодезные журавли. Ветер стих, медленно закружились пушистые хлопья снега.

О Гуляй-Поле у меня были весьма скудные сведения. Из описания уезда знал, что село растянулось вдоль заболоченной речки Гайчур. Сейчас она замерзла, скрыта под снегом и угадывалась лишь по конфигурации долины.

При подходе к Гуляй-Полю встретились с группой всадников. Среди них я узнал Габриша.

— Начальник разъезда номер два, — доложил он, — с донесением командиру бригады. На окраине села все хаты заняты противником. Во дворах тачанки и кони...

Разведчики поскакали дальше, а я принялся внимательно рассматривать в бинокль селение. Оно казалось вымершим. Никаких признаков бодрствования. Видимо, махновцы не ожидали нападения.

Решил начать атаку до подхода главных сил. Подозвал командиров эскадронов, указал ориентиры. Вперед и на фланги приказал выслать парные дозоры. Их заметили. Сухо треснул выстрел, потом другой, третий. Я подал сигнал, и дивизион перешел на рысь.

Когда до ближайших домов осталось чуть больше версты, оттуда ударили пулеметы, торопливо заухали пушки. Однако снаряды падали далеко за нами.

С нашей стороны ударила подоспевшая батарея И. С. Стрельбицкого. Показались и другие подразделения. На душе сразу стало легче. Я дал знак Ковачу, и он затрубил. Кони, подхлестываемые боевым сигналом, понеслись карьером.

То ли махновцы весь огонь направили на главные силы бригады, то ли просто не успели опомниться, но нам удалось сравнительно легко ворваться на окраину Гуляй-Поля и завязать бой на улицах. В селе имелось немало прочных кирпичных построек, приспособленных к обороне. Бойцы забрасывали их гранатами.

Противник задержал продвижение фланговых частей. Худо пришлось бы нам, если бы не помогли артиллеристы. Но они успели выдвинуть орудия в боевые порядки, и штурм опорных пунктов пошел еще успешнее. Уцелевшие бандиты рук не поднимали, продолжали отстреливаться даже из-под обломков своих укреплений.

Куда трусливее вели себя головорезы из Черной сотни имени Кропоткина. Их атаковал 2-й дивизион. Не приняв боя, «гвардейцы» батька посбрасывали с тачанок тех, кто послабее, отняли лошадей у штабников и, окружив Махно, дали деру. После этого началось общее бегство.

Многие красноармейцы без команды бросились в погоню. Я распорядился, чтобы Валлах возглавил преследование. Сам начал собирать остальных. Не хотелось упустить Махно и его свиту.

Пока эскадроны строились, посмотрел пленных. Большинство среди них составляли кропоткинцы.

— А вот знамя ихнее, — не без гордости показал один из красноармейцев сорванное с древка черное полотнище. На нем зловеще белели череп и две скрещенные берцовые кости.

— А говорили, будто эти никогда не сдаются, — с иронией сказал я подъехавшему политруку Биску.

— Мало ли что говорили. Мы и чертей быстро в ангелов переделаем.

Один из «гвардейцев» зверем посмотрел на Биску. Кажбак не выдержал:

— У... волк глядит. Такой сволочь не плен надо, а башка рубить.

В душе я был согласен со своим коноводом. Однако вслух произнес:

— Красная Армия с пленными не расправляется.

4

Утренний туман рассеялся. Далеко впереди авангарда, различимая невооруженным глазом двигалась какая-то колонна. Сзади нее по полю рассыпались небольшие конные группы, отдельные тачанки, всадники. То ли наши, то ли махновцы — разобраться трудно. Доносилась приглушенная стрельба.

Впереди нашего дивизиона на этот раз шел со своими кавалеристами Владимир Колодин. В случае необходимости мы должны были прийти им на подмогу.

С разрешения Кужело я поехал к Колодину, прихватив с собой трубача и два боевых разъезда. Смотрю в бинокль. Теперь хорошо видно, что отходят вражеские колесницы, а махновская конница как будто готовится к бою. Это предположение подтвердила и разведка.

Противник сосредоточился на выгоне перед Новоселовкой. Колодин выслал туда несколько мелких групп. Я распорядился, чтобы подтянулись и наши эскадроны.

Тачанки неприятеля развернулись веером, затарахтели пулеметами. Однако их свинцовый град не достиг цели: слишком велика дистанция. Зато наши артиллеристы точно накрыли их. В поле осталось шесть разбитых и опрокинутых повозок, много трупов людей и лошадей.

В течение дня противник еще несколько раз пытался задержать преследователей. Но каждый раз его заслоны сбивала батарея. Благодарные конники стали называть его не иначе как «наш Ваня». Скупой на похвалу Э. Ф. Кужело также высоко оценил действия пушкарей.

К вечеру подморозило. Отступающие бандиты, хоть и старались всячески, оторваться от нас не смогли.

Наши боевые разъезды буквально присосались к ним. Но люди и кони уже выбивались из сил.

Решил спросить у начальника штаба бригады С. В. Крыжина, когда же будет привал. Сергей Викторович и Эрнест Францевич ехали рядом и беседовали. Я прислушался. Говорил Крыжин:

— Отступающий всегда был добычей конницы. Только махновцы не желают признать эту аксиому. Они считают, что пехота на легких подводах, запряженных четверкой добрых коней, неуловима.

— Неуловима? — переспросил Кужело. — Ну, мы их скоро убедим в обратном. Впрочем... пусть пока остаются при своем мнении...

Задавать вопросов начальству мне не пришлось. Кужело сам

распорядился насчет отдыха.

Остановились в небольшом селе. Накормив лошадей и наскоро перекусив, красноармейцы завалились спать. Разведчики донесли, что неприятель тоже обосновался на ночлег в Берестовом. Это в семи верстах от нас.

В час тридцать ночи Кужело вызвал в штаб командиров полков и дивизионов, комиссаров частей. Когда мы явились, там уже были проводники, подобранные представителем уездной партийной организации. Они подсказали Крыжину, как можно незаметно подойти к Берестовому. Начальник штаба сделал какие-то пометки на своей карте.

Эрнест Францевич кратко изложил план предстоящего боя. Бригада была поднята без сигнала. На марше тоже старались не шуметь. Колеса орудий и пулеметных тачанок обмотали тряпьем, и они мягко катились по обледеневшей дороге. Неспокойным лошадям надели на морды торбы.

В Берестовое ворвались без единого выстрела. Только из одной хаты кто-то запоздало метнул гранату. Ее взрыв и положил начало бою. Боясь в темноте попасть в своих, красноармейцы действовали больше клинками и прикладами. Сталкиваясь лицом к лицу, кричали: «Бухара!» И если в ответ не следовало: «Уртак!» — били встречного.

Не по уставу подобрал Крыжин пароль и отзыв. Зато эти слова помогали бывшим туркестанцам безошибочно опознавать друг друга.

Не многим бандитам удалось унести ноги. Преследовать их в кромешной мгле не стали. Но следом пустили разведчиков.

С рассветом я получил приказ идти наперехват петляющего противника.

— Что они кружат? — удивлялся командир эскадрона Габор. — Компас сломался, что ли?

— А куда им деваться? — откликнулся политрук Биску. — Кому они где нужны? Вот и колесят вокруг своих домов...

Весь день свирепствовала вьюга. Шлях замело. Наши разъезды то и дело натыкались на небольшие вражеские группы. Вспыхивали перестрелки. Мы спешили туда, где они были жарче.

Наконец махновцы применили свою излюбленную тактику отрыва от более сильного противника. Они разбежались по селам и хуторам, попрятались там и на время притихли. Преследовать стало некого. Потеряв их след, мы остановились.

Более двух суток непрерывной погони давали о себе знать. Но долго отдыхать нам не позволили. Бригада получила приказ перейти в район Малая Токмачка — Орехов — Жеребец и ожидать дальнейших распоряжений.

Перед выступлением Кужело провел совещание командного и политического состава по итогам боя в Гуляй-Поле. В заключение он сообщил, что Махно с группой в 400 штыков и 150 сабель бежал на восток. Остатки его 4-го конного полка и часть пехоты на подводах прорвались на юго-восток.

— Товарищ комбриг, — обратился к Кужело Колодин, — как же так? Махно удрал на восток, а нас перебрасывают на запад.

— Вопрос по существу. Попробую на него ответить. Борьба с антисоветским бандитизмом требует особых тактических приемов. В Туркестане, как вы знаете, басмачи создавали свои базы в горах или отдаленных пустынных оазисах. У махновцев тоже есть свой район, вне которого они беспомощны, так как не встречают поддержки населения. Значит, рано или поздно им все равно придется возвращаться к своим домам. Почему нам назначен район не восточнее, а западнее Гуляй-Поля? Лично я думаю, что нас бросят на борьбу с группой Каретникова. Она прорвалась через Крымский перешеек. А вот куда движется, пока не знаем...

5

28 ноября 2-й интернациональный кавалерийский полк прибыл в Орехов. Впервые за последние четверо суток представилась возможность расседлать коней и поспать раздевшись.

Но уже в два часа следующего дня мы получили приказ выступить снова. На этот раз в направлении Цареконстантиновки. Туда же последовали штаб бригады и 1-й полк.

Поручив вести колонну Владимиру Колодину, командир полка П. И. Сокольский, прихватив с собой меня, поехал разыскивать Кужело. Нашли быстро. Эрнест Францевич был в отличном настроении. Сам проинформировал нас об обстановке:

— Каретников, видимо, еще не знает о разгроме главных сил Махно и потому пробивается в Гуляй-Поле. Его преследуют части 4-й армии. Тыл ее теперь стал фронтом. Нашей бригаде приказано задержать Каретникова у Цареконстантиновки.

Кужело показал на карте, где предстоит встретиться с противником, и озорно подмигнул:

— Имейте в виду, в Гуляй-Поле возвращается с востока и сам Махно. Командующий Южным фронтом Фрунзе для борьбы с ним выделил дополнительно третий конный корпус и еще несколько кавалерийских соединений...

К вечеру мы подошли к Пологам, где перекрещивались дороги с запада на восток и с севера на юг. Отдохнув здесь несколько часов, затемно тронулись дальше. До Цареконстантиновки оставалось верст пятьдесят, но мы опоздали туда. Раньше нас ее заняли потрепанные конно-пулеметный, кавалерийский и пехотный полки Каретникова. Как только наша колонна оказалась в пределах досягаемости вражеской артиллерии, со стороны Цареконстантиновки забили трехдюймовки. Однако снаряды рвались вокруг да около, не причиняя нам вреда.

Ехавший в голове колонны разведчик Габриш поучал кого-то из молодых бойцов:

— Артиллерия — оружие культурное. Стреляет по науке: перелет, недолет, потом — в самую точку. Вот ты и не жди третьего снаряда: как попал в «вилку» — сразу в сторону...

Не успел он закончить свои поучения, как неподалеку грохнул взрыв. Взвизгнули осколки. Габриш, охнув, схватился за бедро. Я бросился к нему.

— Что с тобой, Иштван?

— Отвоевался, кажется.

— Рана не страшная. Скоро поправишься. Еще повоюем.

— Не везет мне, — пожаловался Габриш. — Хотел эмира поймать, не пришлось. Думал, хоть Махно попадется, и опять неудача...

Подъехала санитарная повозка. Я попрощался с товарищем и поскакал к ушедшим вперед подразделениям.

Бригада перестроилась в предбоевой порядок. Эскадроны рассредоточились по лощинам, укрывшись от вражеских наблюдателей. Штаб соединения разместился на дне оврага. Здесь Кужело объявил свое решение на бой. 1-й дивизион со штабным эскадроном в пешем строю при поддержке батареи и броневиков должен был атаковать неприятельские позиции в лоб. Главная наша задача — связать противника боем, отвлечь его внимание от главных сил, которые пойдут в обход Царетсонстантиновки.

Части Каретникова пока не проявляли никакой активности. Их словно и не было в селе. Лишь несколько орудий продолжали бить по площадям. Но как только наши цепи поднялись и вышли на открытое место, из-за домов вынеслась конница с тачанками. Повозки быстро развернулись и разразились заливистыми пулеметными очередями. Чаще загрохали вражеские пушки.

Пришлось залечь. Лава махновцев стремительно надвигалась. Впереди нее, играя клинком, скакал рослый всадник. Мне невольно подумалось: «Не Петриченко ли?» За ним на ветру полоскалось черное знамя. Вид мчащихся кавалеристов был довольно устрашающим. Я даже оглянулся: не дрогнул ли кто. Нет, как будто все в порядке. Напряжены, ждут команды.

Кто-то толкнул в плечо. Поворачиваю голову — Кажбак. Он показывает рукой в сторону дороги. Там, грохоча на ухабах, ползли броневики.

Когда до противника осталось шагов семьсот, они остановились и разом открыли ураганный огонь. Тотчас же к ним присоединились наши пулеметчики. Из-за оврага ударили пушки Стрельбицкого. Над конниками и тачанками со звоном стали лопаться шрапнельные снаряды. На поле появились убитые и раненые. Лава потеряла разгон. Некоторые стали поворачивать назад. Наступил критический момент. Я скомандовал садиться на лошадей и повел дивизион в конную атаку. В это же время, завершив обходной маневр, с востока на Цареконстантиновку пошел 1-й интернациональный кавалерийский полк.

Основная масса махновцев покатилась на Берестовое. За ними погнался 1-й полк. Часть бандитов подалась вдоль железной дороги к станции Бельманка. Их неотступно преследовали эскадроны Валлаха и Габора. В этом же направлении двинулся и

штаб бригады.

В резерве Кужело держал немецкий дивизион. Во главе его он и влетел на Бельманку. Засевшие на водокачке и в вокзале вражеские пулеметчики обстреляли Кужело, убили под ним коня. Увидев, что командир упал, к нему бросился штаб-трубач Андраш Бартфай. Но его самого сразила пуля.

На штурм станции одновременно пошли венгры и немцы. Они зарубили более полусотни махновцев и около тридцати взяли в плен.

К вечеру 1 декабря наш полк сосредоточился в Андреевке. Здесь же разместился и Э. Ф. Кужело со своим штабом. А 1-й полк занял Берестовое.

В наши руки попал приказ Махно, адресованный Каретникову. Он полностью касался нас. Крыжин прочитал его вслух, сразу же переводя на русский язык. Там были такие строки:

«Отдельная интернациональная кавалерийская бригада, состоящая из басурманов и москалей, с невиданной дерзостью напала 26 ноября сего года на Гуляй-Поле... причинила войскам народно-революционной армии громадный урон... Приказываю избегать столкновения с нею... Командиров, комиссаров и басурманов в плен не брать».

Последняя фраза вызвала повальный смех.

6

Всю первую половину декабря бригада, войдя в состав особой группы Н. Д. Каширина, вела напряженную борьбу с махновцами. Они метались в районе Орехов, Федоровка, Берестовое, Большой Токмак. Мы хорошо изучили их тактику, маршруты, местность. Это позволяло почти безошибочно разгадывать намерения бандитов, устраивать засады, окружать и уничтожать врага по частям.

По мере укрепления Советской власти Махно все больше терял опору среди крестьян Южной Украины. Теперь за батька продолжали держаться только самые ярые противники нового строя. Как затравленные волки, рыскали они по степи. Дни их были сочтены. Крупные силы Красной Армии концентрическими ударами с северо-запада, севера и востока прижимали остатки батькиных отрядов к Азовскому морю, загнали их в треугольник Федоровка — Акимовка — Андреевна.

Чтобы ускорить разгром этих последышей махновщины, командующий войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе направил сюда особую группу Каширина. Наша бригада шла в авангарде 3-го конного корпуса.

К вечеру по занесенному снегом проселку подошли к Федоровке. Оттуда ударила артиллерия. Снаряд пролетел над нашими головами, еще один взорвался впереди.

— Не свои ли бьют? У Махно не было тяжелых орудий, — забеспокоился Стрельбицкий.

Однако стреляли именно махновцы. Как потом выяснилось, в ночь на 15 декабря они выскочили из Андреевки и, пользуясь темнотой, маскируясь в полосе низких туманов, оторвались от преследования. В Федоровке им удалось захватить три наши тяжелые пушки. Здесь рассчитывали отдохнуть, а затем податься дальше на запад. Но на их пути неожиданно появилась интернациональная бригада и сразу спутала все планы.

Завязался бой. В самом его начале неподалеку от меня вспыхнула красная молния, раздался страшный грохот, и я куда-то провалился. Очнулся в Александровске. Страшно ныла голова. С удивлением узнал, что уже двое суток нахожусь в госпитале. Товарищи рассказали: под Федоровкой бандитов разбили наголову. Побросав все, Махно с отрядом в 400 сабель бежал в Янисаль. Но его нашли и там. С 16 по 24 декабря в непрерывных стычках он растерял последнее, что осталось у него от некогда многочисленной армии, а 25 декабря с кучкой приближенных переправился на правый берег Днепра...

Лишь в начале февраля 1921 года я выписался из госпиталя. Бригада в это время стояла в Покровском. По приказу М. В. Фрунзе она подлежала расформированию. Интернационалисты честно выполнили свой долг перед революцией. В защиту Советской России — отечества всех трудящихся — они внесли немалый вклад. Теперь бойцы и командиры готовились к отъезду по домам, сдавали лошадей, оружие, имущество. На станции уже стояли подготовленные для них эшелоны.

В самый разгар сборов до нас дошла весть: пять-шесть тысяч бандитов, собранных Нестором Махно на Правобережной Украине, удирая от Первой Конной армии, пытаются переправиться на левый берег Днепра напротив Покровского. Еще через несколько часов на взмыленной паре примчался фуражир полка. Боец рассказал, что километрах в сорока от села на продотряд, в котором был и он, налетели махновцы. Они схватили тридцать красноармейцев и после страшных пыток изрубили их. Остальные сорок человек забаррикадировались в здании паровой мельницы и ведут бой.

Кавалеристы собрались в группы, начали обсуждать, как быть. Ведь они, по сути, уже демобилизованные. У них нет даже клинков.

Вдруг все замерли. Со стороны, где размещался 1-й полк, состоявший в основном из русских, украинцев, узбеков, киргизов и таджиков, долетели тревожные звуки трубы. Все их поняли: товарищи выходят навстречу врагу.

И тогда другая труба, на этот раз совсем близко, звонко повторила боевой клич. Трубил Янош Ковач. Кто ему приказал, неизвестно. Да и приказывал ли вообще?

Сигналу повиновались все — и те, кто был за немедленный поход, и те, кто возражал. В мгновение ока вновь были оседланы кони, получено оружие. Через два часа бригада выстроилась. Совершив стремительный марш-бросок, она с ходу вступила в бой.

Махновцы не ожидали такого поворота событий. Взятый в плен бандит рассказал, что батько потому и направился сюда, что знал о расформировании нашего соединения. Когда же ему доложили, что интернационалисты не только выступили против него, но и уничтожили уже пятьсот его конников, он на месте застрелил того, кто принес эту весть. Советники Махно предложили прорываться в другом месте. Батько заупрямился. Он не верил, что демобилизованные красноармейцы будут сражаться с прежней самоотверженностью.

— Басурмачы уже не солдаты. У них теперь одна думка: как бы поскорее до дому. Так что, хлопцы, будем пробиваться через

них, — объявил он свое решение.

На рассвете следующего дня бой закипел с новой силой. Бригада отбила четыре ожесточенные атаки. На некоторых участках бандитам удалось вклиниться в нашу оборону. Но поспешила на помощь 7-я кавалерийская дивизия. Батьке и на этот раз пришлось улепетывать. В последний момент он бросил свою атаманскую карету и с Черной сотней успел скрыться.

Немалые потери понесли мы в том завершающем бою. Около пятидесяти интернационалистов было убито, свыше двухсот человек ранено. Павших героев похоронили с почестями. Прощальным салютом проводили их в последний путь артиллеристы Ивана Семеновича Стрельбицкого.

* * *

А потом стали прощаться друг с другом живые: наши иностранные товарищи уезжали от нас. Много теплых и сердечных напутствий было высказано им. Общее настроение лучше всех, пожалуй, выразил сухопарый, с пышными пшеничными усами кубанец:

— Мы теперь что братья родные. Сколько кровушки вместе пролили, думами одними жили, за дело великое голов не жалели. Поклон вам низкий за это, други. Если случится, что и вам потребуется наша подмога, знайте, мы тоже не откажемся. Кликните только...

Вещими оказались эти слова. В годы второй мировой войны советские солдаты освободили от фашистского ига многие государства. Услышали мы зов братьев по духу и помогли им утвердить в своих странах народный строй.

Мечта красных бойцов-интернационалистов о победе пролетарской революции и за пределами России сбылась.

Список иллюстраций

Иван Федорович КУЦ

В. С. Гуща

Самарканд. Памятник красногвардейцам, павшим в бою под станцией Ростовцево

М. Я. Смирнов

А. М. Цатуров

М. Г. Журавлев

Дуст Устабаев

Карл Боц

П. И. Щетинин

В. С. Агеев

Рахимбек Азимбеков

Янош Береш

Л. А. Чанчиков

Пал Валлах

Э. Ф. Кужело

notes

Примечания

1

Эмир — повелитель, княжеский титул правителей Бухары.

2

В 1886 году территория Туркестанского края была разбита, на пять областей.

3

Кушбеги — так называли премьер-министра в Бухаре.

4

Сарбаз — солдат бухарской армии.

5

В январе 1919 года Агапов был разоблачен как изменник.

Денник — отдельное стойло.

Хурджум — ковровая переметная сума.

8

«Бог, бог! Бей!»

9

Курбаши — главарь басмаческой банды.

10

Суйчи — проводники через реки.

Палас — ковер без ворса.

12

Токсаб — полковник бухарской армии.

13

Кизил аскер — красный солдат, красноармеец.

14

Мир-шаб — дословно «владыка ночи», в данном случае глава полиции.

15

Арбакеш — возчик на арбе.